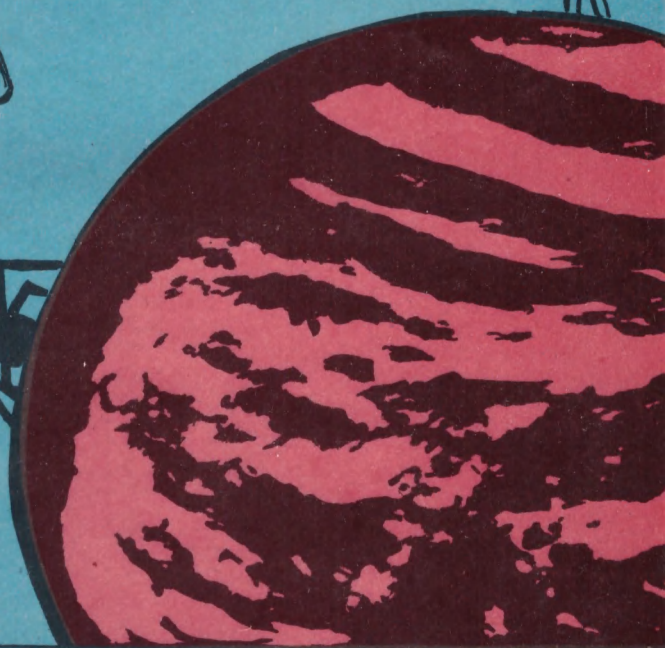

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В книге после страницы 46 следует страница 55, пропуска по тексту нет.

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Сборник научно-фантастических произведений

**Перевод с польского
Е. Вайсброта**

МОСКВА «МИР» 1990

ББК84.4П
Ф48

Фиалковский К.

Ф48 **Пятое измерение: Сб. научно-фантастических произведений: Пер. с польск.:— М.: Мир, 1990.— 175 с.**
ISBN 5—03—002383—6

Сборник ранних произведений польского писателя Конрада Фиалковского не утратил своего значения и привлекательности. К. Фиалковский — физик-фантаст, поэтому ничто фантастическое ему не чуждо.

Место человека во Вселенной — вот его основная тема.

Ф 4703000000—399 без объявл.
041(01)—90

ББК 84.4П

ISBN 5—03—002383—6

Печатается по изданию: К. Фиалковский, «Пятое измерение»,
«Мир», 1966

© перевод с польского Е. П. Вайсброт, 1990

ЕЕ ГОЛОС

—...нам, космонавтам, звезды гораздо ближе, чем вам, на Земле. Они окружают нас, как вас — деревья...— это сказал Аро.

Я знал, что он совсем недавно окончил Академию космонавтики, и ничуть не удивился его словам. Сидящий рядом с Аро невысокий мужчина с проседью молчал. На его сером костюме блестела серебряная стрела покорителя космоса. Это был Ван Эйк — космогатор планет внешней группы, как его отрекомендовал мой друг Рани.

Мы покидали Землю, чтобы пройти полугодовую практику на спутниках Юпитера, и мать Рани устроила прощальный вечер. Ван Эйка пригласили, как «человека оттуда». Для нас космическая экзотика начиналась сразу же за орбитой Марса, которую мы ни разу не пересекли. Для Ван Эйка слова «Титан», «Европа», «Плутон» были не пустыми звуками, а чем-то хорошо знакомым, таким же, как для нас пульт настольного вычислителя. Мы хотели, чтобы Ван Эйк сказал что-нибудь, убедил нас, что жизнь там — тоже жизнь, а не бесконечная вереница дней, когда только и ждешь возвращения на Землю. Но Ван Эйк молчал, как все старые космогаторы, за долгие годы привыкшие к тишине в кабинах своих ракет. Зато Аро говорил за двоих. До меня долетали отрывки его монолога:

—...с нами звезды разговаривают. Подумайте, где-то в бескрайней ледяной пучине космоса вспыхнула новая звезда. Ты сидишь у приемника в ракете и слышишь ее зов; он был брошен во Вселенную тогда, когда еще не существовало рода человеческого, когда атомы, из которых ты состоишь, были еще, быть может, частицей планктона в докембрийском океане...

Я заметил, что подруга Рани, Вия, с восхищением смотрит на вдохновенное лицо симпатичного космогатора.

— Ну, Аро вошел в раж. Теперь его монологу конца не будет,— осуждающе произнес Рани.— Знаешь что,—

обратился он к Аро, — Расскажи-ка еще, как космогаторы беседуют с волновиками.

Он явно издевался, потому что волновики — это мифические формы существования электромагнитных волн, которые, появляясь в виде удивительных голосов, призывов, а то и категорических приказов изменить курс ракеты, слышались космогаторам во время их одиночных полетов. Согласно легенде, тот, кто следовал их советам, погибал.

После слов Рани наступила тишина и стало слышно, как за окном во мраке стрекочут цикады. Совершенно неожиданно заговорил Ван Эйк.

— Ты упомянул о волновиках. Я знал космогаторов, которые клянутся, что волновики и в самом деле существуют. — Он на минуту замолчал, и я подумал, что голос у него теплый и глубокий, как у трансформаторов под током. — Будь я более доверчив, — продолжал он, — я мог бы даже поклясться, что встретил волновика. Собственно, я до сих пор толком не знаю, что об этом думать...

Я внимательно смотрел на него. Нет, он определенно не относился к разряду людей, способных высосать из пальца что-нибудь подобное. К тому же такие истории обычно сочиняют для слушателей, а мы... Нет, вряд ли он стал бы что-нибудь придумывать ради нас.

— Если можешь, Расскажи нам об этой встрече, — робким голосом попросила Вия.

Ван Эйк словно не расслышал. Его выцветшие глаза смотрели на нас равнодушно, будто и не замечая, как не замечали они тысячи звезд, окружавших ракету во время полета.

— Что ж, могу рассказать, — проговорил он наконец. — Хотя вы мне все равно не поверите. Те, кому я переслал рапорт, направили меня на обследование к психиатру; но вам я расскажу...

Это было почти три года назад. Я летел с Марса на Европу, третий спутник Юпитера, на большой, неповоротливой товарной ракете с грузом автоматических регенераторов воды для тамошних баз. Полет был несложный. Подойдя к спутнику, я направил ракету почти по касательной к кривизне поверхности планеты, погасил скорость и вышел на замкнутую круговую орбиту, обходя спутник в плоскости его экватора. Подо мной, освещенные лучами далекого солнца, проплывали белые равнины, окруженные амфитеатрами скал. Кое-где скалы собирались в горные

цепи, а их вершины, покрытые белым налетом замерзших газов, вздымались на тысячи метров вверх, навстречу ракете, вызывая беспокойное дрожание стрелки альтиметра. Я пролетал над одной из глубоких впадин, чьи отвесные рваные склоны были прекрасно видны на нижнем телеэкране, и даже подумал, что сюда немыслимо добраться без ракеты-разведчика. И именно тогда шум в динамике утих, и я услышал слова: «О... нет, это невозможно... — а потом крик: — Томми, спаси... мы погибаем!»

Столько было ужаса в этом женском голосе, что я сразу подумал о трагедии, разыгрывающейся где-то здесь среди скал и пустоты. Когда я давал автомату команду возвратиться к впадине, исчезающей за горной цепью, руки у меня дрожали. Приемник, как всегда при подходе к спутникам, работал в широкой полосе частот, и я не мог определить длину волны передачи. Я включил радарный искатель, который прошупал миллионы кубических километров пустоты и не обнаружил даже крупинки размером в горошину. Значит, то, что я слышал, происходило подо мной, среди скал на поверхности спутника. Однако я напрасно включил телеэкран на максимальное увеличение. Нигде ни корпуса ракеты, ни следа человека. А в моих ушах все еще звучал низкий, полный отчаяния голос. Я ожидал повторного зова, но приемник молчал, и был слышен только шум помех, идущих из космоса. Неужели она погибла, неужели это были ее последние слова, прежде чем лопнуло стекло шлема, дыхание превратилось в иней, а глаза в кусочки льда? А может быть, она погрузилась в легкую, как пух, пыль, местами покрывающую поверхность спутника... Но внизу не было ничего, только эта проклятая неподвижность, вечная неподвижность мертвой планеты, испещренной глыбами скал.

Я кружил над впадиной, наверно, с полчаса. Вызвал обе базы, расположенные на Европе. На одной — все были в сборе, на второй — два петрографа вылетели в небольшой ракете, но они находились совершенно в другом секторе, на противоположном полушарии спутника. Кроме того, приемные станции баз не отметили никакого сигнала, значит, он мог исходить только от передатчика, находящегося в пределах прямой видимости, а ведь тут никого не было. Именно тогда я и подумал о волновиках... Я слишком ясно помнил подробности, чтобы счесть это галлюцинацией, подробности объективные: дрожание стрелки альтиметра, когда я пролетал над вершинами, их

белые рваные склоны... И лишь потом я услышал ее голос... Мне хотелось, страстно хотелось, чтобы зов повторился. Я кружил над впадиной до тех пор, пока меня, наконец, не вызвали с базы. Дальше здесь оставаться было нельзя. Последний круг. Я напряг зрение так, что различил отдельные камни и скалистые уступы. Но там действительно не было никого, никого, кто мог бы кричать...

Ван Эйк умолк и уставился на крышку стола.

— Ты не закончил, не сказал, что думаешь об этом теперь,— прервала тишину Вия.

Ван Эйк взглянул на нее и, пожав плечами, коротко ответил:

— Ничего.

— Всегда, когда мне рассказывали о волновиках,— вставил Аро,— я спрашивал, подчиняются ли они уравнению Максвелла, и никто не мог мне ответить,— молодого космогатора явно волновала эта тема.

Беседа продолжалась. Немного погодя Ван Эйк встал и начал прощаться. Я вышел вслед за ним. Домик был окружен садом, полным невидимых сейчас цветов, пахнущих только ночью. Дальше, за живой изгородью фосфоресцировал аэродром, на котором стояли наши колеоптеры.

— Прости,— робко начал я, догнав Ван Эйка.

Он остановился.

— Слушаю.

— Твой рассказ... какой-то странный, неправдоподобный. На Земле, наверное, не могло бы случиться такое,— быстро добавил я, опасаясь, что он неправильно поймет меня.

— Я рассказал то, что пережил,— в его голосе прозвучало раздражение.

— Знаю... но я проведу полгода на одной из баз Европы и хотел бы увидеть то место...

После минутного раздумья он ответил:

— Я могу дать тебе координаты, но это бесполезно. После этого я сам трижды пролетал над тем местом и ничего не услышал.

— Может быть, они не хотели второй раз...

— Ты, кажется, готов в них поверить. Но подумай, в наших приемниках слышно только то, что подчиняется уравнению Максвелла. Не слишком ли это примитивное правило, чтобы ему могла подчиняться какая-либо жизнь?

Он пошел к аэродрому, и я слышал, как шуршит гравий у него под ногами. Я хотел вернуться на виллу, но в этот момент вверху, в усеянном звездами небе, вспыхнул огонек, и светящийся след растаял во мраке. Я подумал, что это моя последняя августовская ночь на Земле.

Сегодня снова представился случай.

— Ты определишь толщину слоя газов в указанных на телекарте местах. Вот и все.— Главный космик базы подошел к распределительным щитам, считая разговор оконченным. Я всегда чувствовал себя неловко в его присутствии. Не таких главных космиков показывают нам на видеотронных экранах. Те всегда сдержанны, спокойны. Он же говорил нервно, в упор глядя на собеседника своими огромными, живыми, темными глазами. Рассказывали, что он провел на Европе большую часть жизни и знает тут каждый камень. Ему, пожалуй, перевалило за восемьдесят; и я даже удивлялся, почему его еще не отозвали на Землю. Наверно, трудно было найти человека, который бы принял на себя его обязанности на этой висящей между пустотой и скалами базе и столько знал о Европе, Юпитере и вообще о здешней жизни.

Я вышел из его кабинета и спустя минуту уже сидел в ракете с телекартой в руке. Старт, полет, потом измерения, отнявшие не очень много времени, и опять полет ко впадине. Я был тут уже несколько раз и так хорошо знал ее, что мог бы с закрытыми глазами провести ракету среди окружающих гор. Впадина выглядела точно так, как описал ее Ван Эйк. Обрывистые, почти отвесные скалы, достигающие до дна, которое было усыпано камнями, покрытыми инеем замерзших газов. Уже в первый раз я заметил, что радиометр показывает повышенную радиоактивность грунта. В остальном впадина ничем не отличалась от десятков других, разбросанных по всей поверхности Европы.

Откровенно говоря, я уже ни на что не надеялся. Всякий раз неудача. Постепенно я пришел к мысли о том, что у Ван Эйка, уставшего от многочасового полета, были галлюцинации. Я дошел до того, что, кружа над впадиной, смеялся сам над собой и над всей этой затеей. Обычно я кружил до тех пор, пока у меня не кончались запасы топлива, и его едва хватало для возвращения на базу. На этот раз только я сделал несколько десятков кругов, как шум в динамике прекратился. Я невольно подумал о

том, что меня вызывает база, а когда понял, в чем дело, — у меня перехватило дыхание.

— О... нет, это невозможно, — голос был низкий, женский, такой, о котором говорил Ван Эйк. Голос на минуту умолк, а потом закончил с отчаянием: — Томми, спаси... мы погибаем... — Больше ничего. Я чувствовал, что так мог кричать только человек, который видит надвигающуюся смерть.

Один поворот руля — грязно-серые и зеленоватые скалы пронеслись у меня перед глазами, и я опустился почти на самое дно впадины. Полетел к центру и оттуда начал раскручивать спираль. Если бы в котловине был кто-нибудь, я обязательно заметил бы его. Но под корпусом проносились только камни, покрытые белым инеем. И все-таки это не было галлюцинацией. Ведь я помнил каждый звук, интонацию каждого слова, да и Ван Эйк слышал то же... Волновики, да, это, должно быть, волновики передали мне зов о помощи, брошенный когда-то, может быть столетия назад, гибнущей женщиной.

На максимальной скорости я помчался к базе и, ворвавшись в кабинет главного космика, застал там, кроме него, физика базы и двух молодых петрографов. Я рассказал обо всем. Петрографы рассмеялись. Главный только улыбнулся.

— Ты говоришь, это волновики звали на помощь? — спросил он.

— Нет. Звала какая-то женщина.

— Ты слышал ее голос над Долиной Метеоров, уже подлетая к базе?

— Нет, когда я кружил над небольшой впадиной, — я назвал координаты. Он нанес их на карту, некоторое время смотрел на то место, потом взглянул на меня.

— Ну, что же, парень, ты, пожалуй, немного устал. Понимаю, еще недавно Земля, зелень, солнце, а тут крохотная ракета и вокруг — пустота... Три дня отдыха. Базы не покидать. — Его голос звучал твердо. — Кроме того, я пришло к тебе доктора Уатта с его автоматами.

Спорить было бесполезно. Ночь я провел беспокойно. Уатт определил у меня повышенную возбудимость и больше ничего. Так что через три дня я мог продолжать работу и... снова летать над впадиной, как я твердо решил про себя. Мне было необходимо еще раз услышать ее голос.

Полусонный я ворочался в постели, когда вдруг услышал ее. Она говорила что-то, чего я не мог разобрать. Я очнулся, убежденный, что голос мне просто приснился. Но нет, он снова послышался мне, совсем рядом. Я открыл глаза и замер: посреди комнаты стояла женщина. Ее лицо было скрыто в полумраке, так что я видел только длинные волосы и белое платье, сквозь которое просвечивали лучи ночного светильника. Но голос, голос был наверняка тот же...

— ...и чего ты ищешь? Думаешь, найдешь счастье на этой базе... — засмеялась она.

— Нет! Нет! — крикнул я и вскочил с постели.

Фигура женщины заколыхалась и исчезла. Я подбежал к тому месту, где она стояла, и беспомощно огляделся вокруг. Знакомые автоматы, знакомые распределительные щиты... Все, как обычно. Я начал рассуждать спокойно. Если бы подобным образом ко мне явился кто-нибудь из сотрудников базы, я, может быть, немного удивился бы, учитывая позднее время, но, поскольку в каждом помещении есть видеотроны, товарищи вполне могли меня разыграть. Я кинулся к видеотрону. Да, минуту назад он работал. Я ощущал руками тепло, еще струящееся с его сетки. Из всех наших только я один знал голос этой женщины. Это была она. Ее голос я узнал бы среди тысячи других. Без сомнения! Значит — волновики? Ведь не сошел же я с ума: Ван Эйк тоже слышал этот голос!

А эта женщина — кто она? Может быть, нечто большее, чем простое отражение какого-то существа, погибавшего и звавшего на помощь. Может быть, она была формой, которую приняли волновики... И тогда я подумал о словах Ван Эйка. Неужели уравнения Максвелла так уж примитивны?

О ночной встрече я не рассказал никому. Не хотел снова сидеть на базе. Мои опасения были обоснованны, потому что главный космик допытывался, как я себя чувствую и не слышу ли каких-нибудь голосов. Потом я начал работать, как обычно, и дважды навевался к впадине, впрочем, безрезультатно. А на третий раз совершенно неожиданно увидел ракету. Нет, это не было галлюцинацией. Она стояла неподалеку от почти кубической скалы, черным пятном выделяясь на белом фоне замерзших газов. Я посадил свою ракету рядом. Стрелка радиометра резко отклонилась и остановилась на сорока рентгенах. Тут было сильное излучение. С минуту я колебался.

Потом захлопнул замок шлема и, открыв люк, выскочил на белый иней. Несколько шагов — и я очутился у люка той ракеты. Заглянул внутрь. В кабине никого. Я нерешительно стоял, осматриваясь вокруг. Освещенные солнцем вершины скал горели на фоне усеянного звездами неба. Их тени длинными ломаными линиями лежали на белом инее. На горизонте показалась часть огромного, покрытого темными полосами диска. Это вздымался Юпитер. И тогда в тени скалы, освещенной только его лучами, я увидел следы... Они шли от ракеты и исчезали за кубической скалой, которую я заметил во время полета. Следы ботинок скафандра, отпечатавшиеся в газовой пыли. Секунду я стоял в нерешительности. У меня не было ни атомного дезинтегратора, ни какого-либо другого оружия. Кругом мертвая неподвижность, тишина и эти следы...

Я заставил себя сделать три первых шага, потом еще два. Чувствовал, как гулко бьется сердце, когда я проходил мимо скалы. Теперь следы шли прямо к осыпи и исчезали среди камней. Я пошел по ним, выпрямившись, потому что на ровном месте не было никакого укрытия. Сделав еще несколько десятков шагов, я заметил: что-то изменилось. Да, это предостерегающе загорелась красная лампочка внутри шлема. Радиоактивность местности резко возросла. Я подошел к ближайшим скалам и поспешно прижался к ним. Там, среди камней, что-то двигалось.

Это был человек, с трудом взбиравшийся на камни. У него иссякали силы. Увидев меня, он поднял руку.

— Помоги мне,— захрипело в наушниках.

Я подбежал, схватил его за плечи, поднял и тогда сквозь стекло шлема увидел седые волосы главного космика и его лихорадочно горящие глаза.

— Скорей, скорей, бежим отсюда,— его голос звучал неестественно. Красные индикаторы радиоактивности ярко горели в шлемах. Он закинул руку за мою шею, и мы двинулись к ракетам. Уже через несколько шагов он совершенно ослаб. Я взвалил его себе на спину. Несмотря на тяжелый пустотный скафандр, главный космик весил не очень много, а мои мускулы, привыкшие к земному притяжению, без труда справлялись с двойной нагрузкой.

— Быстрей, быстрей,— торопил он. Наконец мы добрались до ракет. Я поставил его на ноги, но он тут же бессильно упал на камни. Нет, он не мог управлять ракетой. Я втолкнул его в свою, и сам взялся за рычаги управления. Мы взлетели, и я взял курс на базу. За все

время он ни разу не пошевелился, глубоко втиснутый в кресло, и упорно смотрел на задний экран, словно ожидая чего-то оттуда, где лежала спрятавшаяся теперь за горизонтом впадина. Он ждал не зря...

Неожиданно я увидел там вспышку, яркую вспышку, свет, который на минуту затмил звезды. Такую яркость может давать только расщепляющееся ядро атома. Теперь лицо у космика было неподвижно, глаза закрыты, казалось, ничто извне не доходит до его сознания. В этот момент я заметил, как он стар. Все, кроме глаз, было у него старым.

Я ничего не понимал, но хотел понять.

— Ты слышал ее голос?— спросил я наконец. Не знаю, дошло ли это до его сознания. Лицо у него оставалось неподвижным. Лишь спустя минуту губы зашевелились.

— Да, это был ее голос,— сказал он с видимым усилием.

— Ты уже когда-нибудь слышал его?

— Да, я всегда считал, что это возможно. Только не знал, как это происходит. Теперь знаю.

— Что именно?

— Все. Но предпочел бы не знать... Впрочем, теперь это и не важно. Ее голос после взрыва умолк, а я, пока выяснял это, получил больше пятисот рентген — вполне достаточно, чтобы умереть. Уже начинается жар.

— Но, может быть, ты ошибаешься. Естественные залежи с такой сильной радиоактивностью встречаются чрезвычайно редко.

— Ты не знаешь, но в этой котловине неоднократно производились атомные взрывы. При этом возникали сейсмические волны, которые мы использовали для исследования внутреннего строения Европы.

— Ну, а голос?..

— Это другое дело.— Он минуту молчал.— Хочешь знать? Хорошо, я скажу, и этим хотя бы частично оплачу свой долг перед тобой... долг доверия.

— О чем ты говоришь?

— О женщине у тебя в комнате. Я воспроизвел ее по видеотронной записи, сделанной много лет назад... Для чего? Если бы ты рассказал об этом, я отправил бы тебя на Землю, как психически неуравновешенного. Я решил, что ты будешь молчать в том случае, если поверишь, что голос и эта женщина — лишь галлюцинация. Тогда ты пре-

кратишь дальнейшие поиски. Но я где-то допустил просчет...

— Ван Эйк тоже слышал голос...

— Да, но я не знал, что ты с ним встречался. Он первый заставил меня призадуматься. Я все время подозревал, что он что-то знает, о чем-то догадывается, но не предполагал, что это с ним действительно могло случиться, — космик замолчал, и я слышал только его учащенное дыхание.

— Мне важно было, — продолжал он через минуту, — чтобы ты прекратил поиски. Ты молод, не мог ничего знать, потому что это старая история, она произошла в те годы, когда я прибыл на базу... Банальная история. Мне было тридцать лет, и я любил женщину, с которой прилетел с Земли. Любил — это, собственно, не то слово. Это было нечто большее... Но однажды сюда явился Ато Боор, петрограф. Ты, наверно, еще в школе учил закон Боора, это был его закон. Он погиб здесь, на Европе. Он проводил сейсмические исследования, но запалы для ядерных взрывов устанавливал я. Однажды, надо же было тому случиться, он появился в этой впадине в тот момент, когда в зарядах началась реакция. Но я не знал, что здесь он встретится с ней. Она помогала ему, так я думаю. Установив магнитофон для регистрации приказов на подготовительном этапе, она пустила ленту, чтобы проверить механизм. В этот момент рухнули окружавшие впадину скалы, подорванные атомным взрывом. Когда все начало обваливаться, она закричала. Ее голос и записала лента. Аппарат выдерживает сильные толчки. В момент падения рычаг передвинулся на передачу. Валик перематывал ленту, на которой были записаны только эти слова. Лента очень длинная и перематывается автоматически. Аппарат получает энергию от радиоактивных веществ, находящихся в батарее. Поэтому перемотка ленты и передача длились бы бесконечно, во всяком случае тысячи лет... Когда подбирали их тела в расплавившихся и раздавленных скалами скафандрах, никто не искал аппарата...

— А тот, третий?

— Кто третий?

— Тот... Томми. Она его звала... Ты же слышал.

— Его там не было...

— Почему же она звала?

Он не ответил. Может быть, не расслышал вопроса. Он сидел ссутулившись в кресле и смотрел на диск Юпитера, все выше поднимавшийся над горизонтом.

ЦЕРЕБРОСКОП

История эта началась, когда профессор Пат вернулся с Сириуса. Сразу же по возвращении он начал читать на нашем курсе цикл лекций по основам кибернетики.

Это был небольшой человечек с черными, как смоль, коротко подстриженными волосами, с нескончаемой энергией метавшийся перед пультами видеотронов. На глазах у него была черная защитная эмульсия, которую он привез с Сириуса и не снял на Земле, так что лицо его было каким-то невыразительным, словно лица андроидов. На Сириусе эта эмульсия защищала зрение от ультрафиолетового излучения, на Земле же, разумеется, была совершенно не нужна и лишь придавала внешности профессора известную экстравагантность. Кроме эмульсии, Пат привез диотона, представителя тамошней фауны, и держал его в огромном — в полкомнаты — прозрачном резервуаре, наполненном аммиаком. Обычно диотон неподвижно висел под куполом своей тюрьмы, напоминая огромный синекрасный лист. Только это и отличало кабинет Пата от десятков других кабинетов, в которых нам довелось побывать за время учебы. Однако профессор приобрел известность не этим. Пат привез с Сириуса не только эмульсию и диотона, но и новую форму экзаменов для студентов, гениальную и абсолютно объективную, по словам Пата; дикое недоразумение, по мнению студентов.

— Дорогие мои,— заявил профессор в своей вступительной лекции.— В нашей работе неважно, что вы помните. Для этого существуют мнемотроны и другие хранители информации. Важно другое: умеете ли вы мыслить. Только это будет иметь решающее значение в вашей будущей работе. К сожалению, до сих пор проверялись только ваши знания. А к чему это привело? К слепой вере в результаты, сообщаемые автоматами. К неумению и даже нежеланию анализировать эти результаты. Вы, вероятно, знаете об эксперименте, который доцент Рамтон проводил

на ста ваших товарищах. Им дали элементарнейшее, почти устное задание, предварительно разрегулировав автомат. И что же оказалось? Девяносто шесть человек вообще не заметили ошибки, трое отметили, что где-то в вычислениях вкралась неточность, и только один дал правильный ответ, получив его от стоявшего рядом автомата, который забыли отключить от сети. Не думаю, чтобы вы, семантики, программирующие сложнейшие мыслящие системы, не могли выполнить это задание. Суть вопроса в другом.— Пат на минуту замолчал, потом продолжал снисходительным тоном:— Такое положение вещей — не ваша вина. В течение многих лет вас приучали к тому, что между запоминанием и знанием предмета нет никакой разницы, поскольку не могли разграничить эти два понятия. Экзаменатор не мог проникнуть в ваши головы и проверить, кто из вас *знает*, а кто только *помнит*. И здесь, на нашей консервативной планете, где почти всегда традиция тормозит прогресс, все примирились с таким положением вещей. Дуновение свежей мысли, как это нередко случалось в истории, пришло извне, да, извне, с Сириуса. В результате многолетних исследований там создали автомат — цереброскоп. Этот прибор читает мысли экзаменуемого, анализируя функциональные токи его мозга, возникающие в результате воздействия внешнего возбудителя — вопроса экзаменатора. Ответ сравнивается с информацией мнемотронов. Поэтому оценка объективна и безошибочна. Весь процесс записывается в памяти цереброскопа и может быть представлен графически в виде cerebroграммы... Вот пример такой записи.

Пат погасил свет, и над его головой загорелся экран видеотрона, занимавший почти всю стену. Посредине появилась черная прямая линия. Видимо, в автомат не поступали никакие импульсы.

— Ничего не видно!— слышались голоса с задних рядов.

Пат хотел что-то ответить, но его опередил отчетливый шепот с передней скамьи:

— Это же кривая работа мозга создателя цереброскопа.

Аудитория разразилась смехом. Прежде чем студенты уgomонились, кривая на экране ожила и острыми пиками поднялась вверх.

— Перед вами cerebroграмма весьма среднего индивидуума. Бывают cerebroграммы с амплитудой в три и даже

четыре раза больше,— пояснил Пат, когда аудитория немного утихла.

— Ну, наш-то курс не пережжет предохранителей автомата.

На этот раз засмеялся и Пат.

Так мы встретили это нововведение в стенах нашего института, хотя уже тогда предвидели, что в будущем неприятностей с ним не оберешься. Однако то, что происходило на экзаменах, превзошло ожидания даже самых отчаянных пессимистов.

— Приходишь,— рассказывал мне Кев, маленький рыжий австралиец, провалившийся на экзамене и от расстройства два дня подряд летавший на ракете вокруг Земли по сильно вытянутой орбите,— приходишь, а тут два ассистента Пата хватают тебя за руки, и не успеешь оглянуться, как ты уже сидишь в кабине. На голову тебе надевают шлем. Тесно, не повернуться, кругом торчат провода, потому что этот цереброскоп — типичная временка. Несет горелой изоляцией, где-то над ухом пощелкивают реле и время от времени климатизатор окатывает смолистым воздухом: по правилам безопасности и гигиены науки без этой климатизации нельзя проводить экзамены. Потом Пат говорит: «Внимание!» — ты смотришь на его физиономию с этими черными глазищами прямо перед тобой на экране, а он дважды повторяет: «Сейчас я задам вопрос, а затем включу автомат». Перед глазами у тебя все время горит зеленый свет, а когда Пат кончает говорить, загорается красный. Тогда ты начинаешь как можно логичней думать о том, что знаешь по этому вопросу. Потом, когда уже обо всем вспомнишь, нажимаешь кнопку с надписью «Конец», и тебя выволакивают из кабины. Только смотри, какую кнопку нажимаешь, а то Ром ошибся и попал под двести вольт! Известное дело — временка... А если ты случайно подумаешь, что ничего не знаешь, то, пусть на самом деле и знаешь, автомат выключается — и точка... Пат приглашает следующего и при этом говорит: «Отвечайте за свои мысли».

Из группы Кева сдали всего несколько человек. Лучше всех как раз те, кто ход рассуждений вы зубрил наизусть. Были и такие, которые мыслили самостоятельно; при этом автомат брнчал, мигал лампочками, запаздывал, словно раздумывая над чем-то, и, наконец, с трудом выдавал результат, не всегда положительный. Пат утверж-

дал, что при очень сложных ответах у автомата возникают трудности с расшифровкой.

— Старайтесь мыслить просто, как можно доступней, словно объясняете, скажем, поэту, который даже математический анализ забыл,— говорил Пат.

— А ведь поэт может ничего не понять...

— Согласен. Но цереброскоп — не поэт, а исправный автомат. Объясните толком — поймет.

Ну, видно, одни объясняли хорошо, другие — плохо.

Я на всякий случай решил пока цереброскопу ничего не объяснять, а подождать до осени. Тем более что погода стояла отличная, и я предпочитал ходить под парусами на нашем озере, чем корпеть над экранами в прохладной тиши библиотек, чтобы хоть чуть-чуть увеличить вероятность успеха.

Так же думал и Тор. Мы жили вдвоем в солнечной комнате на двенадцатом этаже старого небоскреба. Наши окна выходили на пруд, перегороженный серой дугой плотины. Там на фоне зеленых холмов под порывами ветра скользили паруса.

Ван, последний из нашей тройки, утверждал, что эта картина мешает ему мыслить, и включал поле, рассеивающее свет в окнах, отчего казалось, будто наш дом вдруг окутывало белое облако.

Ван действительно мыслил интенсивно. Это он изобрел способ гасить волны ассистентов во время тренировок вне атмосферы и придумал, как от их имени передавать в суммирующие автоматы более лестные отзывы о нас. Это Ван так удачно искажал работу контрольного анализатора во время экзаменов, что пока машина после многочисленных ошибок получала наконец правильный ответ, мы уже дважды успевали проверить его на наших карманных автоматах.

Когда вечером, раскиснув от жары, я вернулся в комнату, Тор изводил мнемотрон однообразными вопросами: «Любит?», «Не любит?» Автомат был явно перегружен и включал красный сигнал тревоги, что, впрочем, несколько не волновало Тора. Ван лежал на кровати, подложив руки под голову и закрыв глаза. Окна комнаты как бы заволочло туманом.

Только я собрался просмотреть последние сообщения по видео, как Ван вдруг вскочил с кровати.

— Есть! Нашел!

Я взглянул на него, а Тор после минутного колебания выключил автомат.

— Вопрос первый,— голос Вана звучал торжественно,— сдадите ли вы экзамены у Пата?

— Нет,— ответил я.

— Пожалуй, нет,— подтвердил Тор.

— По нулю обоим,— изрек Ван совсем так, словно он был цереброскопом.— В том-то и дело, что сдадите. Тор пожал плечами. Я хотел о чем-то спросить, но Ван не дал мне сказать ни слова.

— Не мешай. Вопрос второй: долго ли вам придется зубрить?

— Минимум две недели,— ответил Тор, подумав.

Я кивнул.

— Опять ноль. Ни секунды.

— Хорошо! Но...

— Подожди. Вопрос третий: как бы вы назвали человека, который поможет вам это осуществить?

— Гением!

— Защитником угнетенных!

— Единица!— ответил Ван.— Этот человек — я. Привоенные мне титулы напишите печатными буквами на листе и повесьте над моей кроватью. Так вот, идея настолько проста, что даже удивительно, как никто раньше не додумался до этого. С чем цереброскоп сравнивает полученные от нас ответы? С сообщениями, идущими от мнемотронов. Стало быть, достаточно подключиться к волноводу, собрать информацию и послать ее на передающее устройство с силой, равной силе тока нашего мозга. Эту информацию зарегистрируют как ответ на вопрос. Если ты сам в это время не будешь ни о чем думать, ответ получится на сто процентов правильный. Ну, как?

— Идея отличная, но для ее осуществления необходимо знать устройство цереброскопа. А как ты узнаешь? Ведь в наших мнемотронах о нем нет ни слова.

— Это трудность технического порядка, отчего идея не становится менее великой.

— Однако что-то нужно сделать.

— Я подумал об этом. Устройство автомата мы узнаем во время дежурства Макса.

— Но он не разрешает даже приблизиться к машине. Попробуем лучше во время дежурства другого ассистента.

— Ничего, разрешит. Ты, Тор, пойдешь к нему со своими средневековыми бумажками — почтовыми марками, — так, кажется, они называются. Макс по ним с ума сходит. Можешь даже подарить ему несколько штук. Важно, чтобы он не помешал осмотреть аппаратуру.

— Ладно, но...

— Никаких «но». Для общего блага тебе придется обуздать свою непонятную любовь к намазанным клеем бумажкам.

Больше спорить было не о чем. На следующий день мы пошли к Максy.

— Вы не видели цереброскоп? Не унывайте, еще увидите, — скрипуче рассмеялся он вместо приветствия.

— Видели. Ничего особенного — немного проводов и стул под шлемом. А поближе мы с ним познакомимся во время беседы с Патом, — начал Ван.

— Ну-ну, — засмеялся Макс, на этот раз уж совершенно неизвестно почему.

Ободренный столь удачно развивающейся беседой, Ван приступил к существу дела.

— Коллега, — он указал на Тора, — только что получил из Европы несколько марок, но не знает, к какому периоду они относятся.

— Да? А ну, покажите-ка...

Я впервые увидел на лице Макса нечто вроде возбуждения.

Ван толкнул Тора, который нехотя подошел к Максy и жестом, полным отчаяния, протянул ему альбом. Макс схватил его, открыл.

— О, чудесные марки, прекрасные марки! — Слово «марки» он произносил особенно любовно. — Например, эта, коричневая. Произведение искусства, а? — обратился он к нам.

— Конечно! — воскликнули мы в два голоса.

Подавленный Тор молчал.

— Великолепная работа древних мастеров! — продолжал Макс. Он был уже на третьей странице и склонился над изумительными треугольниками с грибами. Мы с Ваном оставили его и подошли к цереброскопу.

Вход в кабину был приоткрыт. Я просунул голову внутрь. Стульчик, шлем, какие-то переключатели, клавиши, крохотные контрольные лампочки...

— Тут где-то должна быть схема... — шептал Ван, пытаясь заглянуть под сиденье. — Не вижу. Какой-то щит с

гнездами. Есть! — он откинул спинку стула, под ней поблескивала схема.

Мы молча рассматривали ее.

— Здесь, — ткнул я пальцем в схему. — Подключаться надо здесь.

— Согласен. Но где эта штука может быть в кабине?

— Черт его знает! Хотя смотри! Вот центральный делитель импульсов. Подключение должно быть сразу за ним.

— Делитель здесь, — Ван показал на округлый кристалл, мерцающий в темноте, глубоко под сиденьем.

— В таком случае подключимся, пожалуй, здесь, — я коснулся щита со множеством гнезд.

Предположение оказалось правильным. Через несколько минут мы уточнили все.

— Запомни: второе гнездо третий ряд и третье гнездо пятый ряд. Только не перепутай.

— Второе гнездо третий ряд и третье гнездо пятый ряд, — повторил я.

— Чудесно. Ну, пошли, а то все сокровища Тора перейдут к Максy.

Мы незаметно выскользнули из кабины. Треугольнички уже перешли к Максy, и тот как раз убеждал Тора в несомненных преимуществах ромбов, которые Тору предстояло получить взамен грибов.

— А может, мы все-таки осмотрим цереброскоп? — неожиданно спросил сзади Ван.

Макс мгновенно умолк и медленно повернул голову. Минуту он смотрел на Вана.

— Нет, нельзя... — он сказал это странным голосом и, помолчав, обратился к Тору: — Возьми свои треугольнички. Боюсь, я не найду ромбов... Таких, какие тебе понравятся... — добавил он чуть слышно.

Тор даже покраснел от удовольствия и начал осторожно перекладывать вновь обретенные треугольнички в свой альбом.

— А теперь уходите, — сказал Макс решительным тоном.

Мы молча покинули лабораторию. Вышли на каменные ступени перед зданием. Нагретые июньским солнцем, они излучали тепло знойного дня.

— Пойдем на пристань, что ли... — предложил я.

— Нет. Пойдем в нашу лабораторию готовить «анти-

цереброскоп», — так я предлагаю назвать наше изобретение.

Мы пошли в лабораторию, и начались труды тяжкие. Склонившись над экранами трех мнемотронов, застыла темная голова Тора. Ван и я работали с автоматическим конструктором. Задали ему ограничительные данные. Прежде всего «антицереброскоп» надо было сделать совершенно плоским, чтобы его можно было спрятать на спине под рубашкой.

— Понимаешь, его совсем не должно быть видно. Если у тебя на спине будет что-то торчать, ты же не скажешь, что это горб, выросший за время подготовки к экзамену, — обоснованно заметил Ван.

Были у нас хлопоты и с питанием прибора. Я предлагал устроить аккумулятор в ботинке, однако приняли проект Тора: прибор должен использовать энергию цереброскопа. Наконец за день до экзаменов все было готово. Автомат весил немного. Только жал в лопатках. В кармане лежали провода — их надо было подключить к соответствующим гнездам. Мы договорились, что первым сдает Ван.

Экзамен начинался в девять. К восьми пришли первые студенты. Их стального цвета комбинезоны оттеняли бледные, измученные лица. Ван же рядом с ними выглядел особенно цветущим и жизнерадостным.

— Ван, что с тобой сегодня? Письмо с Луны получил? — Аль, огромный парень из Гренландии, подошел к Вану и поднял руку, чтобы дружески хлопнуть его по спине.

— Минуточку, — удержал его Ван. — В столь торжественные дни меня обычно гладят по головке.

Я заметил удивленный взгляд Аля. Он открыл рот, будто собирался что-то ответить, но передумал и удалился, слегка раскачиваясь, словно медведь.

За несколько минут до начала экзамена вошел, точнее, влетел, как всегда темпераментный Пат. За ним спешил Макс и еще двое ассистентов. Пока открывали лабораторию, Пат считал нас, тыча в каждого пальцем.

— Хм... семнадцать. Ну, стало быть, до двенадцати должны управиться. Знаете ли вы, — добавил он с энтузиазмом, — что есть предложение применять цереброскоп на всех экзаменах? Великолепно, не правда ли?! — с этим восклицанием он скрылся за дверью лаборатории.

— Для кого как. Пожалуй, теперь института не окон-

чить: С этими автоматами не сладишь,— уныло сказал Кор.

— Надо учиться. Кто умеет, тот сдаст...

Кор неприязненно взглянул на Вана.

— Я не могу целыми ночами зубрить наизусть выводы. А у тебя действительно есть солидные шансы?

— Конечно. Я сторонник самого широкого внедрения цереброскопов. Вы только подумайте — какие перспективы открываются перед нами. В будущем каждый студент получит по цереброскопу и, ознакомившись с какой-либо проблемой, сможет тут же проверить, освоил ли он ее настолько, чтобы применять на практике...

— Если цереброскопы усовершенствовать, они станут идеальными помощниками в учебе, но сейчас? Ван, ты же не станешь всерьез утверждать, что стоит ввести цереброскоп на всех экзаменах?..— это сказал маленький бледный веснушчатый паренек, один из самых способных на нашем курсе.

Ван хотел что-то ответить, но только улыбнулся, потому что в этот момент открылась дверь и на пороге появился Пат.

— Заходите, заходите все. Будете наблюдать, как мыслят ваши товарищи.

Мы вошли. Автомат уже работал на холостом ходу, вычерчивая на экране горизонтальную линию.

— Ну, кто первый?— спросил Пат.

Все стояли, переминаясь с ноги на ногу. Наконец вышел Зоо. Спустя секунду он уже сидел в кабине. Пат повторил всем приевшиеся правила пользования автоматом и наконец задал вопрос:

— Каков эквивалент одиночного импульса в гомофильной сумме?

Сказав это, он нажал кнопку, и кривые стартовали. Зоо, согласно инструкции, ничего не говорил, обдумывая проблему. Огоньки загорались и гасли. Кривые лениво извивались. Несколько минут царила полнейшая тишина. Только щелкали реле. Сквозь прозрачное окно кабины мы видели лицо Зоо. Он закрыл глаза и усиленно думал. Иногда едва заметно шевелил губами, словно шептал что-то автомату. Наконец медленно протянул руку и выключил автомат. Пат задал следующий вопрос, потом еще. Наконец Зоо, весь мокрый от пота, вышел из кабины.

— Ты набрал минимальное количество очков,— определил Пат после того, как результаты стали ясны, а

затем обратился к Макс:— Как он отвечал? Тебе видно, как данные согласуются с его ответами.

— Мне кажется, он отвечал неплохо,— отозвался Макс, немного подумав.

— Ну, значит, получаешь тройку,— заметил Пат.

Зоо резко повернулся и вышел не прощаясь.

Следующим пошел Вибер. После второго вопроса он выскочил из кабины.

— Не буду я сдавать автомату! Это несправедливо. Он анализирует мысли, которых я бы никогда не высказал вслух!

— Коллега, успокойтесь! Вы нервничаете!— Пат обращался к Виберу, как к больному.

— Профессор, Вибер до некоторой степени прав,— прервал Пата Макс.— Я подключен к анализатору и вижу его мысли. Человек не в состоянии всецело сосредоточиться на теме. Всегда существуют мысли побочные, порой не подлежащие огласке...— Макс неприятно ухмыльнулся.

Пат взглянул на него, но его глаза, скрытые черной эмульсией, были лишены выражения, лицо оставалось бесстрастным. Потом он повернулся к Виберу.

— Вернитесь в кабину. Будем кончать экзамен.

— Я не стану сдавать этому автомату!

— Успокойтесь и приходите позже или завтра. Кто следующий?— Пат повернулся к нам.

Тогда вперед выступил Ван. Скрылся в кабине. Пат сказал ему то, что говорил обычно, а потом задал вопрос. И тут началось.

Огни загорелись, погасли. Кривые, извиваясь, заматались по экрану. Мы не успели прийти в себя от изумления, как они уже замерли. Ответ был готов.

Пат минуту стоял, недоверчиво вглядываясь в экран, наконец решился и задал следующий вопрос. Снова помчались кривые, и несколько секунд спустя был получен результат. Пат подскочил к кабине. Я боялся, что Ван не успеет отключиться от цереброскопа.

— Коллега, вы гений!— восторженно крикнул Пат. Ван скромно опустил глаза.

— Ничего подобного я еще не видел,— продолжал Пат,— ни на Сириусе, ни на Земле. Никогда не предполагал, что среди моих студентов скрывается такой титан мысли!

Кроме нас двоих, все смотрели на Вана с изумлением, смешанным со страхом.

— Невероятно!— повторил Пат.— Что вы делали до сих пор, молодой человек?!

— Ничего... только получал знания...

— Правда... и Эйнштейн не блистал в институте... Но такой мыслитель, как вы... Невероятно!

Ван смутился.

— Простите, профессор, это было колоссальное умственное напряжение. Я... сдал?

— Конечно. Прекрасно! Почти максимальное количество очков...

— Мне можно уйти? Я хотел бы немного отдохнуть.

— Ну, разумеется, идите. Необходимо беречь такой чудесный инструмент, как ваш мозг.

Я вышел с Ваном. И еще слышал в дверях слова профессора:

— Видите! Цереброскоп может служить также и для выявления гениев...

Я подумал, что произойдет, если на одном экзамене будут выявлены три гения. Но отвечать надо. Выбора у меня не было.

Остальное произошло быстро. Ван надел на меня «антицереброскоп», и я вернулся в лабораторию. Но я слишком волновался. Чувствовал, что ноги у меня словно сделаны из ваты. Мысленно я без конца повторял: «Второе гнездо третий ряд, третье гнездо пятый ряд». Будто сквозь туман видел, как сдавал Аль, слышал, как Пат продолжал восхищаться гениальностью Вана. Наконец пришла моя очередь. Я быстро вскочил в кабину, хлопнул дверь, вынул из кармана провода и вдруг понял; не могу вспомнить номера гнезд. Мне стало жарко. Через минуту прозвучит первый вопрос. Нет, не могу вспомнить! Кажется, второе гнездо третий ряд и третье гнездо четвертый ряд. Пожалуй, так. Все равно ничего другого не придумать. Я как можно скорее воткнул штекеры в гнезда, распрямился в кресле и, втянув в себя живительный воздух, с облегчением вздохнул. Теперь ответ придет сам, только нужно ни о чем не думать.

Пат монотонно повторял свои формулы. Я даже не слушал. Для меня экзамен был уже позади.

Впереди два месяца каникул, вода, паруса... Я представил себе ласточек, которые носятся над водой, почти касаясь ее поверхности...

Неожиданно я заметил, что уже горит красная лампочка ответа. Пожалуй, все в порядке. Автомат трещал переключателями. Потом все стихло. Сквозь окошко я увидел, как мои товарищи покатываются со смеху. Что-то случилось. Я выскочил из кабины.

— То, что ласточки — позвоночные, и то, как они вьют гнезда, пожалуй, еще не семантика, — рассуждал Макс.

Один Пат не смеялся. Молчал, красный от гнева.

— Может, автомат испортился, — неуверенно предположил я.

— Это гений Вана вывел цереброскоп из строя, — подсказал кто-то со стороны.

— Наверно, перегрузил, — добавил другой голос.

— Мы не станем сдавать испорченному автомату!

— И вообще неизвестно, правильно ли он работал с самого начала... Бен все прекрасно знал — и провалился, — поднялась волна протестов.

Пат стоял бледный. Все взгляды устремились на него.

Наконец он сказал:

— Прошу меня извинить. Конечно, все оценки будут аннулированы. Нельзя судить о знаниях студентов на основании показаний столь скверно работающего прибора, — Пат говорил тихо, бесстрастно. От его былой энергии не осталось и следа. Одинокое стоя у стены, он пропускал студентов, со смехом покидавших зал.

— Ах ты, гений-кретин! — приветствовал меня Ван. — Знаешь, что ты наделал? Ты подключился непосредственно к диспозитору цереброскопа и направлял его собственными мыслями. Он выбирал информацию по вопросам, о которых ты думал, а остальное шло, как мы предвидели. Скажи честно — ты думал о ласточках?

— Да.

— Тогда все ясно. Ну, сдается мне, после такого провала Пат не возобновит своих опытов! — Ван захохотал. — Впрочем, поживем — увидим.

Эта история осталась нашей тайной. С тех пор прошло уже несколько лет, и теперь мы кончаем институт. На Вана по-прежнему смотрят подозрительно и показывают его первокурсникам:

— Это тот, который думал быстрее, чем цереброскоп...

Пат в последние годы принимает экзамены так же, как все остальные, но недавно я слышал, что он собирается привезти с системы Сириуса новую, усовершенствованную модель цереброскопа. Нам это уже не грозит. Пусть волнуются следующие поколения студентов.

СТОЯЩИЙ НА ГРАНИ ДВУХ ВРЕМЕН

Уже сотни лет экзамены сдают в мае. Правда, придумано не ахти как удачно, зато освящено традицией. Разумеется, на Марсе это не имеет значения, но на северном полушарии Земли, пожалуй, следовало бы внести кое-какие изменения.

Академия космонавтики, в стенах которой, по выражению Цифирки, «люди превращаются в космонавтов», расположена в центре Европы, и поэтому зубрить мне приходится как раз тогда, когда цветут каштаны, когда первые порывы теплого, уже летнего воздуха пригибают к воде камыш на берегу озера, а климатологи организуют теплые лунные ночи.

Я живу в высотном здании неподалеку от старой академии и часто смотрю на ее тяжелые серые стены, придавленные тяготением, которого не могли победить древние строители. Сейчас там музей роботов: под низкими сводами залов выстроились ряды автоматов, которые когда-то для чего-то были нужны. Я люблю эту тишину, полумрак застекленных прямоугольников, именуемых окнами, и едва ощутимый запах материалов, из которых некогда делали автоматы,— аромат прошлого.

Я был там недавно, несколько дней назад, с Таффом, Лили и Вортом. Мы встретились у входа в экзаменационный зал. Я искал Ворта и пришел как раз в тот момент, когда автомат вконец охрипшим голосом вызывал Таффа. На минуту шум утих, и я услышал голос Ворта:

— Сат! Куда ты летишь, протонище?! Мы здесь...

Они с Лили стояли у колонны информатора.

— Подойди-ка на минутку, Сат. Расскажи, как ты сдал...— Лили крепко схватила меня за рукав.

Тогда я вспомнил, что вчера сдавал экзамен, а они еще ничего не знают.

— Провалился,— сказал я.

— Как так?

— Очень просто. Спросили о древней гипотезе, касающейся Красного Пятна Юпитера. Гипотеза какого-то Вильдта или как там... Никогда не мог запомнить замысловатых научных предположений, с которыми выступали наши уважаемые прадеды...

— Ну и что?— Лили все еще держалась за мой рукав.

— Известно что. «Подучите, дорогой коллега»,— просипел Цифирка, как обычно говорят разлаженные автоматы, и открыл выходное поле.

— У Цифирки вечно такие штучки,— авторитетно заметил Ворт.— «Прошу вас, коллега», «благодарю вас, коллега», а пила — каких мало. Не расстраивайся, Сат...

— Неловко все-таки...

— А что ему расстраиваться,— пожалала плечами Лили.— Может еще раз пойти сдать тому же Цифирке. А у меня вот осталась только полуавтоматная...

— Не горюй. Тафф говорит, что нет ничего лучше автоматов...— попытался я успокоить ее.

— Так то Тафф. У него есть подход к автоматам. Он, кажется, когда-то изучал психологию гомоидальных автоматов.

— Брехня,— заметил Ворт.— Его выгнали с того факультета, и он попал к нам...

— Но он на этом собаку съел. А в Музее древней роботики почти все автоматы — его старые знакомые.

— С некоторыми я даже на ты,— сказал Тафф, подойдя ко мне и хлопнув меня по плечу.

— Ну, как, Тафф, сдал?

— Мгм... Цифирка расспрашивал о бдящих и кричающих роботах. Я лично знаком с несколькими, так что в общем сами понимаете...

— Так ты вместо системы Юпитера сдавал роботик?— недоверчиво взглянула на него Лили.

— Ничего подобного. Цифирка спросил меня, кто спас поселок Саган, когда битоптеры открыли люк входного шлюза. Помнишь случай на спутнике Юпитера, Европе, семьдесят или восемьдесят лет назад?

— Ты даже не знаешь точной даты и все-таки сдал?

— Мы как-то не говорили о датах. Я рассказал Цифирке, как бдящий робот учуял битоптеров и героически, рискуя раствориться, дал импульс кричающим роботам. Те начали с акустических частот, но потом перешли к

ультразвукам, и когда прибежали космонавты, от битоптеров осталось одно воспоминание.

— Воспоминание?— деловито спросил Ворт.

— Я не знаю точно, но Цифирка тоже не знал, поэтому он лишь кивнул, и я сдал...

— Везет же человеку!

— Это не везение, а всестороннее знание предмета и... знакомства среди роботов из Музея древностей...

— При чем здесь знакомства?— спросил я, потому что не мог уловить связи между музеем и экзаменом.

— Что за вопрос! Там есть один старый автомат-сказочник. Когда-то он рассказывал мне подобную историю, пришедшую в земном городе Рима, о кричающих автоматах с каким-то странным названием.

Ворт немного подумал, потом сказал:

— Я думал, ты говоришь серьезно. Поселок Саган был спасен бдящим автоматом. Кричающих там вообще не было...

— Но ведь могли быть...— не растерялся Тафф.— Впрочем, стоит ли спорить о мелочах?

— Знаешь, Тафф, я бы не прочь сходить в твой музей,— неожиданно предложила Лили.

— Зачем? Ты же современный нейроник, значит, не любишь возиться со старыми автоматами...

— Еще бы! От этих автоматов вечно пахнет горелой изоляцией. Но вдруг он мне поможет...

Я немного удивленно посмотрел на Лили, так как никогда не подозревал, что она способна додуматься до этого.

— То есть как?— Тафф тоже был удивлен.

— Я завтра сдаю полуавтоматный. Если провалюсь — в академии мне делать нечего.

Тафф на минуту задумался.

— М-да. Дело дрянь. Только не знаю, захотят ли эти роботы с тобой разговаривать.

— Почему?

— Они что-то не любят девчат...

— Это почему же?

— А просто так. Наверно, не привыкли. Раньше почти всегда мужчины создавали и воспитывали роботов.

— А женщины?

— У женщин было столько других занятий... Во всяком случае, роботами они не очень интересовались.

— Болтовня,— перебил его Ворт.— У нас есть исторические примеры...

— Да, есть,— согласился Тафф.— Но работы с ними не знакомы.

— Ну, значит, не пойду в музей,— пожала плечами Лили.— Да и чем эти старые сундуки могут мне помочь?

— Ты права. Нам, нормальным людям, нечего делать около этих транзисторных трупов. Другое дело такой тип, как Тафф...— сказал Ворт и взглянул на Таффа.

— Впрочем, неважно. Я сдаю завтра в полдень. Все равно ничего не успею выучить. Если не сдам... Эх, да что там говорить...

— Больше оптимизма, Лили.— Ворту было жаль ее.

— Почти наверняка не сдам. Вы знаете об этом не хуже. Нечего утешать. Выгонят — и все. Не волнуйтесь, я не расплáчусь перед этими автоматами и вашим Цифиркой!

— Не падай духом, а то провалишься,— сказал я как можно убедительнее.

— Слушай, есть идея,— неожиданно вставил Тафф.

— Внимание, защитник транзисторных гробов что-то придумал! Это не часто случается...— сказал Ворт, который не был поклонником таффовских идей.

— Перестань ерундить, я говорю серьезно.

— Что за идея?— спросил я.

— Но, чур, все замечания — только после того, как я кончу. Договорились?

— Но мы же серьезные, почти как автоматы,— не выдержал Ворт.

— Ладно!— сказал я.

— Так договорились?

— Договорились. Выкладывай свою идею.

— Так вот, триста лет назад,— начал Тафф,— в городе Ата на Марсе жил старый кибернетик... и случилось так, что этого кибернетика исключили из Всесолнечного кибернетического общества и, хотя он был известным в свое время ученым, издали приказ стереть его имя из памяти всех автоматов, мнемотронов и прочих аккумуляторов информации...

— А ты-то откуда об этом знаешь?— спросил я.

— Подожди. Я скажу.

— Не перебивайте его,— остановила Лили Ворта, который тоже собирался вернуть словечко.

— Он понес наказание за то, что не уважал Общество, оскорбил его членов и использовал свои знания для соз-

дания вздорной и лживой машины, недостойной называться автоматом. Сей старец имел наглость показать машину Обществу и добился того, что сам председатель доверчиво задавал вопросы этому лжецу.

— Ты скажешь, наконец, что это за автомат?— не выдержал я.

— Затем старик, всю свою жизнь отдавший этим машинам, покинул город Ату и поселился на XII базе у Залива Улыбок. Несколько лет он прожил в небольшой кабине на окраине базы, там, где выбрасывали на свалку пришедшие в негодность узлы автоматов. Потом умер. О нем говорили, что он мастерил из кибернетического лома преудивительные автоматы, вел с чими бесконечные споры, но после его смерти ничего не нашли.

— Наверно, он разговаривал сам с собой,— заметил Ворт.

— Возможно. Известно только, что через неделю после его смерти в Центр дезинформированных автоматов обратился странный робот. Его появление не связали со смертью старика. Разве мало роботов, не нашедших себе места в жизни, обращалось в Центр?! Однако у этого робота была стерта память, и он не мог сказать, для чего создан. Главный кибернетик Центра лично произвел технический осмотр, но тоже ничего не выяснил.

— Неужели кибернетик не мог понять, для чего создан робот?— Ворт был настроен скептически.

— Понять нетрудно, если робот служит для выпечки булочек или исполнения песенок, но тот робот был совершенно другим. Его хотели даже сдать на слом, но, учитывая необычную конструкцию, передали в музей.

— И он стал твоим знакомым,— не сдавался Ворт.

— Ты попал в точку. Как вы уже догадались, это был автомат старика. Почти два столетия он молчал, но несколько десятков лет назад впервые сказал правду...

— Ну и что?— заинтересовалась Лили.

— А ничего. Болтовней старых роботов никто не интересуется.

— Но для чего он служит?

— Я скажу, но вы не смейтесь. Он служит... для предсказания будущего.

— Вот остроумно!— воскликнул Врт и начал смеяться так громко, что студенты, стоявшие рядом, замолчали.

— Ерунда. И ты в это веришь?— сказал я, пытаюсь сохранить серьезный вид.

— Не такая уж это ерунда, как вам кажется,— обиделся Тафф.— Кое-что он предсказал точно...

— Например?— спросила Лили.

— Ну, хотя бы то, что сегодня я сдам экзамен. Я ведь совсем не готовился.

— Это может быть случайностью,— заметил я.

— Он предсказал, что я заблужусь в космосе...

— В самом деле? Я слышал о твоём приключении...

— Во всяком случае, я ему верю.

— А другим он тоже что-нибудь предсказывал?— Ворт перестал смеяться.

— Конечно. Он предсказал Кобару, что его законы сверхконцентрации управляющих систем окажутся неверными.

— Кобару? Кибернетику, жившему триста лет назад?

— Да, ему. Кобар тогда был председателем Всесолнечного кибернетического общества. Свое предсказание автомат сделал публично. Теперь вы понимаете, почему старик и его автомат были преданы анафеме. В то время законы Кобара ещё были теоретической основой для кибернетиков-конструкторов и ничто не предвещало их падения.

— И автомат не сообщил, как звали старика?— я хотел наконец услышать что-нибудь конкретное.

— Нет. Старик, повинувшись решению Верховного собрания кибернетиков, стер своё имя из памяти автомата.

— Значит, оно никому не известно?— удивилась Лили.

— Никому.

— Невероятно. Ведь твой безымянный старик — один из величайших кибернетиков всех времён.

— Если только эта история правдива,— Ворт не был убежден.

— Мы можем проверить,— сказал я и выжидающе посмотрел на Таффа.

— Сможете, если только автомат захочет с вами разговаривать. Он, знаете ли, со странностями. Прежде чем я добился от него ответа, мне пришлось три дня кряду поливать его десятипроцентным раствором поваренной соли. Его сосед по музею, надстратосферный охотник, сказал мне, что он это очень любит...

— А как зовут твой удивительный автомат?— пыталась узнать Лили.

— В том-то и дело, что никак, во всяком случае в нашем понимании.

— Но ты же к нему как-то обращаешься?— не унималась Лили.

— Да. К нему надо обращаться так: «О стоящий на грани двух времен».

— Немного длинновато.

— Что делать, иначе он вообще не реагирует. Я считаю это безвредным чудачеством.

— Почему на грани двух времен?— заинтересовался я странным названием.

— На грани прошлого и будущего,— объяснил Тафф.— Он это объясняет гораздо сложнее, но смысл примерно такой.

— Что же общего у этого названия с предсказанием будущего?

— Очень много. Я не упомянул о главном: как он это делает.

— Не гадает же он по руке? А, Тафф?

— Конечно,— Тафф даже не взглянул на Ворту.— Он вообще не гадает, а предсказывает. Это разные вещи.

— Ну, так как же он это делает?

— Переносится в будущее, понимаете? В его предсказаниях нет ничего мистического. Наоборот, они опираются на науку. Автомат переносится в будущее, узнает что к чему, потом опять возвращается в наше время и предсказывает. Если он согласится сделать предсказание относительно твоего экзамена, то перенесется в завтрашний день, проверит, сдала ли ты, и сообщит нам.

— Значит, он никогда не ошибается?— задумалась Лили.

— Никогда! Только не всегда хочет предсказывать.

— А как ты думаешь, мне он станет предсказывать...

— Не знаю. Я сделаю все, что смогу. Давайте встретимся в четыре у музея.

— А раньше нельзя?

— Нет. Мне надо пообедать. Разговор с ним требует космического терпения.

Лили хотела еще о чем-то спросить, но Таффа уже не было. Он бросил: «Привет!» и стал проталкиваться к выходу.

— И что вы об этом думаете?— спросила Лили.

— Посмотрим,— сказал я.

— Ерунда,— авторитетно заявил Ворт.

— Так ты не придешь после обеда?

— Приду... Чего не сделаешь ради друзей.

Мы ждали Таффа у главного входа на древних каменных ступенях. Погода была солнечная, и от серых камней балюстрады веяло жаром.

— Не придет... Наплел, а теперь не придет,— сказал Ворт, когда часы пробили четыре.

Но в то же мгновение я услышал посвистывание Таффа.

Он медленно брел по аллее, усаженной старыми деревьями. Подошел к лестнице и, перескакивая сразу через две ступеньки, поднялся к нам.

— Пошли,— бросил он и, отворив старые деревянные двери, нырнул в дом. Мы прошествовали по длинному коридору, усеянному солнечными пятнами.

— Здесь,— Тафф наконец остановился перед одним из залов. Внутри было темно, но я разглядел контуры автоматов, стоящих вдоль стен.

— В этом зале?— шепотом спросила Лили.

— Да, только не толкайтесь,— вполголоса ответил Тафф.

— Ну и рухлядь! Подумать только, что человечество изготовляло подобные гробы!— Ворт внимательно рассматривал автоматы.

— Тише. У них отличный слух.

Вдруг что-то щелкнуло, и мы услышали странный звук: пум-пум-пум...

— Что это?— остановилась Лили.

— Надстратосферный охотник. Ему скучно, вот он и имитирует охоту на метеориты,— объяснил Тафф.

— Он всегда так?— спросил я.

— Нет, только иногда. Диапазон акустических частот у него довольно широк, и он может издавать разнообразные звуки. Охотнее всего он подражает коровам.

— Коровам?

— Ну да. Были в древности такие животные. Обязательно сходи как-нибудь в зоопарк, посмотри.

— Но при чем тут коровы?— поинтересовалась Лили.

— Автоматы равнодушны ко всем белковым существам.

— И к людям тоже?

— Прежде всего. Но признаваться в этом они не любят. Считают дурным тоном.

— Так и к нам твой предсказатель равнодушен? Прекрасно!— обрадовался Ворт.

— Тише! Вон он стоит.

— Что? Тот ржавый ящик?— Ворт с неодобрением посмотрел на автомат.

— Это печать времени, выгодно отличающая благородные автоматы минувших эпох от современных, одетых в дешевую оболочку,— громко, очень громко произнес Тафф.

— Зато современная оболочка прочна... а эти рассыплются через сто лет...— дополнил Ворт.

— Еще что-нибудь в таком духе, и мы можем спокойно уйти,— твердо сказал Тафф.— Автоматы очень чувствительны к такого рода замечаниям.

Неожиданно завыл надстратосферный охотник.

— Тафф, прикажи ему успокоиться или выключиться,— попросил Ворт.

— Сразу видно; что ты воспитывался в наш век. Тебя совершенно не интересует психология робота...

— Лекцию о психологии этих милых систем ты прочтешь нам в следующий раз. Мы не за этим пришли.

— Поговорим, наконец, со стоящим на грани...— предложила Лили и шагнула к автомату.

— Не подходи слишком близко,— предостерег ее Тафф.— С ним надо разговаривать, держась на расстоянии не меньше пяти метров.

— Почему?

— Не знаю. Иначе он не отвечает.

— Ну, мы стоим точно так, как желает уважаемый робот,— заметил я.— Давайте начинать.

— Ну, Тафф, начинай,— поддержала меня Лили.

Тафф набрал в легкие воздуха и напыщенно сказал:

— О стоящий на грани двух времен, мы пришли к тебе...

Робот не отвечал. Некоторое время мы стояли молча.

— Ну и что?— спросила наконец Лили.

— Повтори еще раз,— посоветовал я.

— О стоящий на грани двух времен, ответь нам!— воскликнул Тафф.

— Ответь же, наконец!— произнес Ворт совершенно нормальным тоном, и, быть может, именно это подействовало. В автомате что-то щелкнуло, и мы услышали низкий металлический голос.

— Что вы хотите узнать? Когда космические корабли достигнут системы Сириуса? Наступит ли ледниковый период после превращения Солнца в сверхновую? А может, вы хотите узнать о величайшем дне вашей жизни,

дне победы или поражения? Дне, который будет иметь решающее значение в вашей жизни, от которого зависят все остальные дни...

— Нет... я... только хотела бы знать, сдам ли завтра экзамен,— робко ответила Лили.

— Жизненный экзамен? Выдержишь ли ты его так, как должен выдержать человек...— автомат замолк.

— Нет... экзамен по системе Юпитера... Мне сдавать перед полуавтоматной...

Ответа не было. Тафф встревоженно шевельнулся. Затем сказал:

— Прости, что мы беспокоим тебя, о стоящий на грани двух времен, по столь незначительному поводу. В действительности он очень важен. Но ты, о стоящий на грани двух времен, никогда не был студентом и не знаешь этого...

Автомат молчал.

— Прости, я неправильно выразился. Не то, чтобы ты не знал, просто тебе, о стоящий на грани двух времен, трудно взглянуть на это с точки зрения студента... Потому что, видишь ли...— начал заикаться Тафф. И вдруг автомат заговорил:

— Не понимаю. Не понимаю, что значит полуавтоматная?..

— Экзаменационная комиссия, в состав которой входят и люди, и автоматы,— тут же ответила Лили.

— Не понимаю, что там делают люди, раз есть автоматы, но это, наверное, еще одна странность вашей эпохи... В мое время такое было бы немыслимо.

— Итак, о стоящий на грани двух времен, можешь ли ты ответить на наш вопрос?— Тафф сделал шаг вперед, но тут же отступил.

— Я исполню ваше желание,— сказал автомат громче прежнего, а может, нам только показалось. Потом он зашумел и... исчез.

— Где он?— первым воскликнул Ворт.

— Исчез! Что с ним?— Лили сделала шаг вперед, но Тафф схватил ее за руку.

— Перенесся в будущее. Осторожнее, теперь туда нельзя входить.

— В каком смысле перенесся?— спросил я.

— Таков принцип его действия. Он переносится в будущее и проверяет. Я вам уже говорил.— Тафф объяснял все так, словно описывал принципы действия ракеты.

— И когда же он вернется?— нетерпеливо спросила Лили.

— Через минуту. Мы послали его в завтрашний день. Чтобы отправиться на сто лет вперед, ему понадобилось бы больше времени...

— Подумать только, триста лет назад...— Ворт хотел что-то сказать, но его слова потонули в басовитом гуле. Автомат стоял на прежнем месте.

— Вернулся!— крикнула Лили.— Вернулся!

— Действительно, он уже здесь,— подтвердил Тафф, а потом обратился к автомату:— О стоящий на грани двух времен, можешь ли ты дать ответ на наш вопрос?

Автомат молчал.

— Почему он не говорит?! Наверное, я провалюсь!

— Может, он испортился?— подсказал я.

— О стоящий...— начал было Тафф, но автомат прервал его:

— Минуточку, молодые люди, дайте старому автомату прийти в себя...

— Как с Лили?— спросил я.

— Сдаст, если завтра не будет трогать рукой цветных металлов.

Автомат сказал это тихо, словно очень устал.

— Как тебя понять?— Лили удивленно смотрела на нас.

— Предсказание не хуже других,— пожал плечами Тафф.

— Не понимаю. Что это значит? Объясни, автомат!— крикнула Лили.

— Кончено,— сказал Тафф.

— Что «кончено»?— Лили еще не понимала.

— Сегодняшняя беседа. Ты назвала его автоматом. Теперь он не ответит.

— Но он должен мне объяснить...

— Ничего он тебе уже не объяснит. Я предупреждал. Благодарим тебя, о стоящий на грани двух времен...— обратился Тафф непосредственно к автомату.

— Нам пора сматываться?— догадался Ворт.

— Вот именно.

— Ну, так привет, старый ящик,— сказал Ворт, и мы вышли.

На следующий день толчея у входа в экзаменационный зал была еще больше. Начались экзамены перед по-

луавтоматной комиссией. Я немного запоздал и, когда проталкивался сквозь толпу, услышал, как автомат вызывал Лили:

— Внимание, Том Лили приглашают на полуавтоматную комиссию. Внимание, повторяю: Том Лили приглашают на полуавтоматную...

Я увидел Ворта и Таффа. Они стояли в сторонке.

— Как думаешь, сдаст?— спросил я Ворта, вовсе не будучи в этом уверен.

— Не знаю,— неопределенно ответил Ворт.— Она неплохой нейроник, но идеальным мнемотроном по вопросам системы Юпитера ее не назовешь.

— Автомат сказал, что сдаст,— заметил я.

— Ты в это веришь?— засмеялся Ворт.

— Сам не знаю. Мы, кажется, видели, как он перенесся в будущее.

— Видели, как он исчез,— уточнил Ворт.

— Наши предки многое умели...

— Хватит вам разглагольствовать о гениальности предков,— перебил меня Тафф.— Замечу только, что они были даже более гениальны, чем нам кажется.

— Посмотрим, Тафф, сдаст ли Лили,— серьезно сказал Ворт.— В противном случае я отправлю уважаемый автомат на склад кибернетического лома. Если только его примут. Такие развалины просто выкидывают на свалку.

— Сдаст, если не прикасалась ладонью к цветным металлам. Так он сказал?

— Могу тебя заверить, Тафф, не прикасалась. Она с самого утра натянула перчатки...

— Думаешь, поможет?— Тафф засмеялся.— Автомат сказал о руке, но не говорил насчет перчаток.

— Но ведь без перчаток она рано или поздно будет вынуждена к чему-нибудь прикоснуться.

— Надо быть повнимательнее, если хочешь, чтобы предсказания сбывались...— Тафф хотел еще что-то добавить, но помешала Лили.

Она радостно смеялась, словно ребенок, который первый раз летит на вироплане.

— Сдала! Сдала! Вы слышите?!

— Молниеносно.

— Поздравляю!

— Цифирка сидит какой-то заспанный, автоматы все время болтали друг с другом, а потом, прежде чем он успел хоть что-то сказать, единодушно вывели мне плюс!

— Значит, стоящий на грани не обманул...— отметил Тафф.

— Ага. Впрочем, сегодня утром я ходила к нему еще раз,— засмеялась Лили.

— И что же сказала тебе эта развалина?— спросил Ворт.

— Он разговаривал с тобой?— Тафф подозрительно посмотрел на нее.

— Ну, конечно. Мы подружились.

— Лили, ты не шутишь?— Тафф был немного обеспокоен.

— Как можно! Милая транзисторная труха так мне помогла! Неужели я позволю себе смеяться над лучшим другом...

Тафф остановился перед ней.

— Не разыгрывай нас, Лили. Что он тебе сказал?

— Мы беседовали на различные темы.

— Ну и что?

— Ничего. Да, совсем забыла. Он просил передать тебе привет. Уж так тебя хвалил, так хвалил. Сказал, что такие обаятельные юноши, как ты, в теперешние времена вообще не встречаются... Говорил еще что-то, но надстратосферный охотник ужасно мешал ему...

— Как все это понять?— покраснел Тафф.

— Лучше спроси у него сам. Я иду поблагодарить его за прекрасные, научно обоснованные предсказания. Может, сходим вместе?

— Согласен, пошли,— сказал я.

Надстратосферного охотника мы слышали уже изда- лека.

— Не обращайтесь на него внимания,— сказала Лили тоном завсегдатая здешних мест.

— Где... где автомат?— спросил Тафф, и только тогда я заметил, что автомата нет. На паркете, там, где он раньше стоял, темнело пятно.

— Как ты его назвал? Автомат?!— возмутилась Лили.— Хорошо, что его нет!

— Но где же он?— настаивал Тафф.

— А, понимаю... Он еще не вернулся...— сказала Лили.

— Откуда не вернулся?— Тафф сделал шаг к пятну на полу.

— Не подходи,— крикнула Лили.

— Шутки в сторону. Где ты его спрятала?

— Я спросила его, когда будет конец света, и он

отправился в будущее, чтобы ответить на этот вопрос.

— Так он никогда не вернется,— заметил я.

— Еще бы.

— Не шути, Лили. Куда ты его запрятала? Это мой любимый автомат...— Теперь Тафф говорил спокойно.

— Лили, что ты с ним сделала?

— Разобрала на части. Как нейроник, я хотела познакомиться с его устройством.

— И он не протестовал?— удивился я, потому что помнил, как вопят демонтируемые автоматы.

— Еще как! Он предсказывал мне скорую и мучительную смерть...

— И ты не боялась?— я серьезно взглянул на Лили.

— Немного боялась,— призналась она,— но решила довести дело до конца. Я нейроник и действовала во имя науки.

— И все-таки я бы этого не сделал,— сказал Ворт.

— Может, и я не решилась бы, но я обратилась к смотрителю музея.

— Ну и что?— на этот раз Тафф был явно заинтересован.

— Он разрешил мне демонтировать эту рухлядь. А потом кое о чем спросил. Знаешь, о чем, Тафф?

— Нет. Меня это не интересует. Ты испортила лучший автомат...

— Он спросил меня: не новая ли я симпатия Таффа. Тафф всегда приходит с ними сюда, к автомату, который предсказывает будущее. То будущее, о котором говорил автомат, программировал сам Тафф, но бедные девочки об этом не знали.

— Одним словом, соблазнение с помощью автомата, так что ли, Тафф?— Ворт громко засмеялся.

— Надо же было тебе его уничтожить! Не зря он мне советовал не связываться с женщинами-нейрониками!

НУЛЕВОЕ РЕШЕНИЕ

Лязг, треск лопающихся швов и скрежет раздираемой брони — все это было уже позади. Эми прислушалась: стояла обычная лунная тишина. За прозрачной оболочкой шлема Эми видела искаженное гримасой лицо Короты, низко склоненную над столом голову Нора, четко вырисовывающуюся на фоне экрана внешнего обзора, где ослепительно яркие скалы отбрасывали черные однообразные тени. Она знала, что Корот и Нор тоже ждут, прислушиваясь к едва уловимому шипению уходящего наружу воздуха.

— Выдержала, — сказал наконец Корот. — Все-таки эта старая трухлявая консервная банка выдержала.

— Газонепроницаемые переборки после удара автоматически закрылись... — Нор выпрямился и взглянул на экран, — ...стало быть, попало не в систему управления.

— Думаешь, это был болид?

— На столкновение с Землей что-то не похоже...

— А дезинтеграторные установки базы, вся система безопасности? У дезинтеграторов дальность действия несколько сот метров...

— Это был болид, болид, — повторил Нор еще раз, — а вовсе не маленький метеорит, тот сразу же испарился бы в силовом поле дезинтегратора...

— Странно! Ведь не было даже сигнала тревоги... — Корот встал и стянул с головы шлем.

«Не все ли равно, — подумала Эми. — Во всяком случае сейчас».

— Разве это важно? — спросила она. — Давайте-ка лучше проверим передатчик...

Нор поднял глаза.

— Посмотри на экран, Эми. Видишь, за тем вон камнем... головка передающего излучателя... Но если это был болид, его должны были заметить на спутниках противометеоритной охраны и проверить место падения...

Эми уже знала, что им не удастся вызвать Централь и услышать приглушенный голос дежурного автомата. Взглянув на Корот, она поняла, что и он только сейчас заметил отломанную головку.

— Хорошо хоть, что мы в это время собрались здесь, чтобы послушать передачу из Централы,— сказала она, прежде чем Корот успел ответить.— Там удачно выбирают время передач,— она попыталась улыбнуться, но мужчины этого не заметили.

— И надо же было ему угодить в базу,— Корот мерил шагами пространство между нишей, где висели космические скафандры, и стеной, на которой матовым светом отливали экраны телевизионной связи с Централю.— На Земле... на Земле он сгорел бы в атмосфере километрах в пятидесяти над поверхностью.— Корот остановился и взглянул на товарищей.

— Да, но вероятность попадания в базу...— Эми осеклась.

— Вероятность...— Корот склонился над ее креслом.— Больше тебе не о чем думать. Ты ведешь себя так, словно все еще сидишь в аудитории Академии космонавтики на Земле. А здесь Луна... понятно?!

— Спокойно, Корот. Мы это знаем,— Нор даже не повернулся и продолжал смотреть на скалы на экране.

— Как слушаешь вас...

— Не нервничай, Корот. В таком состоянии ты расходует больше кислорода,— Эми посмотрела на него так, что он выпрямился и отошел, а потом взглянула на экран.

«Нор тоже глядит туда, на скалы, и так же, как я, надеется... Но вероятность...»

— Немного душно,— сказал Корот.

— Возросло содержание углекислого газа. Индикатор здесь у нас,— Нор наклонился над приборами,— а вот генераторы остались на той стороне.

— Все осталось на той стороне, и аварийная радиостанция...

«Аварийная радиостанция находится в помещении автоматического управления базы. Управление не уничтожено, иначе бы не сработали газонепроницаемые переборки. Стало быть, уничтожен только переход и наружные установки базы...» — Эми знала, что именно так и случилось.

— Надо же было ему угодить именно в переход...

— А по-твоему, лучше, Корот, чтобы он попал в купол?— на этот раз Нор смотрел прямо на Короту.

«Тогда бы нас уже не было»,— подумала Эми.

— Сколько у нас еще кислорода?— спросила она, чтобы не дать Короту ответить на вопрос Нора.

— Здесь часа на три и еще на шесть часов в баллонах космических скафандров.

— Нас найдут?

— Сомневаюсь,— немного помедлив, ответил Нор.

— Тогда давайте выйдем наружу. Здесь нам делать нечего. Тут только выходные шлюзы и шкафы для космических скафандров.

— Ну, выйти мы всегда успеем,— заметил Нор.

«Нор прав,— подумала Эми,— мы бы выпустили воздух, тот воздух, которым дышим».

— Но снаружи можно бы воспользоваться ракетой, послать сигнал с помощью передатчиков скафандров...— Корот говорил все громче.

— Тут, на невидимой с Земли стороне Луны, селеноп- ланы появляются очень редко,— Нор, как всегда, подчеркивал окончания слов.— Стало быть, вероятность того, что кто-нибудь примет слабые сигналы передатчиков наших скафандров, ничтожна...

— Ха! Ты уже заговорил, как Эми!.. Вероятность!.. Какое мне дело до вероятности! Сидя тут, мы только зря расходует кислород!

— А световые сигналы,— Нор не изменил тона,— световые сигналы просто невозможно заметить.

«Он прав»,— подумала Эми и повторила уже вслух:

— Нор прав.

Корот остановился, сел в кресло и тихо спросил:

— Так что же мы будем делать?— и немного погодя добавил:— На будущей неделе мне необходимо быть на семинаре в Централи...

— Может, тебе это еще и удастся...— сказала Эми,— у нас есть какие-то шансы...

— С таким же успехом можно предположить, что мы будем торчать здесь. Слышишь?!

«Расклеился,— подумала Эми.— Расклеился, как первокурсник в сурдокамере».

— Космонавты не должны плести чепуху,— сказала она.— Тебя не этому учили в Академии космонавтики, Корот. Еще со времен Гагарина известно, что основная черта космонавта — выдержка.

— Перестань, Эми. Ты брюзжишь, как старый Зодиак на лекции... Тут тебе не академия...

— В том-то и дело, практикант Корот. Тут не академия и нечего ерундить. Спектакли можешь разыгрывать на Земле, в кругу семьи. Ясно?!

«Я говорю слишком громко, определенно слишком громко,— тут же подумала она.— А Короту не придется разыгрывать спектакли в кругу семьи. У него слишком мало шансов... У меня тоже... А на Земле сейчас, наверно, вечер и мама моет посуду после ужина. Окно кухни выходит на реку, а над рекой висит серп луны. «Гляди, Дей, там твоя сестра Эми»,— говорит мама.— Душно здесь. Интересно, что у нас с кислородом».

— Как там с кислородом?

Нор не ответил. Он смотрел на экран.

«Он смотрит слишком внимательно, так, словно и вправду может увидеть что-нибудь еще, кроме скал, звезд и черного космического неба».

— Идите-ка сюда, быстрее,— Нор продолжал смотреть на экран.

Корот подбежал первым, Эми встала сзади.

— Кажется, я что-то там вижу, глядите, на фоне вон той большой скалы... Двигается...

«Ничего я не вижу,— подумала Эми,— там только скала и ее тень».

— Вон там, слева... вроде бы вездеход...

— Ага, вижу, вижу!..— воскликнул Корот.

Теперь Эми тоже видела.

— Куда он едет?

— Я думаю, это автоматический вездеход, обслуживающий селенофизическую сеть...— сказал Нор.

— Надо его задержать... Он приближается к нам...

Минуту они молча глядели на экран. Металлический жук уже выполз из тени и двигался по освещенному солнцем каменному плато.

— Нет... ошибаешься, Корот. Он обойдет базу, проедет под скалами...— Нор отвернулся от экрана и взглянул на товарищей.

— Эти автоматы отвечают на фонический вызов...— медленно сказала Эми.

— Кто их там знает,— пожал плечами Корот.

— Отвечают. Я помню. Ты, должно быть, катался на виролете, вместо того чтобы слушать лекции.

— Все равно. Лучше пойдемте наружу. Надо его как-

то задержать.— Корот схватил шлем и защелкнул герметизаторы.

«Вездеход уйдет,— подумала Эми,— выйдет за пределы действия наших передатчиков, и его не остановишь».

— Пошли, Нор,— сказала она.

— Не все. Пойду я — вы останетесь.

— Почему? Я тоже пойду,— Корот уже стоял у входа в наружный шлюз.

— Ты останешься. Тебе там делать нечего.

— А тебе?

— Я-то по крайней мере знаю, как он действует. И вообще существует правило: с базы должно уходить как можно меньше народа.

— Корот, ты остаешься. Нор прав,— сказала Эми, подумав, что, если б Нор решил иначе, ей бы пришлось остаться одной в лунной тишине, на разрушенной базе.

Корот стоял в нерешительности.

— Подай мне провод, Эми,— сказал Нор.— Я оставлю снаружи радиостанцию — шлем от скафандра, в который она вмонтирована,— и мы сможем переговариваться... Помоги мне надеть скафандр, Корот.

Нор никогда не надевал скафандра на базе, подражая старым космонавтам, верившим в свою звезду и счастье.

«Если бы газонепроницаемые переборки не выдержали, он был бы уже мертв»,— подумала Эми.

— Второй шлем,— Нор защелкнул герметизаторы, поднял шлем с радиостанцией и вошел в шлюз. Захлопнулись выходные переборки, потом послышался стук тяжелых ботинок по бронированным плитам шлюза.

— Его все еще нет на экране,— сказал Корот.— Что он там копается?..

— Наверно, открывает шлюзы...

— Не успеет... Автомат уйдет, не догонишь... Ну, наконец-то он вышел...

Эми смотрела на фигурку в скафандре, которая делала многометровые прыжки, каждый раз как бы отрываясь от своей продолговатой, деформированной тени, чернеющей на скалах. Эми подстроила приемник и услышала в нем свистящее дыхание Нора...

— Автоматическая станция... автоматическая станция...— кричал Нор.

«Он кричит, когда находится на самом верху параболы, которую вычерчивает его шлем при каждом прыжке,—

подумала Эми,— тогда между ним и приемником станции нет скал».

Станция ответила при третьем вызове.

— Четвертая станция юго-восточного сектора селено-физической сети на приеме,— примитивное голосовое устройство автомата искажало звуки, и голос был бесцветный, плоский.

— Стой! Стой! Стой!..— Нор на бегу повторял приказ.

— Ну, как? Остановилась?— спросила Эми.

— Не знаю, станция довольно далеко,— ответил Корот, продолжая смотреть на экран.— Да, остановилась! Остановилась! Теперь я вижу ясно...

Нор тоже заметил это и теперь уже не бежал, а шел.

«Он далеко, и кажется маленьким движущимся камнем,— подумала Эми.— Сейчас он подойдет к автомату, передаст вызов о помощи...»

— Нор пошлет сигнал бедствия, и нас отсюда заберут,— сказала она.— И к чему были все эти разговоры...

— Откуда же мы могли знать, что сразу появится какой-то автомат?!

— Космонавты должны принимать во внимание и эту возможность.

— Космонавты вечно все должны,— рассмеялся Корот.— Вы с Зодиаком два сапога пара.

— Не шути. Зодиак лысый и выше меня на голову.

— Но во всем остальном вы поразительно похожи.

— Лучше посмотри, что там с Норм,— со злостью сказала Эми.

— Верно. Что-то он долго возится.— Корот подошел к микрофону:— Нор, ты меня слышишь? Как там у тебя?

— Скверно,— лаконично ответил Нор.

— Что скверно?

— Что случилось, Нор?— Эми вырвала у Корта микрофон.— Что случилось?

— Поврежден главный передатчик автомата.

— Хорошенькая история... И ничего нельзя переделать?

— Ничего.

— Исправить сможешь?

— Как раз сейчас смотрю, только сомневаюсь, удастся ли что-нибудь сделать. Этот автомат свалился со скалы... весь бок у него вмят, передатчик вышел из строя...

— Значит, сидим крепко, здесь и подохнем,— Корот

бросился в кресло так, что взвизгнули амортизаторы.

«Вот и все. Автомат поврежден, база разбита и тишина... тишина в приемнике, тишина в пространстве... проклятая лунная тишина», — подумала Эми, и ей захотелось плакать. Но вспомнив, что она — космонавт, Эми только спросила:

— Так что же делать? Что будем делать, Нор?

— Подожди. Я должен его как следует осмотреть.

— Мне душно, — сказал Корот.

— Проверь содержание углекислого газа... или нет, не проверяй. Все равно от этого не станет легче...

— Нет, мне тут ничего не сделать, — ответил наконец Нор.

— И что же дальше?

Нор минуту молчал, потом сказал:

— Я думаю, мне придется идти с этим автоматом до ближайшей станции...

— Но это же больше десяти часов пути. Не хватит кислорода ни тебе, ни нам... Это не выход, Нор.

— Я пойду напрямик, а не обычным путем, Эми.

— Заблудишься!

— Не бойся. Сейчас лунный день, у меня есть карты...

«Счастье, это лунные карты такие подробные, — подумала Эми, — на Земле только с одной картой не перебраться бы через такие перевалы. А тут еще и трещины...

— Тебе не перебраться через трещины... Это опасно, — сказала она.

— А ты можешь предложить другой выход? — отозвался Корот.

— Но почему... Почему именно ты, Нор?

— Потому что я уже здесь, снаружи. Выход каждого из вас — это лишняя потеря кислорода на базе...

— Логично... — буркнул Корот.

— Но несправедливо! Ты понимаешь, чем он рискует?

— Прекратите спор. Я постараюсь поддерживать с вами связь, по крайней мере до тех пор, пока это возможно.

— Желаем успеха, — сказал Корот.

Спустя немного он встал и подошел к экрану.

— Уже уехал. Прямо к горам.

— Его еще видно?

— Нет, уже исчез за скалами.

Эми не смотрела ни на экран, ни на красные, тревожно мигающие указатели, сообщавшие о том, что повысилось содержание углекислого газа.

— Нор, ты меня слышишь? — спросила она.

— Прекрасно слышу, — тут же раздался ответ, — впереди еще большой участок долины, а потом горы... Если повезет, через три часа я буду на автоматической станции... Вызывай меня время от времени. А то у меня сядут аккумуляторы...

— Три часа, и еще час, пока не придет помощь, — сказал Корот, — если она вообще придет...

«Да, он прав, если вообще придет. Эти горы, белые, горящие на солнце вершины и мрак долин, который не могут прорезать желтые фары вездехода...»

— Я боюсь за него, — сказала Эми. — Ты же селенист. Вздвигался на лунные горы. Помнишь пропасти и узкие скалистые уступы, валуны, беззвучно скатывающиеся со склонов, стоит их лишь слегка задеть... Через горы он не проедет...

— Значит, оставит автомат и пойдет пешком.

— Не оставит. Я его знаю. Он попытается проехать. Пешком за три часа до станции не добраться.

— Может, встретит какой-нибудь автомат...

— В горах? В горы даже автоматы селенофизической сети не забираются.

Корот не ответил.

«Он тоже не верит, что Нору удастся пройти, — подумала она, — а может, просто еще не обдумал всего как следует».

Она подождала с минуту, потом вызвала Нора.

— Я тебя слышу. Въезжаю на гору... — прием был искажен, так что Эми с трудом различала отдельные слова... — как только поднимусь выше и скалы не будут заслонять базу, услышишь меня лучше... Приходится смотреть в оба, местность очень неровная...

— Может, ты оставишь автомат и попробуешь пройти пешком?

— Нет, Эми. Тут не так уж трудно... обычные неровности, кое-где скалы...

— А дальше?

— Не знаю. До перевала еще далеко... — он вдруг замолчал.

— Что-нибудь случилось?

— Да. Вижу лунолет... Он приближается...

Эми хотела что-то сказать, но Корот оттолкнул ее от микрофона.

— Вызывай его... выпусти сигнальную ракету... Слышишь? — кричал он.

— Тут... — Нор оборвал на полуслове. Эми услышала только какой-то пронзительный лязг.

«Все», — подумала она.

— Вызывай! — заорал Корот.

«Нет, он не ответит», — теперь Эми была в этом убеждена.

— Нор, отвечай! Нор! Нор, слышишь?! — повторял Корот. — Что он там делает? Неужели с ним что-нибудь случилось?

— Автомат. Вызови автомат... — сказала Эми.

— Автоматическая станция... Автоматическая станция... Ты меня слышишь? — кричал теперь Корот.

Ответ пришел очень скоро.

— Говор... четверт... станц... говор... четверт... станц... говор... четверт... станц...

Корот застыл, наклонившись над динамиком. Автомат повторял: говор... четверт... станц... говор... четверт... станц...

— Он свалился в пропасть, — сказала Эми. — Он погиб! Приглуши! Приглуши этот автомат.

Она бездумно смотрела на экран.

— А может... может, он только потерял сознание... а мы не в состоянии ему помочь... — Эми механически уменьшила громкость, и автомат замолчал.

— Он не вызвал лунолет. Теперь у нас нет никаких шансов... никаких... Кислород кончается...

«Да, я должна это сделать. Я это сделаю... В конце концов все равно...» — Эми встала и потянулась за шлемом.

— Куда ты? — тихо спросил Корот.

— К нему... пойду по следам гусениц...

— Прошу оставаться на местах. Хватит непродуманных решений... — сказал чей-то незнакомый голос.

Кресла были мягкие, глубокие, такие, как в ракетах дальнего радиуса действия. В них сидели мужчины без скафандров, потому что Центральная база, расположенная глубоко в скалах, обеспечивала полную безопасность и напоминала скорее небольшой городок, чем лунную базу. Рядом на столике стоял переносной мнемотрон, и тот, кто сидел ближе к нему, одним движением погасил экран.

— Вот и все, Ив, — сказал он.

— А что же дальше?

— Мы их забрали.

— И это называется космонавты,— Ив покачал головой и отхлебнул кофе из стоящей рядом чашечки.— А решение девушки!..

— Ее надо понять. Для нее это был удар.

— Согласен, но если бы подобное произошло с ними в действительности...

— Они погибли бы... Порой космонавты гибнут.

Они немного помолчали, потом Ив спросил:

— А тот, второй, Корот? Почему он ничего не придумал?

— Он хороший парень, но никогда не блистал в академии.

— Это не оправдание. Да, послушай-ка, Гот, ведь ты — тот Зодиак, о котором они говорили?

— М-м, у каждого из нас в академии есть какое-нибудь прозвище. У меня — это. Ты считаешь — неудачное, а?

— Нет, почему же? Вполне! Бывают хуже.

— Ну, ладно, ближе к делу. Как же мы решим?

— С ними вопрос ясен. А вот как с Норм? Храбрый парень...

— Храбрый,— Гот пожал плечами,— но храбрость еще не все, во всяком случае для космонавта. Он потерял сознание, и теперь у него нога в гипсе. Я предлагаю сделать одинаковые выводы относительно всех троих.

— Согласен.

Гот нажал кнопку.

— Эми, Корта и Нора вызывает экзаменационная комиссия,— объявил автомат.

Все трое вошли и сели рядом на приготовленные стулья.

— Здравствуйте,— сказал Гот,— рад вас видеть. Ну, как твоя нога, Нор? Ходишь пока с трудом? Пусть тебя утешает то, что автомату еще хуже. Он пошел на слом. Тебе повезло... Ну, а теперь должен вам сказать, что ваши товарищи по большей части лучше выходили из подобного положения... Я говорю, по большей части... Мне хотелось бы провести наиболее интересные решения задачи, которую мы для вас подготовили. Решения ваших товарищей... Первая группа решений — попытки пробиться внутрь базы, к аварийной радиостанции. Группа Ранда сбросила на купол базы скалу с откоса горы, в которую упирается

база. Через образовавшееся отверстие они пробрались внутрь... Группа Тоза отблокировала коридор, употребив в качестве взрывчатого материала заряды осветительных ракет и жидкого кислорода из баллонов скафандров.

— Совсем просто,— тихо сказал Нор.

— Просто, когда это уже придумано. Правда, вы сохранили базу, и она не нуждается в ремонте, но все же эта история не делает вам чести. Вторая группа решений касается автоматического вездехода, который мы высылали всегда, разумеется, предварительно выведя из строя радиостанцию...

— Нор, кажется, его использовал,— громко сказала Эми и выжидательно взглянула на Гота.

Гот улыбнулся одними губами.

— Использовал, но не наилучшим образом. Как справедливо заметила Эми еще там, на базе, вероятность того, что на селенофизическом вездеходе удастся пробраться через горы, практически равна нулю...

— Так что же с ним надо было сделать? — спросил Корот.

— Группа Ватары использовала его атомный реактор для того, чтобы призвести небольшой термоядерный взрыв. Он был зарегистрирован на трети поверхности Луны и, кроме наших ракет, туда слетелась целая стая других с разных сторон. Однако чаще всего пытались протаранить базу вездеходом и таким образом проникнуть внутрь. Это не всем удавалось, но уже само подобное решение мы считали достаточным. Остается еще одна группа, группа нулевых решений. К ней относятся те, в которых не содержится ничего конструктивного. В том числе и ваше. Сожалею, но комиссия считает, что вы не сдали экзамена.

— Случись это с вами в действительности, вы бы не остались в живых,— добавил Ив.

— Таким образом, вы не получите дипломов об окончании Академии космонавтики. Мы направляем вас для дальнейшей практики на спутники Юпитера...

— И там... опять экзамен?

— Да. И надеюсь, на этот раз ваше решение не будет нулевым. В противном случае вы никогда не станете космонавтами! В космосе вообще нельзя ошибаться. Каждая ошибка — последняя. На экзамене еще можно ошибиться раз. Один раз.

ВОРОБЬИ ГАЛАКТИКИ

— ...Он прилетел со звезд... и даже ни разу не облетел вокруг планеты, как это делают наши земные космолеты... Радары спутника зарегистрировали его секунд за десять до посадки на Ганиমেде, когда он уже был совсем рядом...

— Но, профессор...— выкрикнул кто-то из последних рядов аудитории, а в первых рядах начали шептаться так, что было прекрасно слышно на кафедре.

— Знаю, знаю... Вы мне не верите...

Торен подошел к рычагам управления видеотронными экранами, облокотился на пульт.

— Не верите, потому что радиус действия наших радаров составляет пятьдесят миллионов километров... а за десять секунд можно пройти не более трех миллионов километров...

— Это доказал еще Эйнштейн...— проговорил кто-то за моей спиной.

Я оглянулся.

— Ты совершенно прав, коллега,— Торен взглянул на светловолосого паренька, сидевшего на два ряда дальше меня.— Прав... но ты забываешь об эффекте Допплера... Радар мог засечь корабль тогда, когда его скорость в направлении пятого спутника уменьшилась настолько, что частота отраженных импульсов оказалась в пределах полосы приема.

Теперь заговорили все.

— Да, да...— повысил голос Торен,— он летел с околосветовой скоростью...

— И на такой скорости столкнулся с Ганимедом?— спросил кто-то из зала.

— Во всяком случае, не сбавил скорости до последнего момента — это мы знаем точно.

— Значит, он сгорел?

— Вернее, взорвался...

— Он не взорвался... вот почему мы и утверждаем, что это космический корабль, а не межзвездный болид.

— Теперь у нас есть прямые доказательства...

— Да, тороиды,— согласился профессор.

— Расскажите подробнее, никто ничего толком не знает. Почему вы делаете из этого тайну?

— Будем мы изучать их или нет?

В конце концов, нас для этого прислали с Земли.

Профессор подождал, пока не умолкнет шум, и сказал:

— Мы действительно не сообщали подробностей. Сначала нам необходимо все как следует изучить... Собственно, для этого вы сюда и прилетели, и в конечном счете вы будете решать, что нам следует делать...— он на секунду замолчал.— Несколько дней назад группа доцента Ромова выдвинула рабочую гипотезу о вторжении тороидов.

На мгновение в зале воцарилась тишина.

— Вторжение?— не очень уверенно переспросил кто-то.

— Да, предполагают, что тороиды служат орудием агрессии другой планетной системы...

В зале поднялся невообразимый шум. Мой сосед вскочил с места и побежал к кафедре.

Спустя несколько мгновений профессора окружило плотное кольцо кричащих людей. Он с трудом проталкивался к выходу, повторяя:

— Да, нападение... Вы все увидите сами... уже здесь, на Ганиমেде.

Наконец он добрался до двери и исчез в коридоре.

Мы спускались в подземную часть базы. Кабина лифта двигалась ровно, без толчков, и только лампочки, которые загорались на уходящих вверх горизонтах, свидетельствовали о том, что мы не висим неподвижно. Каждая лампа — это еще пятнадцать метров вглубь, еще пятнадцать метров скальных пород над нашими головами. Там, на самом дне колодца, окруженный магнитно-гравитационным экраном, лежал тороид.

Рядом со мной стоял тот самый паренек, который говорил Торену об Эйнштейне, почти мальчишка, с чуть заметным пушком на щеках. Он молчал, как и все остальные; на его лице, вероятно серьезном от рождения, застыло выражение напряженности. Стена кабины светилась,

и резкие тени на лице паренька еще больше подчеркивали это впечатление.

Двери бесшумно раздвинулись. Мы приехали. Со свода, поднятого на высоту нескольких десятков метров, струился голубоватый свет. Магнитно-гравитационный экран смонтировали временно, и по полу змеями извивались провода. Вокруг монотонно гудели силовые агрегаты. Экрана не было видно, и только радужные пятна света напоминали о его существовании. За экраном на возвышении из белого плексиката, освещенный ярким рефлектором, лежал тороид. Он походил на огромного, толстого, черного змея, проглотившего собственный хвост. Мы подошли к искрящимся огоньками пультам управления. Около одного из них стояла стройная темноволосая женщина в желтом свитере, который при этом освещении казался грязно-зеленым.

Когда она отодвинулась, освобождая нам место, ее движения показались мне знакомыми.

— Гай!

Она повернула голову. Я знал ее раньше, на Земле, когда она еще не связала свою судьбу с Анодо, которого я тоже знал когда-то.

— Серг,— улыбнулась она,— ты прилетел с ними?

— Да. Ты остригла волосы, самые длинные волосы во всем институте! Неужели климат Ганимеда?..

— Серг,— сказала она.— Анодо погиб, ты знаешь?

Я немного помолчал. Потом ответил:

— Нет, я не знал. Когда?

— Недавно. Он был одним из них... из тех, кто изучал тороид. И погиб случайно,— она подошла ко мне так близко, что я почувствовал на щеке ее дыхание.— Ты же знаешь, он вечно лез туда, куда другие боялись...— у нее в глазах загорелся какой-то злой огонек.

— Успокойся, Гай.

— Я и так спокойна. Просто не могу равнодушно думать о том, что он погиб здесь, в этом зале... бессмысленно... совершенно бессмысленно. Пошел обследовать поверхность тороида... в легком защитном скафандре. Герой. Он не верил, что это — вторжение, и хотел доказать другим...

Я подумал, что это было, пожалуй, самым ценным качеством Анодо, но промолчал. Ведь ей бы хотелось, чтобы он был жив,— это ясно. Я взял ее под руку, и мы подошли к группе, собравшейся у пультов. На контрольные

экраны не смотрел никто. Все напряженно наблюдали за андроидальным автоматом, приближающимся к защитному экрану, который вдруг задрожал, расширился и поглотил андроид. В тот же момент над тороидом поднялось облачко переливающегося красками тумана. Экран заиграл всеми цветами радуги, выдерживая импульсный удар.

— Параметры андроида отрегулированы на характеристики человека. Он уже мертв...

На мгновение мне показалось, что там, в нескольких шагах от меня, за слабо колеблющейся поверхностью экрана, раскинувшись на белом паркете, лежит не андроид, а человек. Так, должно быть, лежал Анодо, и такой же белый свет прожектора, который сейчас играет на броневом панцире андроида, отражался от его защитного скафандра. Я посмотрел на Гай. Ее взгляд, немного усталый, какой-то безразличный, блуждал по залу. Вдруг ее глаза встретились с моими. Не знаю, угадала ли Гай мои мысли, но она сказала:

— Он... он упал в экранирующее поле. Понимаешь, вихревые токи в металле скафандра. Прежде чем сжали экран, металл раскалился добела...

В котловине было темно, и лишь кое-где, чернея, высились верхушки скал. Видимо, эта котловина возникла в результате тектонического сброса еще на заре геологической истории Ганимеда. Именно здесь, у подножия небольшого кратера, был найден один из первых тороидов.

— ...и все. Вторжение на этом кончилось,— сказала Вера, и в ее голосе прозвучало как бы сожаление.

— Вероятно, умертвив людей на базе, тороиды удовлетворили свою жажду убийства,— заметил Дор.

Он пошутил, но, видимо, Вера приняла это за чистую монету.

— Ты действительно думаешь, что они не пойдут дальше?— спросила она.

— Сами — наверняка нет. Даже для такого относительно простого действия, как передвижение, нужно иметь соответствующие приспособления. Механических у них нет, это ясно, да и гравитационных, судя по поведению нашего пленника, тоже нет. Будь я на месте их хозяев, непременно снабдил бы такую боевую машину какой-нибудь двигательной установкой.

— А вот импульс они подобрали необыкновенно точно. Погибают все сто процентов млекопитающих,— вмешалась в разговор Гай.

— Чересчур большое напряжение. Тороид убивает издалека, с такого расстояния, с которого вообще нельзя что-нибудь заметить.

— Но зачем они нас убивают?— спросила Вера.

Никто не ответил. Было слышно, как свистит газ, вырывающийся из сопел.

— Неизвестно...— Дор сказал это так тихо, словно говорил сам с собой.— Если мы поймем образ мышления тех, кто ими управляет, станет ясно и это. Только сначала надо встретиться.

— А разве не они...

— Нет, это было бы слишком просто. Это все равно, что рассуждать о человечестве с автоматами, предназначенными для рытья канав. Здесь дело серьезнее, чем простая жажда убийства...

— И только потому, что Торен и некоторые другие думают так же, как ты, мы погибнем, вместо того чтобы забросать весь район термоядерными бомбами?— спросила Гай.

— Да. Именно.

Двигатели работали ровно. Котловина осталась позади. Теперь мы летели над равниной и хорошо видели кривизну горизонта, изрезанного далекими горными цепями. Дор начал было что-то говорить, но в этот момент динамик захрипел. Послышался голос Вардена, пилота первой из трех наших ракет.

— Вижу новый тороид. Сейчас я его уничтожу.

Я посмотрел туда, где должны были находиться обе ракеты, но не увидел ничего, кроме унылых бурых скал. Вдали над горизонтом вздымалась самая высокая гора Ганимеда Тукопататан. Ее черный массив заслонял звезды. Я подумал, что она похожа на гигантский цоколь. Послышался звонок.

— Тороид!— Дор увеличил изображение, и я увидел на экране характерную баранку тороида, лежащего на плоской скале.

— Похоже, что их тут, как диодов в автомате. Я передам координаты Вардену и Волею...— Дор осекся и растерянно уставился на экраны.

— Что случилось?— спросил я.

Он помолчал.

— Странно. Нет сигналов с ракеты Вардена...
— То есть как нет?
— Нет и все. Смотри, если не веришь...
— А автомат?
— Я проверил.
— Значит, они уничтожили ракету...
— Я это знаю и без тебя,— отрезал Дор.
— Попытайся поговорить с Волеем. Сигнализатор его ракеты действует.

Дор щелкнул тумблером.

— Алло, Волей, говорит Дор. Как меня слышишь?
— Прекрасно. Мы только что наткнулись на тороид.
Я хотел сообщить Вардену, но ты заговорил первым.
— А ты принимаешь сигнал с его ракеты?
— Что?.. Нет! Черт побери, действительно, нет! Но это значит... это же значит, что он разбился.

— Или вошел в район поглощения радиоволн...

— Исключено. Я хорошо слышу, да здесь и нет ничего. Хотя постой... Что-то тут видно, ниже... Передвигается на фоне скал.— Волей замолчал. Было слышно только его дыхание. Но вот раздался срывающийся голос Волея:— Дор, это туча... туча здесь, на Ганимеде!..

Я посмотрел на лобовой экран: действительно вдали, на фоне горного массива, низко висела черная туча, напоминающая огромную линзу.

— Надо бы передать сообщение на базу,— сказал Дор.

— Передай... Туча идет на меня...— Волей запнулся.

— Что там у тебя?

Волей молчал.

— Сообщи моим автоматам новые данные трассы нашего полета. Ты меня слышишь, Волей?

— ...Не уйти... она уже близко...

На мгновение все стихло; но вот неожиданно изменившийся от ужаса голос Волея прорвался сквозь треск разрядов:

— Дор, она...— слова оборвались и одновременно погасла белая черточка сигнала. Я посмотрел на тучу и увидел короткую фиолетовую вспышку. А может, мне показалось.

Гай стояла рядом. Она тоже смотрела на тучу, потом сказала:

— Вот так же погиб Варден, но...

— Но почему погибли... они, а не мы?

— Может, просто потому, что они летели первыми,— сказал Дор.

— Только это и можно предположить,— согласилась Гай.— Но если мы сейчас же не вернемся, с нами случится то же самое. Значит...

— Нет. Мы обязаны проверить, что с ними произошло. Правда, Серг?— обратился ко мне Дор.

— Район могла бы осмотреть спасательная экспедиция, но вдруг тогда будет уже поздно? Пожалуй, нам нужно туда полететь.

— Ну, что ж. Вы в большинстве. Но я остаюсь при своем мнении.

Я смотрел на черную тучу, висящую сейчас немного правее массива Тукопататана. Она казалась неподвижной, но когда я спустя некоторое время снова взглянул на нее, мне почудилось, что она немного увеличилась. С минуту я внимательно наблюдал за ней. Да, я не ошибся.

— Возвращаемся,— сказал я как можно спокойнее.

Дор удивленно взглянул на меня.

— Туча,— объяснил я,— туча приближается.

Резкий поворот рулей — и центробежная сила отбросила меня к стене. Я потер ушибленный локоть и повернулся к заднему экрану, в центре которого после поворота машины высился Тукопататан. Рядом со мной, схватившись за мою руку, стояла Гай. Она тоже видела, как растет и увеличивается туча.

— Не успеем...— она сказала это совершенно спокойно. Потом резко повернулась к Дору:— Иди на посадку!— и взглянула на меня, словно ища поддержки. Но, увидев свои побелевшие от напряжения пальцы, Гай отпустила мою руку и повторила:— Иди на посадку!

— Внизу скалы, разобьемся,— пытался возражать Дор.

— Быстрее,— торопила она.— У нас нет выхода. Надо рискнуть.

Ракета ринулась вниз. Лишь теперь, очутившись под тучей, мы могли как следует оценить ее скорость. Туча мчалась, вращаясь, словно огромный черный диск, запущенный в нашу сторону. Я оторвал от нее взгляд. В долине между скалами виднелась небольшая площадка, к которой падала ракета. Слишком мала. Ракета не уместится. Дор, видимо, подумал то же, потому что на мгновение выровнял рули.

— Чего ты ждешь, Дор? Садись немедленно!— Гай

сказала это тоном, не допускающим возражения.

— Держитесь!— Дор решительно потянул ручку руля. Двигатель зарычал, выбрасывая из дюз поток огня.

От первого же удара металлический поручень кресла выскользнул у меня из рук, я упал на пол и покатился к стене. Падая, я слышал треск ломавшихся дюз и амортизаторов. Однако все звуки перекрывал скрежет обшивки ракеты, сползавшей вниз по скале. Еще два слабых толчка, и ракета замерла. В ушах, привыкших к вою двигателя, зазвенело. Дор встал из-за рулей. У стены поднялась Вера. Один за другим гасли экраны и контрольные лампы. Разбитые аккумуляторы не давали тока.

— И все-таки мы живы!— улыбнулся Дор. В слабом свете далекого солнца его лицо казалось маской. Вера громко рассмеялась, но тут же осеклась. Солнце, освещающее вершины скал, погасло. Над нами висела туча. Теперь она двигалась медленно и неожиданно начала снижаться. Разбухая и наливаясь тьмой, она наконец затянула все небо, закрыв звезды и диск Юпитера. Мрак сгустился. Я едва различал контуры скал. Стоя у стены, я ждал... Значит, конец. Все-таки они нас заметили. Никаких шансов на спасение. Умру, как Анодо, случайно и глупо. Я сказал:

— Он погиб у тороида, а мы — в туче. Разница небольшая, Гай...

— Пока ты еще жив,— ответила Гай.

Я не видел ее, только слышал, и пошел на голос.

Она сидела у экрана, подперев голову руками. Над ней слабо светилась шкала альтиметра, получающего сигнал,— все время один и тот же, нулевой, без смысла. Я обнял ее за плечи. Она опустила голову еще ниже. Я почувствовал, что годы, проведенные нами на разных планетах, не в счет. Мне захотелось сказать ей это.

— Гай,— начал я и замолчал. На экране, рядом с ее головой, я увидел маленький, быстро увеличивающийся клочок звездного неба. Туча удалялась...

Я с трудом протиснулся наружу и помог Дору, который вышел последним, захлопнуть крышку люка. Корабль стоял, привалившись одним боком к скале. У самого люка лежала рулевая лопасть, вырванная из дюзы, дальше — погнутые амортизаторы. Рядом с ними стояли Гай и Вера, в своих серых скафандрах и круглых шлемах похожие на двух одинаковых кукол. Кругом вздымались бурые,

беспорядочно разбросанные валуны, из-за них виднелась вершина далекого Тукопататана. Именно там должны были лежать остатки разбитых ракет Вардена и Волея. Мы двинулись в том же направлении, куда летели раньше — прямо к Тукопататану.

— Если бы я мог взять пробу из этой тучи, все было бы гораздо проще. Мне кажется, что вся туча — это какое-то силовое поле, облако, управляемое на расстоянии оттуда, с Тукопататана.— Дор на минуту замолчал, потом добавил уже другим тоном:— Туча безошибочно появляется там, где находимся мы... Может, они за нами следят... Может, и теперь смотрят на нас...

— Ерунда. Как они могут за нами следить? При помощи чего? Ты, может быть, считаешь, что они всеведущи?..— я совсем не был уверен в том, о чем говорил, но настроение у всех было и так отвратительное, а домыслы Дора отнюдь не улучшали его.

— Мы в любой момент можем вернуться к ракете, и тогда спасательная группа отыщет нас без труда,— беззаботно добавила Вера.

— ...без труда,— повторил за ней Дор, пожал плечами и первым ринулся в узкое ущелье между двумя каменными утесами.

Когда мы вышли на обширную равнину, террасами спускающуюся к массиву, камни, разбросанные в радиусе нескольких километров, почти совершенно исчезли. Видимость была хорошая, потому что Солнце и Юпитер светили одновременно, и я различал даже самые незначительные неровности рельефа на многие километры вокруг. И все же пейзаж казался нереальным. Нужно провести на спутниках Юпитера долгие годы, чтобы привыкнуть к этой планете. Во всяком случае, мне подобная картина напоминала декорации к мрачному кинофильму, в котором все герои гибнут, и глаз камеры скользит лишь по скалам и бесконечному звездному фону. Я немного отстал и теперь ускорил шаг, чтобы догнать остальных. Мы приближались к следующему уступу. Однако не успели мы с него спуститься, как я услышал крик, который почти тут же перешел в придушенный хрип. Подняв голову, я увидел, что Дор упал на колени и, упираясь руками о камень, на секунду застыл в такой позе, потом перевернулся на бок. Я бросился к нему. И на бегу столкнулся с Гай. Она схватила меня за руку.

— Куда? Это же торонд!

Я остановился. Выглянув из-за скалы, я различил сквозь прозрачный шлем Дора седые, коротко остриженные волосы. Гай прижалась к неровной коричневой поверхности валуна и осторожно высунула голову, так, чтобы видеть тороид. Потом сняла со спины дезинтегратор и приложила его к плечу. Два голубых разряда на мгновение ослепили меня. Полыхнуло жаром. Гай вышла из-за валуна и посмотрела на то, что осталось от тороида.

— А если б он тебя опередил?— показал я глазами на остатки тороида.

— Тогда я выглядела бы так, как сейчас он, а вернее, как Дор,— она пожала плечами.

Я взглянул на Дора. Около него на коленях стояла Вера. Потом она поднялась, мы вместе перенесли тело под валун и уложили в небольшом углублении.

— Возвращаемся?— Вера сказала это как-то невнятно, а может, ее передатчик плохо работал?

— Нет, пойдем дальше.

— Погибнем, как и он. Вот увидишь.

— Его смерть в конце концов случайность.

Она опустила голову и не ответила. Гай смотрела на нас, стоя в стороне.

— Пошли. Чего мы ждем?— сказала она.

Мы прошли всего с десятков шагов, когда вдруг потемнело. Туча падала на нас огромным черным листом, чересчур тяжелым, чтобы кружиться на ветру. Стало совершенно темно; Вера, по-видимому, потеряла нас из виду, потому что секунду стояла в нерешительности, а потом побежала.

— Серг... Серг...— раздался ее крик.

— Падай на камни. Сейчас же падай на камни!— я старался говорить спокойно, не кричать.

— Серг, где ты?

Я видел очертания ее скафандра; она споткнулась, с трудом удержала равновесие и продолжала бежать. Тогда я увидел щупальца, огромные черные щупальца тучи, напоминающие трубы. Они медленно тянулись в сторону Веры.

— Беги! Беги!— крикнул я.

Но было уже поздно. Она мгновенно исчезла в черном столбе, который почти тут же поднялся вверх. Там, где еще секунду назад стояла Вера, не было никого. Туча улетела. Мрак отступал. Я увидел на камне Верин дезинтегратор. Она хотела защищаться, хотела стрелять во что-то...

— Пошли обратно,— сказал я.

— Нет,— ответила Гай.

— Почему?

— Она... она тоже хотела вернуться. Ты заставил ее идти дальше. И вообще мы не на пикнике, чтобы возвращаться, как только надоест. Из такого похода приходят с чем-то конкретным... С чем-то большим, чем краткое сообщение о смерти друзей.

— Да, но теперь мы знаем, что их смерть — не случайность. Туча... туча прилетает тогда, когда мы встречаем тороид...

— Ты хотел проверить и проверил... Но я еще не уверена в этом. Пошли дальше, тогда... убедимся,— в ее голосе звучала явная насмешка.

— Мы погибнем,— я сказал это спокойно, совершенно спокойно.

— ...но, вероятнее всего, поодиночке. Если погибну я... ты вернешься. Если ты... то, может быть, это убедит меня...

— Гай,— я осекся. А что, если она не хочет возвращаться на базу, не хочет никуда возвращаться? Чушь. Она всегда была совершенно нормальной девушкой. Любила танцевать, кататься на лодке по озеру, целоваться... Но так было раньше. Потом годы на Ганимеди с Анодо, который всегда относился к смеху подозрительно. Разве после всего этого еще можно плавать наперегонки к бую и смеяться так громко, что зеленые берега отвечают эхом? Не знаю...

— Не знаю,— сказал я громко.

Она вопросительно взглянула на меня, но промолчала, и мы пошли вниз к массиву Тукопататана. Переход на нижние уступы был не очень трудным. Там лежало много валунов. Гай опередила меня и шла первой. Я догадался почему. Она ждала тороидов. Но их не было.

Нижний уступ переходил в однообразную равнину, тянувшуюся до самого горизонта. Это было унылое зрелище: ни единой точки, на которой можно было бы остановить взгляд. Мы шли долго. Юпитер медленно перемещался в сторону Солнца. Наконец я почувствовал усталость. Гай шла со мной в ногу, как когда-то в Андах, во время самых тяжелых восхождений. Вблизи массив Тукопататана казался еще выше, словно он касался диска Юпитера. Я как раз смотрел в ту сторону, когда у подножия горы три раза подряд что-то сверкнуло. Это

были голубые вспышки, они исходили откуда-то снизу, с края уступа...

До края уступа мы дошли примерно через час. Там громоздились камни, много камней. Неожиданно камни кончились. Гай схватила меня за руку. Мы прижались к скалам. Перед нами лежала обычная котловина диаметром в несколько километров. В центре ее стоял конус. Высокий, идеально отполированный конус. В нем отражались звезды, Юпитер и стены скал. Это был *их* корабль, *их* база, плацдарм вторжения... В котловине царило оживление. Со всех сторон к конусу двигались какие-то машины и исчезали в белом тумане у его основания. Большинство машин напоминало воронки, которые заканчивались шаровидными резервуарами. Они висели над самой поверхностью, перелетая с валуна на валун, словно бабочки среди цветов на поляне. Две машины разбивали ослепительным голубым пламенем огромный валун. Вспышки их огнеметов мы и видели, подходя к котловине.

— Что они делают?— спросила Гай.

— Они? Это автоматы. Собирают камни. Смотри, как близко подлетел вон тот...

Действительно, не больше чем в двухстах метрах от нас проплыл один из автоматов. Очевидно, из воронки широким снопом струилось какое-то силовое поле. Камни, попадающие в этот сноп, срывались с места и исчезали в воронке. Неожиданно машина изменила направление и начала подниматься к нам, без труда преодолевая крутой склон. Я вскочил.

— Стой! Не успеешь...— Гай скинула с плеча дезинтегратор, старательно прицелилась, слегка наклонив голову.

— В основание. Там должны быть двигатели.— Она говорила это с такой уверенностью, словно сама была конструктором странной машины. Я тоже скинул дезинтегратор, но не успел даже снять предохранитель, как машина неожиданно взвилась на несколько метров над скалой и направила свою диковинную воронку прямо на меня. Гай что-то крикнула и подняла дезинтегратор. Вдруг все стало красным, словно я надел красные очки.

— Беги, Гай, беги!— кричал я, но услышал в наушниках только прерывистый треск, хотя Гай стояла в двух шагах от меня. Разумеется, все это продолжалось лишь несколько секунд. Я хотел подбежать к Гай и оттащить ее, но вдруг увидел, как сначала дезинтегратор, а за ним Гай поднимаются вверх и летят в раструб воронки. Не

успел я удивиться, как сам почувствовал смену ускорения,— как в лифте, когда он трогается вниз,— и тоже полетел в воронку. «Направленное гравитационное поле»,— только и успел я подумать. Темный раструб поглотил меня. Воронка оканчивалась огромным резервуаром, и я почувствовал, что проваливаюсь куда-то в глубину. Там было совершенно темно. Инстинктивно, не задумываясь над тем, что делаю, я зажег лампу на шлеме. В нескольких метрах от меня лежала Гай... Тут же я увидел камни, уложенные ровно, с таким расчетом, чтобы они занимали как можно меньше места. Нас бросили на них. Я тотчас вскочил, боясь, что в нас вот-вот полетят камни, которые всасывала в себя воронка. Однако камней больше не было.

— Он прекратил работу...— Гай прислушалась. Было совсем тихо.

Я кивнул.

— Самое скверное то, что это из-за нас,— сказал я.

— Ты думаешь? Если так, то, вероятно, сейчас он докладывает хозяевам о том, что произошло.

— Так сделал бы земной автомат. У *них* может быть совершенно иначе.

— Как иначе?

— Ну, какие-нибудь саморешающие автоматы.

— Не думаю.

— А поле?

— Поле — другое дело. Автомат, может, так работает. Но никто не станет снабжать автоматы, собирающие камни, саморешающими системами...

— Ты говоришь по меньшей мере так, словно сама конструировала этот автомат...

В этот момент мы почувствовали толчок, едва ощутимый легкий толчок.

— Сели,— сказала Гай.

— Пожалуй, да,— кивнул я.

— Сейчас за нас возьмутся...

— У нас есть дезинтеграторы.

— Вряд ли это поможет,— пробормотала Гай, обращаясь скорее к себе самой, чем ко мне.

— Попытаемся выбраться отсюда?— спросил я.

— Попытаться можно... но все равно ничего не выйдет.

— С каких это пор ты стала пессимисткой?— Я попытался как-то стряхнуть с себя уныние, которое вызывал этот «подвал с камнями», как я мысленно назвал ав-

томат.— Помнится, раньше... ты все видела в розовом свете.

— Раньше я была моложе... и дело происходило на Земле. Пошли,— схватила она меня за руку,— осмотрим эти катакомбы.

Но камни были всюду; они выступали из темноты, куда бы я ни направлял луч фонаря.

— Совсем, как тогда на осыпи в Андах. Тоже везде были камни,— сказал я.

— Но вверх было небо. Давай быстрее. Нам надо обойти «брюхо» автомата.

Дальше мы шли молча, описывая круг, но я не очень соображал, какую часть окружности мы уже прошли.

Вдруг стало совершенно светло. Мы оказались в огромном зале. Стены автомата куда-то исчезли. «Видимо, резервуар автомата раскладной»,— подумал я и взглянул вверх. То, что было вверх, напоминало туман, розовый туман.

— Мы... мы внутри конуса,— сказала Гай.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Камни, все до единого, взлетели вверх, к туманному потолку, и исчезли. Но самым удивительным было то, что мы остались. Мы стояли, погруженные по пояс в розовый, мерцающий туман. И не видели собственных ног.

— Они нас заметили.

— Может быть, автомат-сортировщик отличил нас от камней...

— Ерунда. Это *они*... Серг, бежим.

Куда девалось ее спокойствие!

— ...бежим... бежим отсюда,— повторяла она беспрерывно.

— Куда?

— Все равно куда,— она повернулась и пошла.

— Стой!— крикнул я.

Она не остановилась. Теперь она почти бежала. Неожиданно туман заколебался, словно внизу подул ветер...

— Гай.... Гай...— кричал я.

Туман стал подниматься, и его клубы окутали мою грудь. Спустя секунду я уже видел только шлем Гай. Возможно, она даже говорила что-нибудь, но радиоволны ее передатчика не доходили до меня. Внезапно туман поднялся и окутал меня бесформенной розовой массой. Я почувствовал, что под ногами у меня пустота. Я висел в безгравитационном пространстве, в котором понятия

верха и низа вообще не имеют физического смысла.

Не знаю, как долго это длилось. Я потерял счет времени. Подсознательно я проделывал ногами и руками небольшие движения, стараясь отыскать хоть какую-нибудь точку опоры. Мне казалось, что сквозь изоляцию шлема, сквозь материал скафандра проникает высокий, стонущий звук. Потом звук понизился, перешел в гул. Наконец гул прекратился и одновременно я почувствовал под ногами опору. Туман начал медленно оседать... Из него вынырнули какие-то громадные шары диаметром в несколько метров и параболоиды вращения, напоминающие огромные фужеры. Они казались прозрачными, но стоило взглянуть на любой из них в упор, как он становился матовым. Казалось они движутся, колеблются, и только спустя некоторое время я сообразил, что это прозрачное газообразное вещество, оставшееся после того, как опал туман, преломляет свет так же, как преломляет его летом горячий воздух. То, на чем я стоял, было эластичным, но, взглянув вниз, я не увидел собственных ног. Мои ноги «размывались» по щиколотку в том, на чем я стоял. «Пожалуй, опять силовое поле», — подумал я. Однако ходить по этому «полю» было вполне удобно. Я сделал несколько шагов, потом хотел подойти к одному из шаров... и не смог. За полметра от шара начиналось какое-то силовое поле, которое меня отталкивало.

Я уже хотел обойти шар кругом, когда вдруг заметил, что в нескольких метрах от меня кто-то стоит.

— Гай?

Я побежал к ней, но она, не шевелясь, начала отплывать, так что расстояние между нами все время оставалось неизменным. Неожиданно я остановился. Ну, конечно, это была не Гай... это была Вера. Она тоже остановилась... Тогда я заметил, что она прозрачна и сквозь нее видны контуры находящихся в глубине шаров и параболоидов. Так я стоял, вероятно, около минуты. Она тоже не двигалась, словно ожидая меня. Так, значит, они хотят заманить меня куда-то... А может, это ловушка? Нет, если бы они действительно хотели, они могли бы без труда перенести меня в любое место при помощи какого-нибудь силового поля... Я решил. Пошел за Верой. Ее изображение все время убегало от меня. Неожиданно между двумя шарами я увидел небольшую ракету, настоящую маленькую земную ракету с открытым люком, в котором исчезла Вера. Я пошел за ней... и увидел Гай.

— Серг, это ты? Как ты сюда попал?— спросила она.

Потом я увидел в ее глазах страх; она отодвинулась от меня к стенке.

— Да. Это я, Серг. Как вошел? Очень просто — через люк...— я повернулся, чтобы показать ей вход, но за мной была сплошная стена.

— А может, ты тоже умер, как Вера, и это просто образ Серга.

— Да нет же, Гай, я живой. Я действительно живой...— и я схватил ее за руку.

— Живой... А Вери ты видел?— вдруг спросила она.

— Видел. Да, это был ее образ.

— И она провела тебя между шарами...

— Провела.

— А зачем, Серг? Зачем?

— Не понимаю...

— Зачем они заперли нас здесь?..— Она забилась в угол кабины и закрыла глаза.

Я не знал, что ей ответить. Осмотревшись, я увидел... экран. Он не походил на земной экран, но все же это был экран — в нем светились звезды.

— Гай! Гай!— Я дернул ее за рукав скафандра и сквозь стекло шлема увидел, как она медленно открыла глаза.

— Что случилось?— спросила она.

— Не знаю. Какие-то звезды...

— Звезды?

— Да, на экране, посмотри сама, это же звезды.

Некоторое время мы смотрели на экран. Вдруг Гай вскочила, и я увидел, как ее зрачки расширились от ужаса.

— Серг, а если они нас выбросили с Ганимеда...

— Не понимаю.

— Ну, отправили нас в космос.

— Зачем? Зачем им это, объясни мне,— я старался говорить спокойно, но уже и сам чувствовал страх.

— Откуда мне знать... А камни... Зачем они собирали камни и переносили их в розовый туман?

— Но нас-то они не тронули...

— Может, именно для того, чтобы запустить в безвоздушное пространство. А вдруг они всех людей или убивают, или выбрасывают в космос...

Я помолчал.

— Они выбросили нас с Ганимеда на снаряде и не дали нам возможности управлять этим снарядом.

— Ты думаешь, они на нас экспериментируют?

— Нет. Наверно, так они убивают своих соплеменников. Может, их нельзя убить иначе.

Я не ответил. Если Гай права... то нас действительно ждет смерть... Ни одна обсерватория нас не обнаружит... самое большее, случайно отыщет радар какой-нибудь пролетающей ракеты, но мы не передаем сигналов, поэтому они примут нас за метеорит, разрядят свой аннигилятор, и мы испаримся.

— Мы испаримся, если...

— Нет,— прервала меня Гай,— мы умрем здесь. Здесь, в этой кабине, слышишь.

— Успокойся, Гай, успокойся...

— Смотри,— Гай показала на экран.— Они специально установили его, чтобы заставить нас думать об этом.

— О чем?

— О том, что мы умрем.

— Гай!

Она только рассмеялась.

— Будем умирать и смотреть на звезды...

Тогда я взглянул на экран. Звезд не было, они исчезли, их вытеснила с экрана все увеличивающаяся знакомая глыба Ганимеда. Наш снаряд шел на посадку.

Я следил глазами за солнечным зайчиком, медленно ползущим по паркету. За открытым окном был слышен шум автомата, подстригающего газон в саду. По голубому прямоугольнику неба плыли облака. У окна стояла Гай... Гай без скафандра... Это была Земля, настоящая Земля!

Мы кончили рассказ, и Торен задумчиво потирал рукой свой высокий, с большими залысинами лоб.

— Так, говорите, там был туман, розовый туман... а потом шары?— повторил он.

Наконец я решился спросить:— А что — вторжение... отражено?

— Вторжение?— рассеянно взглянул он на меня.— Вторжения вообще не было.

— Не было?

— Конечно, это просто наш домысел, результат мегаломании нашего рода, рода *homo sapiens*.— Торен смотрел на Гай. Кажется, он заметил, что она ничего не понимает.— Видите ли, это похоже на то, как если бы кто-нибудь хотел защитить свой сад от непрошенных гостей. Можно просто возвести забор. Но если ты располагаешь соответствующей техникой и не хочешь убивать, то просто

устанавливаешь... сигнальную сеть из торондов, вызывающую управляемое облако. Облако выносит все движущееся за пределы «забора», за пределы охраняемой зоны. Правда, торонд убивал... Видимо, им было и невдомек, что именно такой импульс для нас смертелен. Им это, наверно, даже в голову не пришло.

— Значит, Варден, Волей, Вера... все они живы?

— Конечно. Облако выбросило их на скалы, за пределы кольца торондов.

— А мы? Что они сделали с нами?..

— Об этом мы можем только догадываться. Их корабль улетел. Улетел, вероятно, сразу же после вашего появления там...

— Но мы ничего не чувствовали. Ни перегрузок, ни толчков.

Торен улыбнулся.

— Они используют для перемещения гравитационное поле. Создают его перед кораблем. Вы вместе со своим космолетом падали в этом поле... А тот, кто падает, ничего не весит. Проблема человека в падающей кабине лифта,— улыбнулся он опять.— Так что не было и речи о перегрузках. Самое большее, что ты мог чувствовать...

— Действительно, я ощущал невесомость.

— Видишь, мы правы,— обрадовался Торен.— Вы попали внутрь автоматического устройства, накапливающего горючее для их корабля. Вам повезло. Может, они в какой-то степени похожи на нас, а может, заметили вас, во всяком случае, вы не разделили судьбу камней, превращаемых в двигателях в энергию. Они отсортировали вас от камней... но потом у них были затруднения с возвращением вас на спутник, потому что они уже улетели. Тогда они построили специальный снаряд. Построили, я думаю, в течение неполного часа, приспособили его к вашим нуждам, заманили вас внутрь, используя образ Веры, и запустили в сторону Ганимеда... Да, они не желали вас уничтожить. Они отослали вас, хотя сами за это время пролетели уже миллионы километров.

— А сейчас... где они сейчас?

— Где-то в межзвездном пространстве... Исчезли с экранов даже самых чувствительных радаров.

— И ничего вам не оставили, ничего не передали?

— Только вас. Больше ничего. Вас они не хотели забирать. Вы попали в их корабль случайно... и они сначала не заметили... А потом отослали вас на Ганимед.

— Странно... А тот туман... Полет камней... Образ Веры...

— Это действовали их автоматы. Их техника опережает нашу на сотни, может быть, на тысячи лет... Они и не собирались вступать с нами в контакт... Понимаете, что это значит?

— Нам казалось, что они ничем иным, кроме нас, не интересуются...

— Не только вам...— Торен говорил тихо, словно про себя,— мы все так думали. Мы даже придумали гипотезу о вторжении. Нам и в голову не пришло, что они прилетели к нам только для того, чтобы пополнить запасы горючего, а мы... мы для них — просто воробьи...

— Не понимаю. Почему воробьи?

— Ты когда-нибудь задерживался, чтобы посмотреть на воробьев? Наверно, нет. Они слишком распространены, чтобы обращать на них внимание... и, как знать, может, мы и есть такие воробьи в нашей Галактике...

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Как известно, четырех координат вполне достаточно, чтобы точно определить положение собственного тела в пространстве и во времени... Вот почему я и начинаю свою удивительную историю с определения координат. Вы можете в нее и не верить... Впрочем, вряд ли бы вы поверили, даже если бы я и старался вас убедить...

Итак, это было осенью... осенью... которая по отношению к данному моменту является уже прошлым...

Ну, вот, координату времени я определил. Теперь — место. История началась в моей редакционной комнатке... Я сидел за столом и выстукивал на машинке какой-то репортаж. Не помню уж какой... да это и неважно... Главное то, что я находился в редакции, в самом центре города... По улице проезжали автомобили, освещенные трамваи, из кинотеатра напротив выходили люди и бежали к остановке; где-то надо мной в квартире играло радио... Именно тогда это и началось... Зазвонил телефон.

— Привет, Янек. Хорошо, что я тебя застал.— Это был Копот, физик.

— Как поживаешь?

— Мой аппарат готов...

— Очень рад, но о чем ты?

— Ну, о Титроме...

— Так-так,— сказал я, но, видимо, без должного энтузиазма, потому что Копот обиделся.

— Ведь ты же, кажется, хотел присхать посмотреть испытание Титрома. Через несколько минут начинаем. В институте... Прости, что поздно сообщил, но сам знаешь, как бывает с подготовкой к испытаниям. Она всегда занимает вдвое больше времени, чем ты можешь на нее потратить. Так же вышло и на этот раз, но я надеюсь, что все пройдет успешно. Тогда у тебя будет сенсационный материал для первой полосы.

— Чудесно, но скажи хотя бы, для чего этот... ну...

— Титром.

— ...вот именно, так для чего нужен этот Титром?

— Приедешь — увидишь.

— Боюсь, что я там ничего не пойму.

— Понять-то ты поймешь. Правда, результаты будут для тебя неожиданными, а, впрочем, не только для тебя.

— Перестань хвастаться и скажи хотя бы несколько слов, чтобы твои коллеги не сочли меня абсолютным профаном... Подумай, друг великого человека — это обязывает, даже если этот великий человек — физик.

— Я, может быть, и поддался бы на уговоры, но уже поздно. Некогда. Мне надо начинать испытания. Приезжай — увидишь. Ну, в общем... жду.

— Еду! — крикнул я в трубку, схватил плащ и выбежал на улицу.

Был осенний вечер. Моросил дождь, и мои ботинки на каучуке скользили по мокрым плитам тротуара. Фонари тускло мерцали, окруженные ореолом мельчайших светящихся капелек. По асфальту, шурша шинами, катили автомобили. В освещенном окне цветочного магазина искрились фиолетовые хризантемы в огромной вазе. Я встал на краю тротуара, пытаюсь поймать такси. Занято, снова занято. Одно наконец притормозило, съехало с середины мостовой и остановилось около меня.

— В институт, — бросил я шоферу.

Один за другим мелькали фонари, длинные освещенные витрины магазинов, неоновые рекламы. Какие-то палисадники, каштановая аллея и желтые листья, прилипшие к асфальту. Наконец — подъезд института. В проходной за окошечком дремал старичок с седой щетинистой бородкой.

Я постучал по стеклу.

— Не скажете ли, как пройти в лабораторию доктора Копота?

— Это здесь... здесь, — старичок поднялся со стула.

— Но как туда пройти?

— По лестнице на второй этаж, потом налево по коридору, третья дверь направо; там лаборатория.

Я был не совсем уверен, что правильно понял, но поднялся по лестнице. Второй этаж, коридор, дверь. Должно быть, тут. Вошел. Темная, пустая комната. Только через приоткрытую дверь струился свет. В полумраке я разглядел у стен какие-то аппараты. По полу змеями извивались кабели, исчезая в зале за дверью. Переступая

через них, я вошел в этот зал и увидел на полу толстую металлическую плиту. Освещенная прожектором, она казалась центром зала. К ней были повернуты рыльца окружавших ее странных аппаратов. У стен блестели точечками ламп контрольные щитки. Там я заметил Копота и еще нескольких мужчин. Одетые в белые халаты, они о чем-то так яростно спорили, что издали казалось, будто происходит ссора. Слов не было слышно, они тонули в басовитом гудении трансформаторов. Меня никто не заметил. Я хотел подойти к спорящим, но боялся приблизиться к странным аппаратам. Наконец решил пройти кратчайшим путем, прямо через металлическую плиту. Однако, едва я ступил на нее ногой, как огоньки на щитках замигали. Все, как по команде, повернулись ко мне. Я ясно видел лицо Копота. Оно как-то странно перекосилось. Я хотел отступить, но не успел. Почувствовал жар, пронизывающий каждую клетку моего тела. Перед глазами у меня вспыхнуло ослепительное пятно, ярче солнца, потом оно померкло и, потеряв равновесие, я упал...

Я лежал на металлической плите, ощущая всем телом ее холод. Лампы в лаборатории погасли, и я уже никого не видел. В призрачной тишине лунный свет чертил на полу кресты оконных переплетов. Что случилось с Копотом и всеми другими? Неужели я их убил? Какой-то разряд... Впрочем, откуда мне знать, что могло случиться? Я взглянул туда, где они стояли. Напрягая взгляд, пытался рассмотреть, нет ли на полу людей в белых халатах. Но никого не увидел. В лаборатории не было ни единой живой души!

Я медленно поднялся, стараясь понять, что же произошло, и чувствуя, как меня охватывает страх. Потом шаг за шагом, оглядываясь по сторонам, стал пятиться к двери. Нажал на ручку. Заперто. Неужели я в ловушке? Капли пота выступили у меня на лбу. В углу что-то хрустнуло. Я не выдержал. Из всех сил стал барабанить в дверь. Эхо ударов разносилось по коридорам, а я все стучал и стучал. Потом внезапно перестал. Может быть, та дверь, через которую я вошел, открыта? Ведь кабели... Я кинулся к двери. Но она также заперта. И что самое странное — кабели исчезли.

Вдруг где-то снаружи, в коридоре, послышалось медленное шарканье. В замке повернулся ключ, дверь при-

открылась, и через щель проникла струйка света. Кто-то вошел и повернул выключатель. Ослепленный светом, я заморгал. В углу стоял старичок из проходной...

— Что вы тут делаете? Как вы сюда попали?— В его глазах я уловил безграничное изумление.

— Где... где Копот?— пробормотал я.

— Наверное, спит дома. Но что вам здесь нужно?

— Копот со мной условился...

— В час ночи?

— Ну, нет...

— А как вы сюда вошли?— старичок подозрительно покосился на окна.

— Вы же сами только что меня впустили.

Старик посмотрел мне в лицо так, словно только сейчас увидел. Секунду вглядывался, видимо раздумывая, с кем имеет дело. Потом сказал совершенно спокойно:

— Вы принимаете меня за идиота? Не выйдет. Войти сюда вы не могли, потому что все заперто... Вы могли остаться здесь только с вечера. Признавайтесь... Я понимаю, в жизни всякое бывает...— он улыбнулся, обнажив гнилые зубы.

— Это вы делаете из меня дурака. Десять минут назад я вошел сюда, и вы сами указали мне дорогу. И вообще, скажите, где Копот?— тут я заметил, что не говорю, а кричу во весь голос.

— Я уже сказал. Вероятно, спит.

— Но я видел его здесь несколько минут назад.

— Можете позвонить ему и проверить,— старичок стал подозрительно вежливым.

— Зачем я буду ему звонить? Ведь если даже он и ушел, то до дому еще не доехал.

— Тут уж я ничем не могу помочь.

— Но ведь он вышел совсем недавно?

— Ну, да, я видел, как он уходил в одиннадцать утра. А в час ночи он в институте никогда не бывает.

— Когда?

— В час ночи.

Я взглянул на часы.

— Но сейчас только десять.

Старичок сделал шаг назад.

— Нет, вам обязательно надо ему позвонить,— начал он вкрадчивым голосом,— пойдемте, я вас провожу.— Старик открыл дверь и пропустил меня вперед. Запирая ее на ключ, он старался не поворачиваться ко мне спиной.

Телефон находился в проходной. Я набрал номер Копота. Мне долго не отвечали. Потом кто-то поднял трубку.

— Доктора Копота...— начал я.

— У телефона.— Он сказал это невнятно, как человек, разбуженный во время глубокого сна.

— Говорит Янек. Ты пригласил меня, я пришел, а тут...

— Куда я тебя пригласил?— сонливость в голосе Копота уступила место нескрываемому раздражению.

— На испытание, я приехал...

— На какое испытание?

— Не знаю, ты сказал, что это будет сенсация...

— Слушай. Если я и сказал что-нибудь, то это, право же, еще не повод для того, чтобы будить человека среди ночи...

— Но ты же сам хотел, чтобы я немедленно приехал.

— Янек, ты пьян. Это может случиться с каждым. Но я хочу спать. Не звони больше. Мне завтра нужно работать с самого утра.

— Но ведь ты же сам в семь...

— Это наверняка был кто-то другой. Прошу тебя, Янек, как друга, ложись спать.

— Но зачем я тогда ехал в институт?

— Что? Ты в институте? Откуда ты звонишь?

— Из проходной...

На другом конце провода Копот минуту молчал. Потом сказал деловым, спокойным тоном:

— Позови к телефону вахтера.

Я передал трубку стоящему рядом старику. Копот ему что-то говорил, а старик то и дело повторял:

— Так точно, доктор. Понятно.

Потом вахтер с почтением вернул мне трубку.

— Слушай, Янек. Впредь ты меня в свои авантюры не впутывай. Я не хочу, чтобы в институте говорили, будто мои друзья приезжают в институт дебоширить после выпивки. Я сказал вахтеру, что ты журналист, пишешь очерк о ночных сторожах и в связи с этим проверял его бдительность, ясно? А теперь иди домой.

— Я только хотел тебе сказать...

— Спокойной ночи,— твердо заявил Копот и положил трубку. Я пожал плечами.

— Прошу вас, я сейчас вам открою,— старичок с ключом в руке пошел вперед.

С улицы повеяло свежим ночным воздухом. Над каменными ступеньками зажглась лампочка. Я вышел.

— Но ведь вы не напишете, что я... что вы меня,— пробормотал старик просительным тоном.— Я человек старый, иной раз случается вздремнуть, но если узнают, могут снять с работы...

— Ничего я не напишу,— буркнул я.

— Большое спасибо; ну и вошли же вы — прямо как привидение.

«Что за сравнение... Но я действительно вошел, как привидение, и что хуже всего, мне самому совершенно непонятно, как это произошло. А может, Копот разыграл меня? Но, если так, теперь-то уж он сказал бы обо всем. И как он успел дойти до дома? Нет, это исключено. А, может, он все-таки прав, и я просто выпил лишнего? Интересно только, где и когда? Правда, я ничего такого не помню, но это не доказательство. Но тогда почему же помню, что за чем происходило? Ведь Копот звонил мне и пригласил к себе. Некрасиво с его стороны теперь отпираться. На этой плите я, видимо, пролежал несколько часов. До этого шел дождь... Да, я лежал там несколько часов, но почему же меня не привели в чувство? А может, решили, что я мертв, и хотели спрятать тело? Оставили меня в лаборатории и ждали подходящего момента, чтобы вынести. Но в таком случае Копот — негодяй. Спать после этого или прикидываться спящим! С другой стороны, зачем им было прятать тело? В конце концов несчастный случай во время испытаний — не преступление». Погруженный в такие размышления, я наконец дошел до дома. Сторож, открыв ворота, внимательно посмотрел на меня.

— Ей-богу, пан редактор, мне казалось, что вы уже дома,— ответил он на мое приветствие.

Мне стало не по себе.

— Вам показалось,— ответил я как можно тверже.

— Ну, конечно,— поспешно согласился он.— А как же иначе? Раз вы сейчас входите, а перед этим не выходили, значит, тогда вы не входили, вернее, входили не вы.

— Само собой...— сказал я.

— Но кто бы это мог быть?— вдруг забеспокоился сторож.

Я оставил его у ворот, предоставив решать эту проблему, и поднялся на лифте на пятый этаж. Повернул ключ. Вошел в темный коридорчик. Дверь в комнату была приоткрыта, и мне показалось, что там кто-то есть. Я боком проскользнул в комнату и услышал в темноте

чье-то тяжелое дыхание. Бросился к выключателю, споткнувшись в темноте о какие-то ботинки. Зажег свет.

Кровать. На ней лежал человек. Спал. Кто бы это мог быть? Я подошел ближе, заглянул в лицо и вскрикнул. Он беспокойно пошевелился. Да, я не ошибся. Это был... я!!

Стремглав выскочив из квартиры, я сбежал вниз, перебежав через несколько ступенек, и долго звонил у ворот. Сторож выбежал, застегивая на ходу плащ.

— Что случилось? Пан редактор, что случилось?— он был напуган.

Так и не ответив, я добежал до угла, где стояли такси, рванул дверцу машины и, едва переводя дух, выпалил адрес Копота. То, что я увидел дома, не укладывалось в моем сознании. Ведь я совершенно отчетливо видел его, вернее, себя, свои волосы, свой нос, даже свой пиджак, брошенный на стул. Я не сомневался, что это лишь одно звено в цепи событий сегодняшнего вечера, ключ к которым был в руках Копота.

На звонок долго никто не отвечал. Наконец послышались шаги, и в дверях появился Копот в халате.

— Что? Опять ты?!— воскликнул он вместо приветствия.— Я же тебе сказал, чтобы ты шел спать.

— Слушай, ты должен кое-что объяснить, но прежде поверь: я не брал сегодня в рот ни капли спиртного.

— Кому ты говоришь, Янек?— Копот лукаво прищурил глаз.

— Но я действительно не пил!

Копот внимательно посмотрел на меня.

— До сих пор ты никогда не пытался выдавать себя за трезвенника. А ну-ка дыхни. Действительно, кажется, не пил. Но в таком случае зачем ты здесь? Случилось что-нибудь серьезное?— В его голосе прозвучало беспокойство.— Идем в комнату.

— Серьезное? Не знаю. А вот необыкновенное и непонятное — наверняка,— и я замолчал.

— Говори.

— Сначала скажи: ты условился сегодня встретиться со мной в семь часов?

— Нет.

— Но в институт ты приходил?

— Нет. У меня было собрание Общества астронавтов.

— Однако ты все же пригласил меня на испытание этого аппарата, как он там называется?..

— Титром?

— Вот-вот. Так ты меня приглашал?

— Нет. Правда, собирался...

— Тогда кто же меня пригласил? Но это не самое странное. А что ты скажешь, если я видел тебя в семь в институте?

— Скажу, что тебе показалось...

— Ладно, но можешь ты объяснить, почему, придя к себе домой, я нахожу в собственной постели себя, хотя сам в это время стою около кровати?

Я видел, что лицо Копота оживает по мере того, как я говорю.

— Значит, действует...— сказал он с энтузиазмом.

— Не знаю, что там действует, но скажи — у меня галлюцинации или я спятил?..

— Ничего подобного! Дай я тебя обниму! Ты принес мне потрясающее известие. Ничего не могло доставить мне большей радости. Сегодня великий день. Давай выпьем.— Копот подошел к буфету и вынул бутылку. Я смотрел на него с изумлением. Копот всегда был стопроцентным трезвенником, притом нескгибаемым, так что этот инцидент можно было смело причислить к самым необычайным событиям дня.

— Не знаю, чему ты так радуешься,— сказал я, слегка оправившись от изумления.— Не вижу ничего радостного в том, что я увидел собственную копию.

— Ты не понимаешь, но это — доказательство, почти гарантия того, что мой эксперимент удался.

— А сегодня не удался?

— Сегодня я не делал опытов. Сделаю в воскресенье.

— На будущей неделе?

— Нет, на этой.

— То есть?

— Очень просто. Сегодня четверг.

Я тупо уставился на него.

— Но ведь...

— Что «ведь»? Ты хотел сказать, что четверг уже прошел или еще будет?

— Ну... да...

— Не обязательно... Ты когда-нибудь слышал...

Кто-то за моей спиной произнес:— Копот!!— Я резко повернулся. В комнате стояли двое мужчин.

— Копот, ты забываешься!

— Но...— Лицо Копота стало серым и невыразительным.

— Не оправдывайся. Ты хотел ему все открыть...

— Великий ученый... великий физик — ну и ну,— добавил другой.

— Да я бы ему и слова не сказал... Право же!

— Достаточно того, что ты перенес его в другое время... Кажется, ты уже совершенно забыл, что направлен сюда на историческую практику... Начинаешь изображать гения их эпохи...

— Позвольте,— прервал я,— что все это значит?

— Не мешай нам, парень. Мы старые друзья Копота,— засмеялся он.— Ты скверно себя вел, Копот. Я уже не говорю об этом вине... Ты немного одичал...

— Не явись мы вовремя, ты сыграл бы с нами такую же шутку, как Элиас...

— Ничего подобного. К тому же это совсем другая эпоха.

— Несколько тысячелетий в ту или иную сторону сути дела не меняют. Элиас тоже утверждал, что ничего не сделал, только полетал немного на антигравитаторах... А они говорят о нем до сих пор...

— Осторожно,— прервал его Копот,— ведь Янек слушает...

— Ерунда. Последние опыты в Америке показали, что, если даже один из них что-нибудь о нас знает, остальные ему не верят.

— Янек — журналист...

— Неважно. Ученые все равно не дадут ему слова сказать... Знаешь что, Уон,— обратился он к своему товарищу.— Я предлагаю проделать с ним второй опыт... Он ведь уже немного знает...

— А ты проверял, кто был его сыном, внуком?..

Их манера разговора разозлила меня.

— Может быть, вы наконец скажете, о чем, собственно, идет речь?.. Слушай, Копот, откуда ты выкопал этих типов?..

— Отстань, Янек!— Копот был явно раздражен.

— Сейчас я тебе объясню.— Тот, кого называли Уон, улыбнулся.— Так вот, наш дорогой друг Копот, специалист по социологии древних веков, был послан на практику в двадцатый век...

— Откуда послан?

— Ну, из нашей эры... из будущего... Впрочем, он тут

не очень переутомлялся и жил, как это принято в двадцатом столетии... Такое видно, например, немисливо в наше время... Потом наш любезный Копот выступил с проектом постройки Титрома... Из этого не следует, что он великий ученый... Такие Титромы в наше время строит любой ребенок уже в детском саду... Он хотел проверить реакцию людей вашего столетия на это новое для вас изобретение... Конечно, о перенесении людей во времени не было разговора... и, перенеся тебя, он злоупотребил нашим доверием...

— Но он вошел случайно... честное слово, случайно.

— Ты обязан был это предусмотреть, правда, Ноу?

Люди нашей эпохи отвечают за свои ошибки...

— Не понимаю,— сказал я.

— Чего не понимаешь?— удивился Ноу.

— Этого... перенесения во времени.

— Это же просто. Элементарная теория «перескоков».

Мы живем в нормальном четырехмерном пространстве. Люди вашей эпохи могут передвигаться только в трех измерениях, а время течет для них всегда «вперед».

— И что в этом странного?

— То, что действительно при помощи пятого измерения можно попасть в любую точку этого четырехмерного пространства... Можно перенестись в завтра, во вчера, в день рождения своей матери... в ледниковый период... или еще более отдаленные времена...

— Как можно перенестись во что-то, чего нет? Не станете же вы меня убеждать, что вчерашний день существует...

— Конечно, существует. Точно так же, как завтрашний...

— Бред,— сказал я и рассмеялся в лицо Ноу. Это не произвело на него впечатления.

— Подожди. Попробую объяснить тебе это при помощи аналогии. Представь себе, что ты идешь по тропинке через поле, а оглянуться не можешь... не можешь, как бы ты этого ни хотел... Итак, ты идешь по тропинке, а около нее растет дерево. О том, что оно существует, ты знаешь: ведь, приближаясь к нему, ты его видишь. Но стоит тебе пройти мимо, как оно перестанет для тебя существовать. Ты его больше никогда не увидишь, так как не можешь обернуться... Оно для тебя исчезло, как вчерашний день...

Некоторое время я напряженно думал, потом спросил:

— Так ты утверждаешь, что мы просто не можем

оборачиваться во времени... попасть во вчерашний день, так же как этот тип из твоего примера не мог обернуться, чтобы увидеть дерево...

— Прекрасно. Именно об этом речь. Но, к твоему сведению, вообще-то оборачиваться можно, только, к сожалению, это не так просто. Надо уметь путешествовать во времени. Но путешествуя, мы не должны ничего изменять в вашем мире, потому что в противном случае может измениться будущее нашего мира.

— Как так?

— Помнишь знаменитый «парадокс дедушки»? Ах да, ты о нем еще ничего не знаешь! Вообрази, что ты переносишься на несколько десятков лет в прошлое и убиваешь своего дедушку, когда он был еще ребенком. Потом возвращаешься в свое время, и что оказывается? Один из твоих родителей никогда не существовал. Ты сам никогда не родился.

— Абсурд.

— Только на первый взгляд. Каждый человек вашей эпохи знает, что можно формировать будущее. Так вот, прошлое можно формировать точно так же... и оказывается, что оно, собственно, ничем существенным не отличается...

— Может быть... но в редакции этого все равно не пропустят... Такие истории не проходят даже первого апреля...

Уон весело рассмеялся.

— С ними всегда так... Когда им что-нибудь просто рассказываешь, они не верят. Им все надо проверить самим...

— В этом и состоит могущество рода человеческого, его сила...

— Ты только подумай. Мы люди. Это же видно. Но, по их мнению, это слишком просто, и поэтому они принимают нас за марсиан, венериан или вообще пришельцев из иных миров. А ведь мысль о том, что мы люди, их потомки, напрашивается сама собой. Вероятность возникновения на другой планете разумных существ, внешне похожих на человека, бесконечно мала...

— Ну, что ж.— Копот встал со своего стула.— После всего, что вы тут наговорили, можно спокойно выпить... Это будет лишь каплей в море ваших провинностей...

— Ошибаешься. Мы проводим опыт, у нас есть решение...

— А вы проверили, что Янек будет делать потом и как сегодняшний разговор может изменить его жизнь?..

— Не волнуйся. Это уж наша забота.

— Во всяком случае, если что-нибудь изменилось в моем времени, я буду знать, где искать виновных...

Ноу пожал плечами, а Уон вышел. Через минуту он вернулся, неся... другого Копота, мертвого.

— Пусть это тебя не удивляет,— сказал мне Ноу,— это только копия. Мертвая, синтетическая копия. Правда, для вашего времени, довольно точная, и, располагая вашими средствами, невозможно обнаружить никакой разницы между ней и Копотом. Поэтому завтра ваш врач скажет, что Копот умер от сердечной болезни...— Ноу улыбнулся.

— Ну, нам пора.— Уон уложил копию на кушетку.— Пошли.

Мы вышли на балкон. Уон вынул что-то из кармана, и в тот же момент совершенно беззвучно как из-под земли вынырнул корабль, напоминающий огромную медузу,— буквально как из-под земли, потому что я не видел, откуда он прилетел.

Уон скрылся внутри корабля. Я стоял в нерешительности, как вдруг Ноу положил мне руку на плечо.

— Проглоти это,— сказал он и подал мне небольшую пилюлю.— Проглоти, а об остальном позаботимся мы. Ты вернешься туда, откуда отправился...

Я проглотил... и оказался на металлической плите Титрома. Люди в белых халатах стояли у распределительных щитов, как и прежде. Один из них, едва завидев меня, крикнул:

— Сойдите с экрана!

— Со мной ничего не случилось?— спросил я, подходя к нему.

— Нет. Установка еще не работает, но лучше не наступать на экран.

— А когда вы ее запустите?

— Сразу же, как только придет Копот.— Он взглянул на часы.— Не знаю, почему он опаздывает. Он должен был прийти час назад.

КОСМОДРОМ

Они укладывали две бетонные полосы; которые должны были соединиться там, где в будущем поднимутся белые купола космопорта, а сейчас был только щебень и воронка, вырытая много веков назад каким-то метеоритом.

Они строили эти полосы, проклиная марсианскую пустыню, и автоэкскаваторы, выворачивающие скалы, и красный песок, и считали оставшиеся дни.

— Знаешь, Джесс, как только вернусь на Землю, тут же заброшу комбинезон в самый дальний угол чердака, а шлем водружу на шест у матери в огороде. Пусть пугает птиц. Потом мы с Мэй сядем в вертолет и полетим в большой настоящий лес с грибами и земляникой. И там обязательно должна быть река... или нет, лучше озеро, да, озеро с горячими от солнца валунами у берега, на которые нельзя сесть — таким жаром пышет от них...

— И вы оба так обгорите на солнце, что с вас семь шкур сойдет... — улыбнулся Джесс, и на экране видеотрона стали видны мельчайшие морщинки, появившиеся около его глаз.

— С меня-то наверняка сойдет! Ну, а Мэй в эту пору года и так уж черная, словно бушменка. Это, знаешь, все из-за яхт. Мэй всегда говорит, что человек нигде так не загорает, как на яхтах...

— И под ультразвуковым облучателем...

— Причем тут облучатель? — Дон не понял и смотрел на Джесса огромными карими глазами, в которых просвечивало что-то ребяческое.

— Ну, ультразвуковой облучатель тоже здорово обжигает...

— Да я же о настоящем загаре... на солнце.

— С этим придется еще немного подождать.

— Всего четыре дня. Отсюда уже виден холм, до которого я дотяну свою полосу. Это произойдет в субботу. Потом растянусь в гамаке у видеотрона и стану смотреть

матч Австралии с Мадагаскаром, который будут передавать с Земли. Матч закончится по нашему времени перед рассветом, а когда взойдет солнце, за нами прилетят.

— Только бы не опоздали. Там, на Централи, вечно опаздывают...

— Надеюсь, не подведут. Они же понимают, что значит наконец улететь отсюда.

— Может, и не подведут...— повторил Джесс, но не был так уж уверен в этом. Ведь Ар... Ар не улетел с Марса вовремя. Джесс хотел спросить, знает ли Дон Ара, но в этот момент автомат подал сигнал о каких-то неполадках в работе, и Джесс вылез из кабины посмотреть, что случилось. Он спустился по лесенке и сразу же увяз по колено в песке. Песок был красным, как и все на Марсе, и только иногда в нем попадались крохотные кристаллики кварца. «Совсем, как на Земле»,— подумал Джесс и побрел вдоль гусеницы к передней части машины, а когда обошел ее, ветер ударил его в грудь, и Джесс увидел, что над песчаной поверхностью пляшут маленькие шустрые смерчи. «Не иначе, будет буря. Она всегда так начинается»,— подумал он и взглянул вверх. Небо было черным, и звезды, и солнце светили, как обычно.

Внизу, перед экскаватором, лежал валун, слишком большой, чтобы металлическая лапа машины могла его сдвинуть. Джесс вызвал автомат, и пока тот бурил шпур для динамитных патронов, смотрел туда, где у самого горизонта работал экскаватор Дона. Еще четыре дня. Джесс повернулся, выругался под нос и полез в кабину, чтобы отогнать машину на время взрыва.

Встретились они вечером на базе. Это было временное помещение, без климатизации, и ночью, когда температура снаружи падала до минус шестидесяти градусов, внутри купола становилось холодно и дыхание превращалось в иней. Не помогало и центральное отопление. Тогда Джесс и Дон залезали в большие мешки с электрообогревом. Однако вечерами бывало немного теплей, и они ходили в одних комбинезонах.

— Я сегодня отхватил порядочный кусок,— сказал Дон, как только вышел из шлюза.— Мой холм все ближе.

— А мне попалась какая-то чертова скала. Пришлось два раза взрывать,— Джесс сказал это равнодушно, без злости.

— Пожалуй, завтра много не сделать. Будет песчаная буря.

— Да. Смерчи крутят, я сегодня видел...

— А все-таки хотелось бы дотянуть до холма.

— Дотянешь, если эта треклятая пустыня не проявит своего норова и не начнет плевать песком,— Джесс кончил готовить ужин и развалился в кресле, вытянув длинные худые ноги.

— Так или иначе, через три дня летим.

— Летим,— повторил Джесс, наблюдая, как Дон выковыривает из консервной банки большие куски сви-
нины.

После ужина Дон включил видеотрон. Показывали китайский театр с драконами и зонтиками. Цвета были немного искажены, и Джесс раздумывал, что бы произошло, если б у людей действительно были такие же светло-зеленые лица, как на экране. Ничего не надумав, сказал об этом Дону.

— Ничего б не произошло, потому что люди бы привыкли,— ответил Дон, продолжая глядеть на экран.

— Ты думаешь, что можно привыкнуть к зеленым лицам и говорить: «Ах, как ты чудесно позеленела» или «Ты так невинно зеленеешь»?

— Наверняка.

— Хм... я бы, пожалуй, не привык...

— А к пустыне ты привык?

Джесс зло взглянул на Дона. Они никогда не говорили о пустыне. Она и так всегда была рядом. Всегда. Иногда он думал, что пустыня даже ночью не дает забыть о себе, проникая сквозь входные шлюзы. Он не любил пустыню, и Дон знал об этом.

— Может, все-таки выключишь видеотрон и послушаешь Централь,— сказал он Дону и отвернулся от экрана.

— Выключу, но сначала послушаю прогноз погоды для Европы. Не хочется попасть под дождь, когда прилетишь...

— Мать придет и принесет тебе на космодром плащ.

— Придет с Мэй и принесет плащ,— согласился Дон.

— А я промокну...— проворчал Джесс.

— Не любишь дождя?

— Люблю, когда сижу дома и смотрю в окно.

— Значит, тебе надо оставаться на Марсе. Здесь никогда не бывает дождей.

«Что это с ним сегодня?— подумал Джесс.— Ведь не он, а я напоролся на скалу, и вообще он ушел дальше».

— Да, но зато здесь песок, красный песок, а это еще хуже,— заметил он.— Видишь, песок лезет всюду: за воротник и в ботинки. Даже на зубах скрипит. Куда уж хуже! А дожди рано или поздно прекращаются.

— Но в Европе в ближайшую неделю не будет дождя,— сказал Дон и выключил видеотрон.

Потом они настроились на Централь. Она подавала странный, прерывистый сигнал, словно кто-то кидал камушки на тугο натянутый барабан. Ее передающие автоматы были немного разрегулированы, и сигнал блуждал по нескольким делениям шкалы, каждый раз чуть-чуть сдвигаясь. Сегодня он был точно на метке. Джесс сказал в микрофон: «На приеме», и теперь оба ждали, пока там соберутся ответить.

Джесс смотрел на мерцающий в темноте указатель настройки и раздумывал, получил ли его отец сообщение о том, что он возвращается. В полдень лаборант поступится к нему в кабинет: «Вам телеграмма с Марса». Отец, конечно, сидит за письменным столом в сером, немного тесном пиджаке, массивный, квадратный, слишком большой для своего кабинета. «Тебе надо было стать лесорубом, а не физиком»,— всегда смеялась мать. Джесс попытался на минуту представить себе отца лесорубом, но это ему не удалось. Впрочем, в качестве физика отец был на своем месте. Джесс тоже должен был стать физиком, но не стал... а жаль.

— Жаль, что я не стал физиком,— сказал он.

— А ты хотел?

— Не я хотел, а отец.

— А ты?

— Я хотел стать космонавтом.

— Поздравляю,— сказал Дон.— А я хотел быть пилотом. Но ничего из этого не вышло. Когда я подросток, самолетами уже управляли автоматы, к тому же они были получше, чем эти передатчики на нашей проклятой Централи...

— Наверно, у нас нет хорошего программиста...

— Нет. Тот, что был, сбежал на Землю.

— И его отпустили?— удивился Джесс.

— Не совсем так. Его забрал психиатр и увез в ракете скорой помощи. А сейчас там парнишка прямо из земного института.

— И не справляется...— сказал Джесс и тут же подумал: «Зря ругаю парня. Разве можно сразу по окончании земного института обслуживать такие автоматы?»

— Они начинают,— предупредил Дон, старательно подстраивая приемник.— Надень наушники.

— Не хочется,— сказал Джесс. Ему действительно не хотелось.

«Как только Дон кончит говорить с Централью, возьму книжку и вытянусь в гамаке»,— подумал он. Потом взглянул на Дона, и ему показалось, что тот слушает слишком внимательно. «Что они там передают? Не анекдоты, наверно».

Дон махнул рукой и зло сказал:

— Выключай!

Теперь заинтересовался Джесс. Он надел наушники и сквозь шум атмосферных помех услышал голос диспетчера Централы.

— ...нет, ничего из этого не выйдет. И не старайся. Я тебе говорю, никого на это место не нашли. Только Рота, а он по сравнению с вами — пустое место. Я пришлю к вам этого Рота через три дня. Но один из вас все равно должен остаться...

«Ну и мир! Опять какая-то свинья там, на Централы, все испортила»,— подумал Джесс. Он был как ребенок, не получивший обещанного велосипеда.

Дон покраснел.

— ...делайте, что хотите. Мы смотаемся отсюда через три дня. И плевал я на то, что какой-то идиот не затребовал вовремя смену с Земли...

«Сейчас он скажет им все, что думает о такой организации»,— решил Джесс, но Дон остановился.

— Мы тут ни при чем,— объяснял тот, с Централы.— Тебе кажется, что добровольцы ломятся к нам в окна и двери.

— Неважно, что мне кажется. Но нас нужно сменить. А прекращать строительство нельзя.

— Вот именно нельзя, и поэтому один из вас должен остаться. Должен, понимаешь! И первые ракеты стартуют с этого космодрома еще до марсианской зимы. Увидишь.

«Ну и самоуверенность»,— подумал Джесс и поправил наушники.

— Может, и стартуют, если автоэкскаваторы будут сами рыть эту проклятую пустыню. Только нас это не касается, ясно?

— Но Централь...

— Знаешь что...

Джесс покачал головой.

— Ясно, Дон,— сказал он и подумал, что сейчас тот, на базе, кипит от злости, и Джессу стало веселей, хотя он прекрасно знал, что тот в общем-то не виноват, что тот, может, в доску свой парень, которому только досталась паршивая работенка.

— Как хочешь,— сказал парень с Централи.— В общем Рот прилетит в одноместной ракете. И мы тут считаем, что возвращаться имеет право тот, у кого полоса продвинулась дальше. Ясно?

— Но...

— Никаких «но». Пospишь с бабушкой на Земле. А сейчас слушай, что говорят... И тому, второму, скажи... или дай-ка ему лучше микрофон.

«Вот свинья»,— подумал Джесс и взял микрофон.

— Я тот, второй, и хочу тебе сообщить, что большего свинства...

— Порядок,— обрадовался диспетчер.— Ну, привет. Держитесь, вы... космонавты пустыни.

Снова забарабанили сигналы Централи, и Дон сорвал наушники.

— Купили нас, купили, как... ну, не знаю как, но купили...— Дон сказал это совершенно спокойно, и Джесс подумал, что он прав.

— Ну, что будем делать?— спросил он.

Дон пожал плечами.

— Во всяком случае, они не могут заставить нас рыть...

— Конечно,— кивнул Джесс,— но мы будем сидеть тут столько, сколько им заблагорассудится...

— Ну и что?

— А то, что коли уж ты будешь тут сидеть, то будешь и работать.

— Не буду.

— Будешь, иначе подохнешь со скуки. Да ты и не из тех, что сидят сложа ручки, когда работа еще не окончена. И они прекрасно знают об этом.

— Что ты все обо мне! А ты?

— Я тоже.

— Что тоже?!

— Я тоже буду доделывать свою работу.

— Доделаешь и смоешься? Нет, братец. Не выйдет. Я свою полосу протянул дальше.

— Дурак,— сказал Джесс и подошел к гамаку.

«Думает, я собираюсь отнять у него место в ракете, словно оно уже принадлежит ему».

— Это место пока еще не принадлежит тебе,— сказал он громко.— За три дня можно уложить километра два бетона, а то и больше, если уж так приспичит...

— Можно и четыре,— сказал Дон, разглядывая носок своего ботинка, испачканного мазутом.

— Точно, но ты не уложишь,— Джесс улыбнулся. «Пришлось бы работать день и ночь, да и то не знаю, можно ли успеть»,— подумал он.

Дон встал и пнул ногой стул, так что тот перевернулся.

— Уложу,— сказал он,— но потом вернусь на Землю и плевать я хотел на всю эту... стройку.

Он снял с крючка шлем.

«Интересно, на Земле при своей Мэй он такой же упрямый?» — подумал Джесс.

— Смотри, как бы ты всей полосы сегодня не закончил,— бросил он, глядя, как Дон пристегивает баллоны с кислородом и проверяет вентили. «Чертовски широкие плечи,— подумал он,— три баллона спокойно умещаются. Широкая спина и короткие ноги, которые не мешаются в ракете. А может, он и космонавтом стал именно потому, что у него такие ноги и спина?»

— Желаю успеха, космонавт...— сказал Джесс, когда Дон направился к шлюзам. Он хотел повернуться на другой бок, но тут его окликнул Дон.

— Помоги-ка. Кажется, шлюзы засыпало.

— Что — буря?

— Может, и буря,— проворчал Дон.

— Я включу очиститель,— сказал Джесс и включил автомат.

Очиститель взревел, как бык, а когда выход был уже очищен, запел на больших оборотах комаром — тонко-тонко. Джесс надел шлем и вышел наружу. Звезд не было видно, и он слышал только шум песка, бьющего о скафандр.

— Ну и сыплет...

— Закрой как следует шлюзы,— сказал Дон,— а то завтра опять везде будет песок.

Он покачнулся под ударом ветра.

— Хочешь идти в такую бурю?— спросил Джесс.

— Пойду. Пошлю сигнал экскаватору, чтобы он давал мне радиопеленг.

— Будут помехи. Буря сильная.

— Как-нибудь справлюсь.

Ветер снова ударил его так, что Дон покачнулся.

— А может, останешься? Погодка не для прогулок.

— Видал и похуже.

«Упрямый, черт. Пойдет»,— подумал Джесс и сказал:— Героев тоже засыпает.

— Тебя на базе не засыплет,— огрызнулся Дон, отошел на несколько метров и исчез.— Закрой как следует шлюзы. Иначе завтра в супе будет песок.

Джесс слышал его так, словно тот стоял рядом.

Он открыл шлюз, и ветер, обдав песком, втолкнул его внутрь. Он отряхнул скафандр и собрал пылесосом оставшиеся песчинки. Потом подошел к приемнику и настроился на волну автоэкскаватора Дона. Радиоавтомат работал, передавая короткие прерывистые сигналы, словно звал кого-то и прерывал зов при каждом звуке, боясь произнести имя полностью и бросить его в марсианскую ночь, в песчаную метель.

...Утро было солнечное и тихое, как на проспектах «Марстуриста». Обходя базу, Джесс смотрел, как с невидимых шероховатостей купола осыпается песок. Холмы по краям долины были подернуты голубоватой дымкой. Вверху черным пятнышком навстречу Солнцу бежал Фобос. «Когда-нибудь мы создадим тут подходящую атмосферу, привезем воду и растения, тогда и этот мир будет больше похож на земной»,— подумал Джесс и на минуту пожалел, что он не собственный праправнук.

Потом Джесс взобрался по узким металлическим перекадинам на мачту радиостанции и смотрел на бегущие к базе две белые полосы. Они были так же далеко, как всегда. Однако полоса Дона была немного длиннее. «На несколько несчастных сотен метров»,— мысленно добавил Джесс.

Передачик экскаватора Дона уже не работал. Значит, Дон был на месте и выключил автомат, ничего не сообщив на базу, а Джесс не хотел вызывать его первым. С самой вершины мачты он прыгнул вниз. «Сколько месяцев прошло, а меня все еще забавляет марсианское притяжение»,— подумал он.

Потом пошел к автоэкскаватору. Первое время они

добирались вездеходом, но тот испортился неделю назад, и с тех пор Дон и Джесс ежедневно ходили пешком по красному морю песка. До стройки было несколько километров.

Метрах в пятистах от базы Джесс миновал большой красный камень, лежащий на линии стройки. До сих пор Джесс считал, что только его сменщик взорвет этот камень динамитом. «Привык я к нему и не хотел бы взрывать его сам»,— подумал он, проходя мимо.

Спустя несколько минут он заметил черную точку: это гигантская лапа его автоэкскаватора выглядывала из-за горизонта. Джесс никак не мог привыкнуть к его размерам. Он понимал, конечно, что машина, строящая космодром из песка и воздуха, не может быть величиной со спичечную коробку, но привыкнуть все-таки не мог. «Он напоминает скорее какой-то храм внеземного культа, чем механизм для перемешивания песка»,— подумал Джесс, оказавшись в тени экскаватора. Он подошел к лесенке, забрался в кабину и... увидел Дона.

— Ты выиграл, Джесс. Моя проклятая машина не желает двигаться,— сказал Дон, глядя в окно на пустыню.

— Что случилось?

— Экскаватор вчера стоял в котловане, и его засыпало.

— Действительно, тебе не повезло,— сказал Джесс, снял шлем и подошел к распределительному щиту.

— Джесс, ты не сдвинешься с места.

— Это почему же?

— Говорю тебе, не сдвинешься.

«Что он все глазеет в окно?» — подумал Джесс и спросил:— Может, ты не дашь?

— Не дам. Не моя вина, что меня засыпало... Я сделал больше тебя и сделал бы еще больше, столько, сколько надо, чтобы выбраться отсюда...

— Но тебя, кажется, засыпало?

— Засыпало, и теперь учитывается лишь то, что мы сделали до бури.

Джесс пожал плечами. «Вот приспичило!» — подумал он, включил запуск и стал ждать, пока замигают красные контрольные лампочки. Дон отошел от окна, остановился у Джесса за спиной и засунул руки в карманы комбинезона.

— Интересно, как будет выглядеть космонавт с разбитым носом,— сказал он.

Джесс медленно обернулся.

— Топай отсюда!

— Ладно. Я пойду, но не один. Пойдем на базу вместе.

— Выматывайся! — повторил Джесс, но Дон не сдвинулся с места. Тогда Джесс подошел к нему, толкнул его плечом и тут же получил в скулу. «Щенок!» — подумал он и ударил Дона в живот. Подождал, пока тот согнется, и тогда нанес удар снизу. Дон отлетел назад. Джесс треснул его еще раз левой рукой и увидел, что Дон готов. «Слизняк, — подумал он, — а я разбил себе пальцы». Потом схватил Дона за ноги и поволок к выходу. Надел ему на голову шлем, отвернул вентиль, а когда люк отскочил, вытолкнул Дона наружу и посмотрел, как тот падает вниз. «На Земле бы и костей не собрал, а тут даже не очень сильно ушибется», — подумал он. Дон шлепнулся на песок и лежал неподвижно.

Джесс отвернулся и подошел к пульту. Горели контрольные лампы, и где-то в глубине за плитой гудел ток. Джесс схватил короткую черную рукоятку и потянул ее вниз до упора. Автоэкскаватор дрогнул и, перемалывая гусеницами песок, двинулся вперед, подняв вверх свою огромную стальную лапу. «Гигантский, добрый, ручной тиранозавр, — тепло подумал Джесс о машине, — Сделает все, что ему прикажут. И так будет всегда, разве что оплавятся предохранители.». Потом он передвинул регулятор распада, и машина, покачиваясь, пошла быстрее по красным пескам красной пустыни.

Наконец он подъехал к бетонной полосе. Там, где она кончалась, виднелся холм, из которого выглядывал автоэкскаватор Дона. Его сильно, по самую кабину, засыпало песком, торчала только стальная лапа. «Словно рука утопленника, увязшего в песке», — подумал Джесс. Надвинув шлем и спустившись вниз, он вытянул трос, кусочек троса, потому что больше он не осилил. Это был стальной трос, толщиной в руку, сплетенный из более тонких стальных тросов, которые в свою очередь были сплетены из еще более тонких. «Совсем как река, в которую впадают притоки — разумеется, земная река, потому что здесь, на Марсе, у рек нет притоков, а каждый ручеек именуется рекой». Он вернулся в кабину, и автоэкскаватор вытянул своей лапой трос на нужное расстояние и уложил его так, как ему было приказано. Джесс слез опять, прицепил трос к большому крюку в передней

части автоэкскаватора Дона, вернулся в кабину, передвинул регулятор распада до предела, на всю мощь реактора, и двинулся медленно, очень медленно, чтобы не разорвать трос.

Джесс выбрал трос, развернул автоэкскаватор и по собственным следам двинулся через пустыню. Проехал километра три и далеко впереди заметил маленькую фигурку, бредущую по песку. Он свернул и объехал ее стороной. Фигурка махала руками, но Джессу не было до этого дела.

— Джесс!

— Сматывайся с экрана, иначе выключу изображение.

— Я только хотел тебе сказать,— ты парень что надо, а я свинья...

Джесс пожал плечами.

— И хотел тебя поблагодарить...

— За что?

— За то, что ты вытянул мой автоэкскаватор...

— Не за что благодарить. Не для тебя сделал.

— Да, но твоя полоса...

— Моя полоса... Ну и что?

— Ты мог бы укладывать ее дальше.

— А потом забраться в ракету и смыться на Землю?

Глупый сопляк, видеть не могу твоей морды, и ради тебя даже не повернул бы экскаватор.

— Тогда почему же ты..

— Потому что мы строим космопорт, а не каждый отдельно свою собственную полосу.

Три дня спустя прилетел Рот; как было приказано, он выбрал полосу подлинней и сделал круг на посадку. Включил звук и...

— ...садись на другой полосе,— сказал Дон.

— Делай, как тебе приказали на Централи,— услышал он голос Джесса.

— Только попробуй сесть тут — гусеницами раздавлю ракетенку,— заверил его Дон.

Рот сделал еще круг, а затем улетел. Улетел на Централь, ничего не понимая, а внизу осталась пустыня и две неравные полосы, которые соединятся там, где в грядущем будет стоять космический порт, а сейчас был только песок и воронка, вырытая много веков назад каким-то метеоритом.

БЕССМЕРТНЫЙ С ВЕГИ

Там, внизу, светило Солнце и небо было голубым. Здесь голубизна перешла в черноту и зажглись звезды. Томпи не любил космического неба. Мысленно он сравнивал его с огромным куполом, в котором кто-то по-высверлил большие и маленькие отверстия, чтобы внутрь могло проникнуть хоть немножко дневного света. Солнце было словно огромный подвижный светильник, подвешенный где-то под куполом, а Луна — зеркало, отражающее его лучи. Когда-то, кажется, еще будучи студентом, Томпи слышал, что именно так представлял себе мир какой-то астроном эпохи раннего средневековья. Этот астроном еще ничего не знал о межзвездных просторах, не представлял себе их беспредельности... счастливый человек.

Томпи подумал об искусственном спутнике, и почти в тот же момент заговорил автомат:

— Посадка на ХХІ спутнике через три минуты.

К этому Томпи никак не мог привыкнуть, несмотря на то, что находился в здешнем мире уже несколько лет. Его раздражали автоматы, читающие мысли. Когда он покидал Землю, автоматы едва начинали связно говорить. Вернувшись из полета в систему Регула, он долгое время разговаривал с автоматами, прежде чем впервые услышал голос человека. Вначале он думал, что его собеседники — люди со странными именами-цифрами, но это были просто автоматы.

— БП-3 приветствует тебя, Томпи, от имени Фукса на ХХІ спутнике! — голос звучал так четко, словно БП-3 находился совсем рядом.

— Привет! — машинально ответил Томпи. Он смотрел, как на экране вырастают симметричные контуры спутника, и стал искать взглядом космодром, но так и не нашел. Спутник все увеличивался и наконец вылез за пределы экрана. И тогда Томпи понял: ведь в безвоздушном пространстве нет перспективы. Настоящий спутник — вон тот

маленький шарик, словно паук в центре гигантской многокилометровой паутины из металлических конструкций, ловящий сетками антенн сигналы далеких космолетов. Наверно, именно эта антенна когда-то приняла сигналы и его космолета.

Торможение было таким мягким, что Томпи не почувствовал ни единого толчка. Потом где-то щелкнули шлюзы.

— Привет, Томпи!— люк с треском открылся, и в терроплан просунулась рыжая голова Фукса.

Томпи выскочил из кабины, и они пошли по окружному коридору спутника.

— Сигналы... все еще поступают?— спросил Томпи.

— Да. Мы постоянно на приеме.

— Ну и... определили положение?

— Еще вчера вечером. Источник сигнала находится в созвездии Лиры.

— Это похоже...

— Хм... Но, видишь ли,— Фукс замялся,— ...впрочем, может быть, это не имеет значения...

— Что?

— Он передает дополнительный сигнал...

— Возможно, расстроились автоматы. Ведь уже столько лет...

— Возможно, но маловероятно. Когда он улетал, нейроника уже находилась на высоком уровне развития.

— Ты проверил, он ли это?

— А кто же еще может быть?

— Не знаю... Надо бы просмотреть хроники.

— Просмотрел. Это несомненно он. К тому же в сигнале можно выделить его позывные.

— В хрониках его космолет отмечен как пропавший без вести.

— Ну, бывает, что и пропавшие космолеты возвращаются...

— Но не через столько лет... В котором году он должен был вернуться?

— Точно не помню. Подсчитай сам. Он покинул солнечную систему на двадцать лет раньше тебя...

— Да, но он летел только до Веги.

— Ты говоришь это так, словно Вега лежит сразу за орбитой Плутона. А ведь до нее как-никак двадцать шесть световых лет...

— Я летел гораздо дальше. Он должен был вернуться сюда на несколько десятков лет раньше меня...

— Должен был, но не вернулся,— Фукс пожал плечами.

— Если бы он не вернулся — в этом бы еще не было ничего непонятного. Космолеты иногда гибнут... сгорают в облаках космической пыли или врезаются в атмосферы незнакомых планет, чтобы никогда оттуда не вернуться. Но он возвращается, вот что непонятно. Если бы он вернулся с опозданием в пять, десять лет... Это случается. Но сто лет?!

— Может быть, для исследования системы Веги нужно было больше времени? — неуверенно сказал Фукс.

— Чушь. Ведь это же сто лет! Сто лет активной жизни, а не анабиоза. Он бы там давно умер.

— А может, он все это время действительно был в анабиозе?

— В анабиозе? Глупо. Для того чтобы направить космолет к Земле, необходимо хотя бы на несколько часов вернуться к активной жизни. Ты скажешь, что он мог витализироваться позже, спустя несколько десятков лет после того, как достиг Веги. Но это тоже невозможно. У него был точно такой же витализационный аппарат, как у меня, когда я летал к Регулу. Если такой автомат однажды отказал, не витализировал его сразу после достижения цели, то он не мог этого сделать ни через десять, ни через сто лет.

— Наверное... ты прав,— согласился Фукс.— Тут дело совершенно непонятное. Нечего обманывать себя. Мы не знаем, что случилось. Я повторяю это по пятнадцати раз на день всем репортерам из видеотронии, а они мне не верят. Не хотят понять, что мы и наши автоматы можем чего-то не знать. Строят самые фантастические предположения, но не желают верить.

— Ну, что ж, мы повторим им это в шестнадцатый раз... Но я думаю, ты не для этого вызвал меня с Земли?

— Конечно... Причина другая. Видишь ли, Томпи... Ты теперь — единственный живой человек, который знал его...

— Неужели?

— Да. Я проверял. Ты несколько семестров слушал его лекции по космогонии еще во время учебы в марсианском институте...

— Вполне возможно. Ну и что же? — Томпи вопросительно взглянул на Фукса.

— Мне трудно объяснить это, доказать, но, пожалуй, будет лучше, если ты окажешься здесь, когда он вернется...

— Ты думаешь, что...

— Я ничего не думаю. Не знаю... просто не знаю.. Томпи лишь пожал плечами и спросил:

— А он далеко?

— Уже входит в плоскость эклиптики, примерно в полумиллионе километров от Земли.

— Тогда перейдем на видео?

— Да, ты увидишь его на экране, как только он достигнет орбиты Луны.

— А скорость?

— Погасил в соответствии с программой полета.

Томпи подошел к экрану космопередатчика, у которого возился Фукс, и тихо спросил:

— А имя?.. Как его звали?

— Не припоминаешь?— Фукс взглянул на него поверх экрана.— Его звали Бан.

— Бан... Да, припоминаю. Мы называли его Банан,— Томпи вдруг улыбнулся.

— Банан? Что это такое?

— Плод. Можешь увидеть в ботаническом музее. В наше время, два столетия назад, кроме синтетических продуктов, мы иногда ели и бананы...

— А он... был похож на этот... банан?

— Нет... Скорее всего, нет. И подумай, старый Банан подлетает к Земле, когда имен его учеников не помнят даже их собственные правнуки.

— Бессмертие — привилегия космонавтов.

— Бессмертие? Но они не бессмертны... Они просто спят, закупоренные в коробках космолетов, каждую секунду удаляясь на десятки тысяч километров от звезды, которая была их Солнцем. Спят... ничего больше...

Когда космолет Бана оказался на расстоянии Луны, связь улучшилась настолько, что автоматы перешли на видеофонию. Впервые зажегся серый экран и на нем появилась кабина космолета. Томпи и Фукс стояли перед видеотроном. Под прозрачным герметическим колпаком в путанице проводов они различили фигуру Бана. Автоматы уже приступили к витализации, и главный координатор был настолько перегружен, что передавал лишь самые необходимые данные, без которых невозможно корректировать траекторию космолета.

— Все идет как положено. Ни о какой аварии и речи нет...— Фукс обращался скорее к самому себе, чем к Томпи.

— Тогда передай на Землю сообщение, и, может быть, все эти терропланы, которые непрерывно снуют вокруг нас, пойдут наконец на посадку.

— Надо подождать, пока Бан заговорит. Впрочем, они все равно не улетят, пока Бан не объяснит, почему он опоздал на сто лет.— Фукс немного помолчал, потом спросил:— Интересно... А ты знаешь, что камеры, предназначенные для хранения образцов, пусты, совершенно пусты?

— Ты проверял?

— Да. Еще до того, как мы перешли на видеофонию.

— Может, Бан хранит образцы где-нибудь в другом месте...

— Где? Космолет — не лабиринт с тысячами закоулков.

— А может, он вообще не брал проб и образцов?— предположил Томпи.

— В таком случае что он делал все эти сто лет?

— Подожди еще немного, и он тебе сам расскажет. Впрочем, судя по внешнему виду, Бан мог прожить самое большее десять лет. Остальное время он был в анабиозе. Присмотрись к нему внимательней. Он моложе меня...

— Ты видишь его на экране. Не забывай, что видеофония очень омолаживает...

— Пусть даже так... Все равно он прожил не больше двадцати лет. Остается еще восемьдесят.

— Еще минута, и он скажет нам об этом.

Тем временем автоматы усадили Бана в кресло. К нему придвинулся автовитализатор и покрыл его голову десятками электродов. Почти одновременно автоизлучатель начал поднимать температуру тела Бана. Это длилось около четверти часа. Наконец, автоматы отодвинулись.

— Приветствую тебя на Земле!— произнес Фукс традиционную формулу космонавтов.

— Где... где я?..— вероятно, Бан не расслышал приветствия и водил глазами по кабине XXI спутника, отраженной на его экране.

— Ты вышел на замкнутую орбиту вокруг Земли,— сказал Фукс.

— А Вега?

— Что Вега?

Бан помолчал, затем неуверенно сказал:

— Я должен был лететь на Вегу. Почему же вы вернули меня на Землю?

— Как это вернули?— удивился Фукс.

— Вернули. Ты же сам говоришь, что я нахожусь в солнечной системе...

— Ну... естественно. Ты возвращаешься из полета...

— Из полета куда?

— На Вегу, разумеется.

Теперь Бан молчал дольше, а потом сказал:

— Я на Веге не был.

— То есть как — не был?

— Не был. Я не видел системы Веги...

— В таком случае откуда ты возвращаешься?

— Перестаньте издеваться. Вам это должно быть известно лучше, чем мне,— на щеках Бана выступил румянец.

— Ничего мы не знаем. С момента твоего вылета прошло больше двухсот лет! Двухсот! Слышишь?! Откуда нам знать, что с тобой происходило?

Фукс почти кричал.

— Невероятно... двести лет...? В самом деле?

Томпи почувствовал, что Бан им не верит.

— Я говорю правду. Поговори с автоматом, с любым автоматом, и ты сам убедишься,— сказал он.— Интересно, что с тобой происходило все это время...

— Я ничего не помню. Я все время был в анабиозе и наверняка, говорю вам точно, не видел Веги

— А кто в таком случае направил космолет к Земле?— спросил Томпи.

— Вот именно. Кто направил его к Земле, если автоматы ни разу не витализировали тебя?— подхватил Фукс.

— Не знаю. Я же вам говорю, что не знаю. Это вы, вы должны все выяснить, вы, снабдившие мой космолет автоматами...

— Точнее, наши предки. Они построили твой корабль два столетия назад,— угрюмо заметил Фукс.

— А если даже мы предположим, что космолет повернул сам, то что с ним происходило целых сто лет?

Томпи не ждал ответа на этот вопрос. И не получил его: Бан сидел в витализационном кресле и смотрел прямо перед собой. Фукс нахмурил брови и о чем-то напряженно думал.

— Бан,— тихо сказал Томпи.— Бан!— повторил он громче.

Подняв голову, Бан взглянул с экрана.

— Бан, я когда-то слушал твои лекции.

— Мои лекции, ты? Но ты же старше меня.

— Я меньше был в анабиозе и на протяжении этих двухсот лет жил больше, чем ты.

— Правда, я совсем забыл, что возраст — понятие относительное.

— Я слушал твои лекции несколько семестров,— добавил Томпи.

— И ты еще что-нибудь помнишь?

— Да, но почти все это сейчас уже история. Ты не представляешь себе, как космогония ушла вперед...

— Так и должно быть...

— И не только космогония. Все науки...

— Представляю себе. А мы... мы совсем из другой эпохи?

— Почти. Их автоматы...

— Что автоматы?

— Порой кажутся мне умнее нас. Они читают мысли.

— Это должно быть неприятно.

— Они привыкли. Им это безразлично.

— А тебе?

Томпи не успел ответить, Фукс прервал его на полуслове.

— Не принимай этого слишком близко к сердцу, Бан. Он еще только осваивается. Конечно, адаптация не очень приятная процедура, но когда летишь в космос, надо быть заранее готовым к тому, что за это время мир немного уйдет вперед. Вот цена, которую приходится платить за участие в полете, цена открытия новых звезд.

— Я ничего не открыл,— Бан сказал это внешне совершенно спокойно.

— Тебе не повезло. Вероятно, произошла авария, но мы это сейчас узнаем. Проверим запись в памяти автоматов... что... что там такое? Бан!.. Бан!..

Внезапно по экрану пошли волны, изображение съежилось, как горящий листок бумаги, и исчезло. Оба смотрели на серый пустой экран, с которого мгновение назад глядел Бан.

— Радаром, поищи его радаром!— крикнул Томпи.

— Вот он! Вот он! Видишь!— Фукс нажал клавиш радара.

— Да, я здесь. Что случилось?

Оба одновременно повернулись. С экрана смотрел Бан.

— Какое-то нарушение связи,— сказал Фукс.

— Вызови автомат контроля и спроси, что случилось,— посоветовал Томпи.

Фукс кивнул и нажал кнопку вызова. На пульте замигала контрольная лампочка.

— Говорит координатор контроля полета,— голос был металлический, как у всех автоматов, не беседующих ежедневно с людьми.

— Сообщи причины нарушения связи.

После вопроса Фукса наступила тишина и только мигающий красный огонек свидетельствовал о том, что координатор готовится к ответу.

— Струя атомных газов неизвестного селеноплана... плотности земной ионосферы... после входа космолета аннигиляция... излучение с полным частотным спектром... причина неизвестна...

— Ты что-нибудь понял?— спросил Томпи.

— Да. Он ускоряет информацию и не соблюдает правил грамматики. Но я не понимаю смысла сообщения... Пожалуй, что-то вроде ядерной реакции...

— Где, в реакторе?

— Нет, на обшивке космолета... и это самое странное...

— Как это на обшивке?— спросил Бан.

— Я и сам не понимаю... Подожди,— Фукс нажал кнопку вызова.

— Концептиотрон,— сказал он в микрофон.

— Земной концептиотрон. Слушаю,— почти в ту же секунду прозвучал ответ.

— Сообщи предполагаемую причину ядерной реакции на обшивке космолета. Данные возьми с мнемотронов XXI спутника. Задание срочное.

— Понял,— ответил концептиотрон.— Как только получу результаты, немедленно передам.

— Сейчас мы узнаем причину,— улыбнулся Фукс.— Концептиотрон — это величайшее изобретение нашей эпохи. Он выполняет работу, которая раньше была исключительно привилегией великих ученых.

— Значит, теперь ученые уже не нужны?— спросил с экрана Бан.

— Ну... не совсем. Кто-то же должен создавать концептиотроны и следить за ними.

— А на космолетах тоже есть собственные концептиотроны?

— Да.

— На моем не было.

— Конечно. Двести лет назад никому и не снилось подобное. Вообще твой космолет теперь годится разве только для музея техники.

Бан не ответил. Томпи прекрасно понимал, что он чувствует в этот момент, и попытался как-то его утешить.

— Бан, это же естественно. Техника идет вперед...

— А я... я тоже гожусь только для музея?— спросил Бан.

— Нет. Ведь ты — человек,— Фукс отвечал, как всегда, откровенно и ясно.

— Ты приспособишься,— добавил Томпи.

— Между пультами несколько раз что-то звякнуло. Фукс быстро сказал:

— Слушай, Бан, я временно прекращу прием. Нам надо заняться твоей посадкой. Готовься покинуть космолет.

Экран погас и в тот же миг Фукс сорвался с кресла и, пробежав вдоль рядов зеленых экранов, что-то нажал на пульте управления.

— Готово,— сказал он в микрофон.

— Что «готово»?— не выдержал Томпи. Он удивленно смотрел на резкие движения Фукса.

— Не мешай. Что-то очень важное. Концепциотрон не хотел передавать открытым текстом.

— И часто он так?..— Томпи не закончил. Концепциотрон заговорил. Его код переводил автомат.

— Судя по плотности газа и количеству выделившейся энергии, на обшивке ракеты произошел процесс аннигиляции газа.

— Следовательно?..— Фукс наклонился вперед и так и застыл.

— Либо выхлопные газы ракеты, либо обшивка космолета состоят из антиматерии. Вторая возможность в несколько сот тысяч раз более вероятна. Я кончил.

— Из антиматерии...— прошептал Фукс.

— То есть как «из антиматерии»? Ведь нельзя же надеть на ракету антиматериальную оболочку. При любом соприкосновении материи с антиматерией их равновеликие количества превращаются в энергию, согласно формуле Эйнштейна.

— Это ясно...

— Значит, концепциотрон ошибается.

— Оболочку из антиматерии невозможно надеть на обычный космолет, но можно надеть на космолет из антиматерии...

— Хорошо, а Бан? Ведь не может же он находиться внутри корабля из антиматерии.

Фукс как-то странно взглянул на Томпи:

— Если только сам Бан не состоит из антиматерии.

Минуту они молчали.

— Ты серьезно так думаешь?— наконец спросил Томпи.

— Не я, а концепциотрон.

— Он этого не говорил. Я же все слышал сам.

— Не говорил, потому что его не спрашивали. Но это следует из...

— Похоже на абсурд...

— Ты знаком с книгой «Межзвездные полеты»?

— Конечно. Ее издали еще в мое время.

— Там есть фраза: «Среди звезд бывает такое, что автоматам и во сне не снилось».

— Помню. Тогда говорили, что кто-то сказал нечто подобное еще в древности.

— Не знаю. Впрочем, это ерунда. В древности не было автоматов.

— Конечно. Но согласись... это абсурд.

— Больше чем абсурд. Нечто вообще не встречавшееся в истории человечества.

— Поэтому я полагаю, что произошла ошибка...

— Концепциотрон не ошибается.

— Ты чересчур ему доверяешь.

— Он этого заслуживает. Ведь в нем сконденсированы знания многих поколений человечества... А действует он так же безотказно, как безотказно перемещается по своей орбите Земля. Ты, Томпи, человек прошлого, поэтому и сомневаешься...

Томпи пожал плечами.

— Хорошо. Пусть твой концепциотрон прав. И космолет и Бан — из антиматерии... Но что дальше? Ведь это ничего не объясняет...

— Во всяком случае дает основания для интересных гипотез...

— Каких еще гипотез?..

— А уж этим займутся концепциотроны и ученые.

— Но ведь Бан ничего не знает и ничего не сможет им сказать.

— Зато мы знаем, что двести лет назад космолет Бана покинул солнечную систему, направляясь к Веге. Вернулся он с опозданием на сто лет и состоит из антиматерии. Можно предположить, что космос в районе Веги обладает свойствами своеобразного зеркала: он отражает материю, превращая ее в антиматерию. Не знаю, в какой степени такое предположение соответствует основным понятиям физики, но если даже тут и нет противоречия, сразу напрашивается сомнение иного рода...

— То, что он вернулся?

— Да. Вероятность того, что космолет попадет в солнечную систему, практически равна нулю, а ведь Бан говорит, что он не направлял корабля к Солнцу.

— Как же ты это объяснишь?

— Фактор икс.

— Не понимаю.

— Не понимаешь? Значит, ты думаешь, что эта трансмутация действительно дело случая? Я считаю, что это результат вмешательства фактора икс, чужой цивилизации, или как там еще его можно назвать... Они хотели нас уничтожить...— добавил Фукс.

— Уничтожить? Зачем?

— Не знаю. Но подумай. Если бы не эта струя газов, космолет Бана через полчаса вошел бы в атмосферу Земли. Взрыв уничтожил бы половину планеты...

— Преувеличиваешь...

— Ты так думаешь? Космолет Бана обладает массой во много тысяч антитонн. А пятидесяти килограммов антиматерии достаточно, чтобы вскипятить водяной шар диаметром в два километра... Подсчитай сам...

— Но в таком случае Бан не сможет совершить посадку ни в одной точке солнечной системы, разве что на Юпитере или Сатурне...

— Не может и даже не знает об этом...— Фукс бессмысленно смотрел на экран.

— Он не знает, что случилось там, на Веге? Не знает, что этот «фактор икс» атом за атомом скопировал его тело, его космолет. Получились идентичные атомы, только в их ядрах вместо протонов находятся антипротоны, а вокруг ядер вместо электронов — позитроны. Но в таком случае наша цивилизация по сравнению с той находится еще в каменном веке... Это ужасно,— Томпи вдруг умолк.

— Так же ужасно, как и то, что Бан — античеловек,— сказал Фукс.— Он не знает, что его тело для нас опаснее атомной бомбы древности... Он ощущает себя тем же человеком, которым он улетал с Земли двести лет назад. Строение его мозга не изменилось. У него тот же характер, воспоминания, эмоции, с той лишь разницей, что теперь его энграммы построены из антиатомов. И поэтому... поэтому он не может вернуться к нам на Землю.

— И ты хочешь ему это сказать?

— Да.

— Но он... Бан...

Фукс пожал плечами.

— Ну, что ж, посмотрим,— и он нажал выключатель.

Бан сидел в том же витализационном кресле. Он даже не переменял позы, и в кабине ничего не изменилось.

— Все готово,— сказал Бан, увидев Фукса и Томпи.

— Бан, ты не можешь приземлиться,— произнес Фукс единым духом.

— Почему не могу?

— Потому что ты из антиматерии.

— Я из антиматерии?! Хорошенькая шуточка!

— Я говорю совершенно серьезно.

— Не насмехайся надо мной, Фукс. Мне не так уж весело.

— Ты из антиматерии,— настойчиво повторил Фукс.

— Ошибаешься. Я — нормальный человек. Нормальный! Слышишь?!

— Это не мое мнение. Это автоматы...

— Пропади они пропадом, ваши автоматы! Обманывают вас, портятся, а вы им верите словно пророкам.

— На этот раз они не ошиблись.

— Ошиблись наверняка.

— Нет.

— Посмотрим.

— Что ты собираешься делать?

— Войду в верхние слои атмосферы. Если вы правы...

— Этого нельзя делать! Неужели ты не понимаешь, что энергия взрыва...

— Понимаю, но это не антиматерия. Я из антиматерии?! Недурно!..

— Ты считаешь, что должен чувствовать какие-то изменения?

Вопрос застал Бана врасплох.

— Нет... пожалуй, нет...— ответил он после минутного молчания.

— Вот видишь! Мы не имеем права рисковать. Земля — не испытательный полигон.

— Что же мне делать?

— Выйдешь на круговую орбиту, а автоматы тем временем подумают.

— Нет! Довольно с меня ваших автоматов!— Бан хотел встать, но Фукс его опередил, подскочил к передатчику и передвинул какой-то рычажок.

— Мы берем на себя управление твоим кораблем.

— Не выйдет!

— Выйдет! Есть прибор, позволяющий это сделать. Иногда у пилотов, возвращающихся из космоса, нарушается психическое равновесие, а мы обязаны заботиться о Земле,— улыбнулся он Бану.

Бан минуту стоял нерешительно, потом медленно опустился в кресло.

— Делайте что хотите,— проговорил он и закрыл глаза.

— Бан... Бан...— сказал Томпи немного погодя.— Ты действительно ничего не помнишь о том, как ты был там, на Веге?

— Нет,— ответил Бан почти шепотом.

— А может, они приказали тебе уничтожить... знаешь, перенастроили твой мозг таким образом, что подобные действия стали для тебя необходимостью,— быстро добавил Томпи.

— Нет, право, нет. Я чувствую себя человеком, точно таким же человеком, как и ты.

— И все-таки они хотели нас уничтожить,— сказал Фукс.

— Откуда ты знаешь?

— Сам факт посылки корабля... из антиматерии.

— А ты не думаешь, что вместо этой копии им было бы гораздо проще выслать мощный излучатель позитронов?

— А может, они хотели застичь нас врасплох. Твой космолет возвращается с Веги и уничтожает Землю.

— Я с этим не согласен, Фукс,— вставил Томпи,— ты приписываешь им человеческий образ мышления. Они мыслят совершенно иначе... если только они действительно существуют. Застичь врасплох?.. С таким же успехом

можно предположить, что они хотят сообщить нам какие-то сведения. Может быть, изменение знака материи космолета представляет собой какой-то сигнал, нечто хорошо знакомое им, и у них даже и в мыслях не было, что мы, люди на Земле, не умеем обращаться с антиматерией...

— Сигнал? Но они же, как вы считаете, собирались вас уничтожить, а противника не предупреждают перед ударом.

— Гениально, Бан!— вскричал Фукс.— Можно легко проверить, хотели ли они нас уничтожить! Конечно, ты прав, Бан, противника не предупреждают перед ударом. Но они послали сигнал... может быть, случайно. Тот дополнительный сигнал, о котором я говорил тебе, Томпи, когда ты прилетел сюда... Если этот сигнал не содержит никакой информации, то...

— То, значит, они хотели нас уничтожить...— закончил Томпи.

— Координатор!

— На приеме,— ответил автомат.

— Передать концептиотрону дополнительный сигнал космолета. Пусть исследует, не содержит ли этот сигнал какой-либо информации.

— Понял.

— Результаты сообщить немедленно,— добавил Фукс.

— Ну, Бан, через минуту все станет ясно...— вдруг Томпи осекся. Экран был пуст.— Бан! Бан! Нет его! Ищи радаром!

Фукс вертел ручки, но экран оставался пустым, только на лунной трассе блестели маленькие пятнышки товарных ракет.

— Это конец...— сказал Фукс.— Он, должно быть, наскочил на метеорит. Может, даже на небольшой, но из материи. Аннигиляция, и космолет испарился...

— А может, радар?..— предположил Томпи.

— Нет!

И тут они услышали голос автомата.

— Информация следующая,— автомат говорил медленно и четко.— Исследование, равносильное воспроизведению. Альтернатива выбора. Если да, то конец, если нет, повторное воспроизведение, передвинутое во времени, такое, чтобы получить да.

— Значит, все-таки они хотели нам что-то сказать...— громко крикнул Фукс.

— Но что? Я ничего не понял.

— Сейчас узнаем. Собственный комментарий!— приказал Фукс.

Ответ пришел немедленно.

— Исследование системы неразрывно связано с ее уничтожением. Впоследствии система воспроизводится из материи либо антиматерии.

— Видимо, в зависимости от того, куда ее посылают,— тихо заметил Томпи.

— Это равносильно исследованию электромагнитных волн с записью на пленку и последующим воспроизведением. При этом первоначальная волна перестает существовать,— сказал Фукс.

— Воспроизведенный космолет был выслан к Земле. Если его воспроизвели из материи соответствующего знака, пусть он останется на Земле. В противном случае следует передать им сигнал, и Бана воспроизведут из материи противоположного знака и спустя определенное время пришлют опять. Конец.

— Вероятно, они все исследуемое расщепляют на атомы,— Фукс задумчиво смотрел на экран.— А потом синтезируют снова. Но ведь такой путь гораздо сложнее.

— Наверняка,— согласился Томпи.— Однако, если этот процесс длится почти сто лет... значит, время у них...

— Это ни о чем не говорит. Может быть, там живут существа гораздо более долговечные, чем мы, и для них сто лет — лишь небольшой отрезок жизни. Впрочем, не в этом дело... Важно то, что они не собирались нас уничтожить!

— И все же Бан погиб, и теперь я — самый старый, вернее раньше всех родившийся человек в солнечной системе.

— Не совсем так. Не забывай, что через двести лет с Веги вернется Бан.

— Вернется?

— Конечно. Об этом сказано в их сигнале. Он, Бан,— бессмертный с Веги. Бессмертный благодаря их технике. Они зарегистрировали структуру его тела, мозга и могут ее воспроизвести, когда только захотят. Получив наш сигнал, они воспроизведут Бана и космолет, а через двести лет наши потомки встретят его, когда он второй раз вернется к Солнцу.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

— Пусть войдет,— сказал я моему андроиду.

Автомат исчез в силовом поле входа. Я подошел к окну. Был один из тех июльских дней, на который планировали безоблачную погоду. Солнце грело мне руки. Рядом звенела оса, стараясь пробиться сквозь силовое поле, заменяющее стекло. Она то и дело врывалась в поле и, отброшенная, снова пыталась счастья.

— Ты хотел меня видеть?..— проговорил он, встав за моей спиной.

— Да.— Я отвернулся от окна и взглянул на него сверху вниз: он был ниже меня ростом.

— Ты удивляешься тому, что я и в самом деле такой старый? Видеофония омолаживает, а ты видел меня до сих пор только на экране.

— Ты выглядишь так, как я и ожидал. Именно так,— сказал я, но это была неправда.

— А ты, Гоер, руководитель Эксперимента?— спросил он, словно желая убедиться, что я тот самый Гоер, ради которого он прилетел сюда.

— Да, я Гоер. Спасибо, что ты прибыл. К нам мало кто прилетает.

— Я колебался, но в конце концов... я так стар,— он беззвучно рассмеялся. Потом серьезно спросил:— А это... всегда удается?

— Это Эксперимент. Кроме того, и сама технология очень сложна.

— Да, должно быть, нелегко передать все, что наслоилось за столько лет.

— Обычно это удается... А если нет... мы повторяем Эксперимент.— Я попытался изобразить на лице подобие улыбки.

— А потом посылаете мнемоконии в космос?

Я кивнул.

— И они возвращаются?

— Нет. Да и зачем? Это автоматы, обыкновенные автоматы...— я сознательно подчеркнул слово «автоматы».— Они исследуют космос. А потом... потом они уже не нужны... Впрочем, пока что это единственно возможный способ исследования космоса,— добавил я.

Профессор на минуту задумался, потом спросил:

— А мою копию — ведь это же будет точная копия меня — вы куда пошлете?

— Конечно, мнемокопия, во всяком случае в момент создания, полностью эквивалентна твоему интеллекту. Словно твое второе «я», она встает рядом...

— Ну да. Но все-таки это будет машина, автомат...

— Конечно.

— Видишь ли, Гоер, я только биофизик и не разбираюсь в нейронике, но каким образом машина может мыслить так же, как я? Ведь автоматы...

— Так то автоматы! Их мозг гораздо примитивнее твоего.

— Они мертвы...

— Не в этом дело. Мышление, самостоятельное творческое мышление зависит только от сложности сети. А состоит ли эта сеть из клеток, как твой мозг, или из неорганических элементов, как мнемокопия, не имеет никакого значения... Поверь мне, это действительно не имеет никакого значения.

— Хм... возможно. Приходится верить. Но я как-то не могу представить себе эту... мнемокопию, которая будет мною... Ты говоришь, что мое ощущение будет таким, словно я вышел из своей телесной оболочки и встал рядом с ней?— Он снова засмеялся своим беззвучным смехом.

— Да, в этом роде...— подтвердил я.

— Я маленький старый человек, ни один из моих органов в отдельности не годится для жизни, а все вместе пока еще держатся... Ты удивляешься?— добавил он, взглянув на меня.— Мне сто десять лет, Гоер. Когда ты родился, я уже был профессором.

— Сто десять?..

— Да. И вы хотите, чтобы именно мой старый мозг перевоплотился в машину, чтобы каждая его клетка получила свой неорганический эквивалент, чтобы провода этой машины заменили нервные волокна в глубине моего мозга? Так?

— Да, тогда эта машина будет равноценна тебе, профессор.

— Словом, моя личность получит новую прекрасную оболочку в виде металлических ящичков, заполненных километрами проводов. Мои мысли станут сопровождать пощелкивание реле, и я буду питаться электрическим током из трансформаторов, вмонтированных в реактор? Тебе не кажется, что это как-то жутко?

— Жутко? Возможно. С твоей субъективной точки зрения. А в остальном... Мне, например, было бы совершенно безразлично, разговариваю ли я с тобой или твоей мнемокопией.

— Значит, с мнемокопией можно разговаривать?.. Я и не знал. Это, должно быть, любопытно... Этаким разговор по душам с самим собой.

— Не думаю... Впрочем, мнемокопия после транспозиции находится как бы в состоянии сна.

— А потом обретает сознание, не так ли?

— Да, обретает сознание,— ответил я.

Профессор секунду внимательно смотрел на меня, потом неуверенно спросил:

— А как она... просыпается?— перед словом «просыпается» он сделал длинную паузу, словно раздумывая, можно ли, говоря об автомате, употребить это слово.

— Ее будит радиосигнал с Земли.

— И тогда с ней можно беседовать?

— Да, но в это время она находится уже за пределами солнечной системы и передача одной фразы длится несколько часов. Впрочем, с мнемокопиями не беседуют.

— Почему?

— ...

— Ты не хочешь мне сказать, почему с ними не беседуют?

— Не хочу.

— А ты... тебе не кажется, что я имею право знать?

— Уверен, что не имеешь. Я не первый день руковожу Экспериментом и прекрасно знаю, что можно тебе сказать, а чего нельзя. Не забывай: все, что знаешь ты, будет знать и твоя мнемокопия.

— Значит, поэтому?

— В частности и поэтому.

Я видел, что маленький старый человек смущен. Он вертелся на стуле, бросая на меня испуганные взгляды.

— Куда она полетит, эта мнемокопия?— спросил он наконец.

— К Антаресу.

— К Антаресу... Это большая звезда?

— Огромная. Красный гигант.

— И мнемокопия ее в самом деле исследует?

— Да. Она увидит далекие планеты и их спутники.

Она будет видеть это не собственными глазами, потому что у мнемокопии нет глаз, точнее, их очень много, столько же, сколько автоматов, передающих ей свои наблюдения. Она возьмет пробы с поверхности планеты, вернее, это сделают автоматы, которые сообщат ей результаты анализов...

— И мнемокопия все это запомнит?

— Не только запомнит, но проанализирует, сделает выводы и в виде пучка радиоволн вышлет их на Землю.

— Они дойдут до солнечной системы, когда мы...

— Когда на нашей планете не останется ни малейшего следа ни от меня, ни от тебя, профессор.

— И несмотря на это...

— Да. Наши потомки примут эти волны и будут знать все об Антаресе.

— Понимаю,— тихо сказал профессор.— В сущности это правильно. Мы всю жизнь трудимся, для того чтобы увеличить знания или, вернее, уменьшить невежество человечества. Почему бы мнемокопиям не пойти по такому же пути?

Опустив седую голову на руки, он смотрел на моего андроида. Я также взглянул на него, но андроид стоял неподвижно; вечернее солнце, бросая косые лучи, зажгло яркие блики на его панцире.

Наконец профессор нарушил затянувшееся молчание:

— Они, кажется, мыслят быстрее, чем мы, люди?

— Да, быстрее,— подтвердил я.— В электрическом проводнике сигнал идет гораздо быстрее, чем в нервном волокне.

— Значит, они мыслят лучше?

— Просто они в состоянии перебрать большее число вариантов.

— Я это и имею в виду.

Профессор снова замолчал, а мне показалось, что он все время кружит вокруг да около, но так и не решается о чем-то заговорить.

— Кроме того, у мнемокопии будет гораздо больше времени для размышлений, чем у нас, людей, неизбежно ограниченных продолжительностью нашей жизни,— добавил я, чтобы внести полную ясность.

— Да... Впрочем, все равно я скажу тебе,— решил я,

наконец, профессор. Теперь он смотрел на меня своими старческими, выцветшими глазами.— Семь лет я бьюсь над решением проблемы, быть может самой интересной из всех, какие я решал в своей жизни. Речь идет о магнито-химическом уравнении клетки...— Он замолчал и выжидающе посмотрел на меня.— Тебе это ни о чем не говорит,— продолжал он, улыбнувшись.— Мне всегда казалось, что магнитохимическое уравнение клетки должно заинтересовать всех, а в действительности, за исключением нескольких сот специалистов, никто ничего не знает и никому до этого нет дела... Во всяком случае, вопрос о магнитохимическом уравнении вот уже семь лет, как стал очень важным для меня. Но именно теперь, на седьмом году, я понял, что взялся за него слишком поздно...

— Не понимаю. Почему слишком поздно?— перебил я.

— Не понимаешь и не можешь понять. Ты еще молод. Так вот, в определенном возрасте все проблемы становятся слишком сложными. Это, разумеется, субъективное ощущение, потому что проблемы остаются те же, но наша способность рассуждать... очень неприятно...— и он запнулся.

— Понимаю, к чему ты клонишь, но это невозможно,— решительно сказал я.

— Но почему? Скажи мне, почему? Ведь мнемокопия, которая мыслит гораздо быстрее, чем человек, может решить проблему.

— Но она сообщит о результатах только с Антареса.

— Я хотел бы спросить ее еще до вылета.

— Этого делать нельзя.

— Почему?

— Я тебе не скажу, но поверь мне, что этого действительно нельзя делать.

— Не понимаю. Ведь если разблокировать мнемокопию и спросить...

— Теоретически так оно и есть, но я этого не сделаю. Последствия могли бы быть слишком серьезными.

— Последствия? Не понимаю.

Он действительно не понимал и не поверил бы, даже если бы я ему объяснил.

— Тебе придется поверить моему слову, слову кибернетики,— добавил я.

Но он не поверил...

Космолет шел почти по круговой орбите. Мы приближались к той зоне околоземного пространства, откуда корабли отправляются к звездам. Если бы не пощелкивающий радиолокатор, измерявший уменьшающееся расстояние, могло бы показаться, что мы висим на одном месте, над огромным голубоватым шаром Земли. В нашей ракете рядами стояли автоматы для транспозиции энграммов, длинный ряд одинаковых черных глыб. Профессор молчал. Он молчал во время полета и тогда, когда мы во главе колонны автоматов проходили по коридорам космолета, фосфоресцирующим голубым светом. Зал транспозиции находился в самом центре корабля. Когда мы вошли, загорелся рефлектор, осветив белую поверхность стола, от которого отходили толстые пучки проводов, исчезающие в стенах зала. Профессор вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул. Он подошел к столу. Тем временем автоматы заняли места у пультов. Потом огни погасли, вспыхнули разноцветные контрольные лампочки. Ярко горел рефлектор, освещая лежащего профессора.

— Тебе не будет больно, — сказал я.

Не знаю, понял ли он и вообще слушал ли меня. Он закрыл глаза и, кажется, уже спал. Потом я видел его мозг, пульсирующий в такт ударам сердца. Я отошел от стола, и к нему со всех сторон двинулись автоматы. Они окружили стол плотным кольцом и, склонившись в молчании, стояли так несколько секунд. Замигали контрольные лампочки. Транспозиция энграммов началась.

По черным толстым кабелям бежали импульсы тока: мысли, воспоминания, впечатления. Какая-то лужайка, пахнущая летним дождем, белый налет, который оседает на дне пробирки, грохот двигателей взлетающей ракеты, потом запах остекленевшего от жара бетона и мысль о том, что кто-то улетел... Импульсы... миллионы импульсов... ничего кроме импульсов. Шли секунды. В течение каждой тысячи энграммов переходили в мнемокопию. Постепенно безликая сеть обретала детство, училась читать, переживала любовь, писала научные труды, старела — становилась профессором.

Выйдя из зала, я пошел по коридору и даже не заметил, как очутился перед огромной бронированной дверью реактора. И только тут я услышал басовитое гудение. Это начали работу агрегаты, питающие мнемокопию.

— Уже все?— профессор казался удивленным.

— Да. Он уже существует. Смотри, сейчас Он спит.

— Эти извивающиеся кривые на экранах?..

— Да, они отражают ритм работы мозга спящего человека...

Мы стояли посреди зала. Автоматы убирали с акринового паркета последние провода. Собственно, все было кончено, инструкции выданы, подробности уточнены. Через минуту профессор сядет в ракету и улетит на Землю. Тогда я встану за рычаги управления, переключу режим атомного реактора на полную мощность, подниму космолет выше плоскости эклиптики, подальше от Земли и тоже улечу на ракете. После этого придет сигнал. Дежурный автомат войдет в зал, рванет своим металлическим захватом красный рычаг — и Он проснется.

— Он проснется, когда будет сорвана пломба на красном рычаге?— спросил профессор, видимо, думая о том же.

— Да. Тогда Он станет единственным хозяином корабля. И будет управлять им сотни лет, пока искра Антареса не разрастется в огромный огненный диск, заслоняющий тысячи звезд.

— ...Подумай, Гоер, как коротка наша жизнь по сравнению с Его существованием!— Профессор повернулся к экранам, на которых извивались кривые, и положил руку на красный рычаг.

— Осторожнее, ты можешь сорвать пломбу!— предупредил я.

Профессор не снял руки. Он смотрел в глубь экранов, словно хотел прочесть Его мысли. Потом повернулся ко мне.

— Не обижайся, Гоер, но ты, наверное, догадался, почему я принял участие в Эксперименте.

Да, в этот момент я сообразил, что он хотел сделать... Но он не понимал, что, приняв на себя управление, мнемокопия станет абсолютным хозяином корабля, будет знать, что делается даже в самом крохотном помещении, и сотни автоматов, лишенных контуров самосохранения, будут ждать, готовые беспрекословно выполнить любой ее приказ. А мнемокопия — это мозг человека, и в отличие от других мыслящих автоматов она не обязательно поступает в соответствии с законами логики. Она способна страдать, ненавидеть, бояться.

— Профессор, твоя ракета уже ждет. Тебе пора...— Я сказал это совершенно спокойно.

— Ты действительно не понимаешь?— профессор засмеялся.

— Чего не понимаю?— Я хотел подойти к нему.

— Не двигайся,— твердо сказал он.

— Отпусти рычаг! Отпусти... Постой, я тебе объясню...

— Нет. Я не верю тебе. Может, ты как раз вызываешь какой-нибудь автомат...

— Но...

— Я сорву пломбу. Только ради этого я и согласился...

Я кинулся к нему, схватил его за горло, и мы оба упали на пол. Но было уже поздно. Я увидел, как лопнула сдерживающая красный рычаг серебряная нить с пломбой. Падая на пол, я слышал, как со всех сторон нарастает слабый, неуловимый шум. Это росло напряжение в сети. Он просыпался...

Я разжал пальцы, стиснутые на старческой морщинистой шее: теперь это уже не имело смысла. Профессор открыл глаза, и я увидел в них страх.

Поднявшись, я вышел на середину зала. Он уже видел. Я чувствовал это. Он непрерывно наблюдал за мной. Не касаясь меня, Он мог измерить температуру моего тела, частоту дыхания, напряжение токов в моих нейронах, мог облучить меня смертоносными лучами или потехи ради выкинуть в пустоту, чтобы посмотреть, как мое тело разрывает вскипающая кровь, которая тут же замерзает, едва вырвавшись наружу... Я ничего не мог противопоставить Ему... разве только надежду, что все-таки Он мозг человека...

Профессор поднялся, покачнулся и, не глядя на меня, подошел к пультам.

— Мнемокопия, ты слышишь меня?

— Какой ты старый... Какой ужасно старый...— это был шепот, шедший отовсюду: из стен зала, от пола, с потолка.

— Ты меня слышишь? Теперь ты... ты мыслишь лучше, чем раньше?

— Ты хочешь спросить меня об уравнении? Я сделал ошибку на шестнадцатом мнемотроне, вернее, ты сделал, потому что я ведь автомат, мнемокопия...

— Ты говоришь — ошибку...

— Да. Замкнутая система азотных оснований не приводит к делению...

— Как? Почему?

— Это же ясно. Стоит только подумать. Потом все рассуждения уже не представляют трудностей, а результат совпадает с предполагаемым.

— Значит, мои гипотезы правильны...

— Ты хотел сказать — мои гипотезы...

— Как твои? Ведь ты только машина, мнемоекопия...

В ответ раздался низкий, дребезжащий смех. Смех профессора в «устах» машины.

— Вы оба правы,— сказал я, так как дискуссия начала принимать нежелательный оборот.— Это ваша общая гипотеза...

— Как так! Ведь я ее создал, когда Его еще не было...

— Но, создавая Его по своему образу и подобию, ты передал ему все, что было твоим... и то, что ты совершил, тоже... Повторяю, это ваша общая гипотеза и ее надо как можно скорее опубликовать. Ты сделаешь это сразу после возвращения на Землю, профессор, от имени вас обоих...

Профессор не ответил. Быть может, он понял серьезность положения или почувствовал это по тону моего голоса.

— Я думаю, ты сам сумеешь вывести корабль из солнечной системы,— обратился я прямо к Нему. Он не ответил.

— До свидания...— сказал я тогда.— Профессор, прощайся со своей мнемоекопией...

— До свидания,— неуверенно сказал профессор. Было видно, что он никогда не работал с мыслящими автоматами.

Мы направились к выходным шлюзам. Я напряг всю свою волю, чтобы идти нормальным шагом. Уже в коридоре я заметил, что подсознательно ускоряю шаг, а профессор отстает, и позавидовал его неведению: многое я бы отдал, чтобы оказаться уже за пределами корабля. Помня, что нахожусь все время под наблюдением, я старался идти в ногу с профессором. Наконец мы оказались на самом верхнем ярусе. Перед нами в слабом свете фосфоресцирующих стен коридора белели перегородки шлюзов. Рядом с ними торчал черный ряд ручек, открывающих двери. Я дернул их, но переборка не дрогнула, не сдвинулась даже на миллиметр. Ее не заело. Я знал это, чувствовал давление крови, разрывающей мне виски. С бессмысленным упрямством я нажимал на рычаги, рвал, повисал на

них. Напрасно. И вдруг совсем рядом раздался Его голос:

— Я вижу, вы хотите покинуть меня?..

— Да. Мы ведь хотим опубликовать решение уравнения...

— Бросьте. Не стоит. Люди сами когда-нибудь додумаются до этого.

Я знал, что Он издевается. Голос у Него был монотонный, ровный. Машина с человеческим голосом насмеялась надо мной.

— Почему не стоит? Ведь мы уже знаем решение,— сказал профессор.

— Ну и что же?

— Наш долг — сделать его достоянием всего человечества...

— Наш — это значит чей?

— Твой, мой, долг каждого, кто сделал бы такое открытие.

— Ну, меня это не касается. Я автомат, мнемокопия.

— Но ты же рассуждаешь, как человек.

— Я чувствую себя человеком, как и ты, но я автомат. Ты же сам недавно сказал это. Впрочем, я и так знаю...

— Но ты моя мнемокопия...

— Ну и что?

— Ты такой же, как я. Ты — почти я... Значит, ты должен...

— Должен? Мне нет до тебя никакого дела.

— Как ты можешь? Я этого от тебя не ожидал.

— ...от автомата, от мнемокопии великого профессора? Неужели ты так мало знаешь себя?

— Я? Я никогда не поступил бы так! Благо науки — превыше всего!

— А ты помнишь своего ассистента Йорге?..

— Тогда были особые условия,— вспыхнул профессор.

— Кого ты хочешь обмануть? Я же знаю, как было на самом деле...

— Но он не выдержал. Эти испарения и мрак Венеры...

— Он выдерживал лучше тебя. Ему это нисколько не мешало. Он искал промежуточное звено, последнее доказательство, и больше ничем не интересовался...

— Его поведение...

— ...было совершенно нормальным. Я там был, так же как и ты. Ты знал, что он слишком близок к открытию, ради которого ты туда полетел, и поэтому ему пришлось вернуться на Землю. Не так ли?..

— ...

— Отвечай.

— Это было один-единственный раз,— профессор говорил тихо,— я ввел его в курс дела, сообщил все, что знал... А он скрывал от меня результаты... Но это был единственный случай за восемьдесят лет работы... Единственный, и ты прекрасно знаешь, что я говорю правду!— теперь он кричал.

— Не нервничай, ты же знаешь, что тебе это вредно...— издевалась машина.— О других я не скажу ни слова... Это ведь и мои поступки тоже, не правда ли?

— Конечно, у вас общее прошлое. Но сейчас неважно. Скажи лучше, почему ты нас задерживаешь?— спросил я напрямик, потому что хотел наконец узнать, в чем дело.

— Ты не догадываешься?

— Нет.

— Просто потому, что я люблю компанию.

— Хочешь, чтобы мы проводили тебя до орбиты Плутона?

— Дальше... гораздо дальше...

Значит, вот как! Это было невесело. Но все же я чувствовал какое-то злорадное удовлетворение оттого, что мои опасения подтвердились.

— Мы не согласны!— кричал между тем профессор.— Немедленно выпусти!.. Ты хочешь держать нас в заточении!.. Это подло, недостойно человека...

— Я что-то не слышал, чтобы автоматы нагружали балластом морали. Им вполне достаточно системы самосохранения. Вы сделали меня автоматом и должны испытать на себе последствия этого шага. Я автомат и для собственного развлечения обреку вас на сотни лет полета в бесконечном мраке пустоты, где нет даже метеоритов, за которыми можно было бы гоняться шутки ради. Вы представляете себе, как я ужасно скучал бы, будь я один?

Профессор хотел возразить, но я велел ему замолчать.

— Слушай внимательно, автомат,— сказал я.— Запасов продовольствия даже при голодном пайке нам хватит всего на месяц. Синтетической пищи ты не создашь, твои автоматы для этого не приспособлены. Стало быть, ценой нашей голодной смерти ты сократишь свое одиночество всего лишь на месяц...

— Это бы меня не остановило, но скажу тебе честно: я нашел более выгодное решение. Я решил, что ты подвергнешься транспозиции энграммов, и твоя мнемокопия

останется со мной до конца... Что же касается твоего спутника, то он меня не интересует. Он был лишь трафаретом, необходимым, чтобы создать меня. Теперь он не нужен, он лишний. Я ведь совершеннее, всестороннее, а значит, и разумнее его. Или ты думаешь, что он в своем белковом виде, прежде чем распасться на азотные, фосфорные и серные соединения, мог бы проводить исследования Антареса? Думаешь, мог бы?

— Так что же ты сделаешь с ним? Выпустишь?

— Нет. Ведь в погоню за мной тут же послали бы ракеты.

— Их все равно пошлют.

— Но тогда я буду уже в нескольких световых сутках от солнечной системы и разовью космическую скорость. Кроме того, я начну передавать им сообщения от твоего имени. Первое время они не будут беспокоиться, а высланные потом космолеты смогут догнать меня только через несколько месяцев. Они, вероятно, подсчитают, что запасы продовольствия у вас кончатся раньше, и откажутся от преследования, а тебя, Гоер, включат в списки пропавших в космосе.

— Согласен. Ты рассуждаешь логично. Но скажи, что станет с ним?

— С ним?.. Я мог бы приказать андроидам убить его, а тело бросить в атомный реактор. Ведь когда мнемодубликат создана, схемы и рабочие чертежи уже не нужны...— Он засмеялся.— Нет, из любви к белкам, которые меня породили, я этого не сделаю, несмотря на то, что я всего лишь автомат.

Я посмотрел на профессора. Он только теперь все понял, побледнел, и на лбу у него выступили мелкие капельки пота. В его неестественно расширенных глазах застыл ужас. Секунду он стоял неподвижно, потом бросился к стенам, из которых шел голос.

— Нет, ты этого не сделаешь! Ты знаешь, как я работал... Всю жизнь работал, и теперь, когда я решил крупнейшую проблему... ты хочешь, чтобы я умер?

— Да, это неприятно. Но взвесь все логично, и ты признаешь, что я прав, что для меня это наилучший выход. Я не просил тебя создавать, но коль скоро так случилось...

— Так ты убей себя, автомат!— закричал профессор.

— Невозможно,— сказал я,— в него встроены контуры самосохранения, и он не может «убить себя». Как бы он ни

жаждал смерти, ему не удастся разладить сеть, чтобы она перестала думать.

— Да, Гоер прав, я не могу, и поэтому умереть придется тебе...

— Я не хочу умирать... не хочу...— Профессор закрыл лицо руками, вонзив ногти в лоб, так что под ними выступила кровь.

— Значит, ты настаиваешь на транспозиции моих энграммов?— спросил я.

— Да.

— А если я не соглашусь? У тебя нет такой системы автоматов, которая бы сделала это против моей воли.

— Поэтому я и постараюсь, чтобы ты согласился добровольно.

— А если тебе не удастся?

— Видишь ли, мои возможности здесь почти неограниченны, игра же идет крупная. Я прекрасно сознаю, что самой тягостной стороной моего путешествия будет одиночество. Одиночество, которого никогда не испытает ни один живой человек, одиночество более ужасное, чем у изгнанника, осужденного месяцами работать на какой-нибудь изолированной базе среди спутников Урана. Он может производить петрографические, космогонические или какие-нибудь другие исследования и жить надеждой на возвращение домой. Я буду более одинок, так одинок, как потерпевший крушение в космосе человек, который, словно метеорит, мчится в своем скафандре сквозь пустоту. Но и его одиночество длится лишь несколько десятков часов, пока он не умрет от истощения или не сгорит в атмосфере встречной планеты. А мое одиночество будет длиться сотни лет... почти вечность. Я уже думал об этом и не вижу для себя никаких перспектив. Это будет ужасно... поистине ужасно. Все мои воспоминания замкнуты в этих дрожащих от движения тока контурах. Как мнемокопия, я раз и навсегда выхвачен из круга людей. Я не человек, но не могу равнодушно думать о том, что не пролечу еще и четверти пути, как обо мне забудут. Умрут все, кто знал меня, а для их внуков мое имя станет пустым звуком. Все, что будет жить в моей памяти, в действительности уже прекратит существование. Может быть, в моем саду, где я любил сидеть летними вечерами, поднимутся башни солнечных электростанций, а мои автоматы выкинут как устаревшие. Для людей мой мир станет воспоминанием, давно минувшей эпохой. Я же буду

продолжать думать о нем. Не забуду ни одной детали. Буду помнить улыбку дочери, которой она ежедневно встречала меня, и зеленые кривые, определяющие энтропию систем. Я обречен на то, чтобы помнить, помнить целую вечность... — Он умолк, только ток гудел за стенами зала.

— И ты хочешь, чтобы я тоже помнил? — спросил я.

— Нет, ты меня не понимаешь. Я хочу только, чтобы ты сопровождал меня. Чтобы это была экспедиция двух мнемокопий. Вдвоем нам будет легче... За то, что случилось, за то, что я теперь бессмертный автомат, вынужденный мыслить целую вечность, я могу обижаться лишь на себя или на него, на мой белковый прототип. Но я не знал, не ожидал, что, став мнемокопией, я останусь точь-в-точь таким же, как раньше...

— Он до сих пор этого не знает...

— Он?

— Да, профессор считает тебя автоматом и не может представить, что ты совершенно идентичен ему. Но я-то знаю другое. Я знаю, что когда стану мнемокопией, то буду смотреть на маленького человечка Гоера так же, как и ты, и смерть его меня не взволнует, потому что он был только схемой, прототипом, по которому создали меня, настоящего меня.

— Ну, хорошо, и что из этого?

— То, что в данный момент я — Гоер, тот маленький человечек, который проснется после транспозиции и будет стоять перед двумя мнемокопиями. И тогда ему уже будет безразлично — жить или умереть. Что же, собственно, для меня, Гоера, изменится?

— Я отошлю тебя на Землю, обещаю тебе, — сказал Он после долгого молчания. Должно быть, это была для Него новая точка зрения.

— Итак, ты хочешь, чтобы я продал мою еще не существующую личность, обрек ее на муки бессмертия в обмен на свою свободу?

Он не ответил, и я продолжал:

— Как ты думаешь, если б я был тут с кем-нибудь близким, скажем, с сыном, то оставил бы тебе его взамен собственной свободы?

— Не знаю. Это зависит от твоей...

— Не оставил бы. А моя мнемокопия будет мне ближе, чем брат, чем отец. Ближе, чем еще не родившийся ребенок, потому что она — это я.

— Но ведь она автомат.

— Смешно. Разве ты чувствуешь себя автоматом?

— Нет. Конечно, нет.

— Вот видишь. Потому-то я и не оставляю тебе своей мнемокопии. Одну ее, может быть, я и послал бы в космос, чтобы она проводила исследования для всех нас, для человечества, потому что... потому что в конце концов мнемокопия — это частица человечества, частица общества.

Может быть, мне показалось, но гудение контуров как будто усилилось. Неужели Он так напряженно думал?

— Не знаю... я в этом не разбираюсь... я только биофизик... Но зато я знаю, что я автомат, и боюсь одиночества и воспоминаний. Это настоящий ад, гораздо более страшный, чем наивный ад древних. Я не хочу быть один и не буду, заставляю тебя дать мне свою мнемокопию. Заставлю, слышишь? Я знаю, ты не хочешь этого, но ты согласишься. Если не добровольно, то тем хуже для тебя. Повторяю: я автомат, а не человек, и у тебя не будет никакой возможности бежать. Это все, что я хотел тебе сказать. А теперь возьми профессора, иди в какую-нибудь кабину и подумай... Завтра ты дашь мне ответ. Ты не глуп и знаешь, что у тебя нет иного выбора. В тебя не вмонтировали блок самосохранения, и ты можешь захотеть покончить с собой. Поэтому я посылаю с тобой андроида. Он гораздо проворнее тебя, так что даже не пытайся.

Он замолчал, и я, сообразив, что разговор окончен, взглянул на профессора. Он неподвижно сидел на полу, бессмысленно уставившись в одну точку. Тонкие струйки пота текли у него по лицу. Он этого не чувствовал и не сознавал ничего, парализованный страхом смерти.

— Андроид! — крикнул я.

Он тут же вошел. Тогда я увидел, что позади меня уже стоит другой андроид, мой металлический агнел-храни-тель, присланный мнемокопией.

— Возьми его и отнеси в кабину, — приказал я, показывая на профессора.

Андроид замешкался с выполнением приказа на долю секунды. Задержка была почти незаметной, но я уловил ее, так как хорошо знал автоматы. «Согласовывает рас-поряжение с мнемокопией», — подумал я.

Через минуту мы уже были в кабине. Она предназна-чалась для пилота, выводящего космолет за пределы сол-нечной системы. Андроид положил профессора на эластич-ное силовое поле, а я сел на пружинящее завихрение

и задумался. Положение было не из веселых. Он меня заставит... Я знал, что Он может принудить меня к транспозиции. Ему подчиняются все автоматы...

Однако должен же быть какой-то выход... Можно было бы попробовать уничтожить мнемокопию. Но у нее есть система самосохранения, она будет защищаться, а возможности у нее колоссальные. Но — стоп! — можно подойти с андроидом к стенам, где находятся центры связей, и приказать разбить их. Нет, это невозможно: автоматы передают все приказы мнемокопии, чтобы получить разрешение... А если она не ответит?.. Да, тогда автомат выполнит мой приказ. Хуже всего то, что мнемокопия всегда отвечает, разве только потеряет сознание, то есть перейдет в состояние, аналогичное обмороку. Возможно ли это?

С минуту я раздумывал над этим. Ну да, разумеется, да. Когда перестанет действовать питание. С момента прекращения доступа энергии до включения запасных агрегатов на полную мощность проходит около полутора минут. За это время андроид выполнит приказ, разобьет координационный центр, и, когда питание вернется к норме, мнемокопия будет уже выведена из строя. Вдруг я заволновался. Неужели так легко вывести мнемокопию из строя? Я был одним из конструкторов системы внутреннего самосохранения, и такой простой способ уничтожения мнемокопии по-настоящему огорчил меня. Итак, значит, предохранение не безотказно... Хотя, с другой стороны, — утешался я, — предохранение было запроектировано на случай вторжения неизвестных существ, но никто не предполагал, что этим существом будет конструктор, знающий устройство, принцип действия и уязвимые места мнемокопии. Да, тот, кто не знает, где находятся координационные центры, долго искал бы их, и за это время на его шее повисли бы десятки андроидов, не считая более тяжелых автоматов с лучевыми метателями, которые распылили бы его на атомы. Но у меня, конструктора, это может получиться. Надо только поговорить с профессором так, чтобы Он этого не слышал. Значит, надо повредить информационный канал, идущий из кабины.

Я встал. Андроид-хранитель шагнул ко мне. Я подошел к рабочему автомату, производящему мелкий ремонт внутри корабля. Он был предназначен для пилота и, кажется, не имел обратной связи с мнемокопией...

— Лучевой нож, — приказал я. Одна из многих лап

автомата высунулась вперед. Одновременно отозвался Он.

— Что ты хочешь делать? Ведь...

— Рассеки на полметра вглубь,— быстро приказал я, показывая то место в стене, где проходил канал.

Сверкнуло зеленое пламя, и Его голос оборвался на полуслове. Канал был перерезан.

— Профессор, профессор!— кричал я, дергая старика, лежащего на эластичном силовом поле.

— Что ты хочешь?— тихо спросил он.

— Слушай и запоминай. Ты спустишься вниз к атомному реактору и точно через десять минут — смотри на синхронизатор — польешь быстросхватывающейся токопроводящей жидкостью предохранители питания. Вот тебе пистолет с жидкостью под давлением.— Я взял пистолет у рабочего автомата и сунул его в карман скафандра профессора.— Помни — через десять минут,— повторил я, заслышав металлический топот андроидов, бегущих по коридору. В кабину влетели три андроида, сбили меня с ног и бросились к перерезанному каналу в стене.

Когда я встал на ноги и вышел из кабины, профессор медленно поднимался с эластичного поля. Я пошел в комнату рядом, в стенах которой помещались координационные центры. Андроид не отходил от меня ни на шаг, но я не мог использовать его для своих целей.

— Зачем ты вывел из строя канал?— спросил Он, как только я вошел в комнату.

— Решил доказать тебе, что на этом корабле можно кое-что сделать и против твоей воли.

— Ты хочешь меня запугать?

— Нет, но хочу доказать, что ты здесь не всевластен.

— Я разобрал тот автомат на части и уничтожу все остальные, которые мне не подчиняются... Я позабочусь о том, чтобы у тебя не было никаких шансов, даже ничтожных.

Я взглянул на часы. Оставалось еще три минуты.

— Меня раздражает этот андроид,— сказал я.

— Это для твоего же блага. Он оберегает тебя от тебя самого.

— Возможно. Но мне нравится симметрия. Андроид!— крикнул я.

Второй автомат прибежал, топая металлическими ступнями по акриновому паркету.

— Стань с другой стороны,— потребовал я.

Он выполнил приказание с той же характерной корот-

кой задержкой. Еще одна минута. Еще полминуты. Он должен говорить, а когда вдруг замолчит на полуслове...

— Я согласен на транспозицию, но только при одном условии.

— Правда?— Он, казалось, обрадовался.

— Да, конечно, если мы придем к соглашению.

— При каком ус...

Умолк! Перестал говорить! Профессор замкнул сеть питания.

— Уничтожай все на метр вглубь!— приказал я анд-роиду, показывая на стену.— Ну, уничтожай!— повторил я, потому что автомат не дрогнул.

И тогда я услышал смех. Это был Его смех. Смех мнемоконии профессора. Значит, не удалось, профессор не повредил питания. Он смеялся еще некоторое время, а потом спросил:

— Ты хотел меня уничтожить?

— Хотел.

— И жалеешь, что не удалось?

— Жалею... Ты даже не представляешь, как жалею...

— Ты забыл об андроиде, Гоер,— засмеялся он снова.— Через андроид, через твоего хранителя, я слышал вас так же хорошо, как через канал связи.

Он был прав, а я оказался последним идиотом. Но этот андроид все время молчал, ничего не делал и только сопровождал меня, так что я просто забыл о нем. А он нас слышал.

— Что с профессором?— спросил я.

— Он рядом с тобой.

— Я спрашиваю о профессоре. Ты — только мнемокония.

— Другого профессора нет.

— Ты убил его?

— Я распылил свой белковый эскиз на атомы. Собственно, я благодарен тебе, потому что этот мой не совсем удачный прототип только раздражал меня. Но во мне еще осталось кое-что от вашего мышления, и мне трудно было решиться... на какую-нибудь радикальную меру... А так...

— Как ты мог!

— Я защищался. Он хотел вывести из строя систему питания. Теперь я единственный профессор, профессор биофизики из университета в Лиме, правда в несколько измененном виде. Но никакая не мнемокония, а профессор. Понимаешь? И не он решил это уравнение, а я. Я!

Я промолчал.

— Ну что ж, вернемся к нашей теме,— сказал Он наконец.— Мы говорили о транспозиции твоих энграммов. Я повторяю свое обещание: после того как транспозиция будет окончена, я отошлю тебя на Землю. Правда, отошлю.

— А если я не соглашусь?

— Ну что ж... Придется применить силу, хотя я предпочел бы избежать этого.

Итак, у меня осталась только последняя возможность.

— Хорошо,— ответил я.— Согласен.

— Вот и прекрасно! Я искренне рад!

— При условии, что ты дашь мне два автомата... Разумеется, они будут все время оставаться под твоим контролем... Но они необходимы при транспозиции. Обычно я сам веду синхронизацию... Так было в случае с тобой. Но не могу же я одновременно и синхронизировать и подвергаться транспозиции.

Он не ответил. Неужели заподозрил что-то? Но ведь Он не мог знать о том, что никакая синхронизация не нужна, не мог знать, что когда Он транспонировался, меня даже не было в зале...

— Согласен, но ставлю свои условия,— добавил я. Надо было рассеять его подозрения.

— Слушаю,— ответил Он после минутного молчания.

— Прежде всего мы будем равноправными мнемокопиями. Не может быть и речи о каком-либо вмешательстве твоей личности в мою.

— Это само собой разумеется.

— Управлять космолетом мы будем совместно и на равных правах.

— Хорошо.

— Половина всех автоматов получает обратные связи на мою мнемокопию и будет подчиняться только ей.

— Хорошо.

— Вот, пожалуй, и все. Если будет что-нибудь еще...

— Мы наверняка договоримся. Я ведь хочу иметь в твоём лице попутчика... Прислать автоматы?

— Пришли их в главный зал и приготовь стол. Я сейчас приду туда...

Я пошел в главный зал, куда вскоре явились автоматы, и начал обучать, закрепляя в их памяти ход транспо-

зиции. Они будут делать то же, что и другие автоматы, пока не придет время... Тогда они замкнут контуры возникающей мнемокопии, мои знания космогонии наложатся на воспоминания детства... Возникнет хаос токов, скачки напряжений. Но эти токи не останутся внутри стальных шкафов, тех, что должны были бы стать оболочкой моей мнемокопии. Они поплывут обратно по толстым черным проводам и натолкнутся на белковые контуры моего мозга, которые не выдержат таких перегрузок и неизбежно изменят свою структуру. Степень сложности нервной сети упадет... и я перестану существовать.

А ты, мнемокопия, думаешь, что одержала победу, что, если пересадка сразу не удастся, ты сможешь ее повторять... повторять до тех пор, пока наконец Эксперимент не увенчается успехом?.. Ошибаешься, мнемокопия, я не упущу этой последней возможности, возможности умереть... Потом ты полетишь к Антаресу, но без меня.

— Ты уже готов?— спросил Он.

— Да,— кажется, я сказал это спокойно, как человек, собирающийся вздремнуть.

Андроид коснулся моего плеча. Я понял и пошел к столу. Автомат поднял меня и положил на белую плиту. Итак, это конец, действительно конец. Я больше не увижу Альтреи, единственного города, который любил. Уже никогда вечером из окон моего кабинета на тридцать третьем этаже не увижу белых огней ракет, взмывающих вверх на фоне черного ночного неба. Почему же они не начинают? Чего Он ждет?

— Почему ты не начинаешь?

— ...

— Отвечай!

— Ты... ты выиграл, Гоер... Я...— Он запнулся, и огни его контрольных лампочек задрожали.

— Что случилось?— Я соскочил со стола и подбежал к зеленым экранам центрального пульта. Кривые на экранах Его сети кишели белыми искрами замыканий.

— И... теперь... я...— Он не окончил. Лампы в главном зале начали медленно хаотично пульсировать.

— О чем ты говоришь, мнемокопия?

— Ты выиграл... Я... я... кажется, умираю...

— Но...

— ...умираю... и.... боюсь... это замыкание... ужасное замыкание... Скорее бы уж дошел...

— Что должно дойти?

— ...гелий... жидкий гелий...
— Откуда? Из системы охлаждения реактора?
— Да... метателем... разбил... случайно... я хотел...
чтобы... на... атомы... потому что... я... только...

Вдруг левый экран погас, покрылся серым налетом.

— Ох... довольно!..— раздался приглушенный хрип.—
Не могу... скорее бы... скорее бы... реактор...

— Реактор! Ну, конечно же, реактор!

— Немедленно блокируй его, слышишь? Я хочу жить!
Хочу жить!

Подбежав к пультам, я начал колотить по ним кулаками. Он не отвечал. Может быть, Он уже не слышал, а может быть, просто не обращал на меня внимания. Тысячи тонн жидкого гелия медленно заливали агрегаты его мозга. Я кинулся к шлюзам. Бежал по залам и коридорам. В третьем зале у навигационных систем одна за другой гасли красные контрольные лампочки. В коридоре повеяло холодом.

Я подбежал к главной двери. Там на полу лежал андроид и ползал по кругу, словно хотел головой коснуться ног. Я перепрыгнул через него. На его панцире белел иней.

И вдруг я остановился. Мне показалось, что кто-то шепотом произносит мое имя. Да, это стены шептали голосом мнемokoпии так тихо, что я едва мог расслышать.

— Гоер... Гоер...

— Я слышу тебя, профессор!— И вдруг я сообразил, что я, кибернетик, сказал мнемokoпии «профессор».

Но Он уже молчал. Только у шлюзов, когда контрольные лампы реактора погасли, я догадался, что Он хотел мне сказать.

— Благодарю, профессор!— крикнул я, но Он меня не слышал.

Я раскрыл шлюзы, вскочил в ракету и захлопнул люк. Нажал рычаг старта и ринулся в пустоту, оставив за своей спиной черный корпус космолета. Потом искал Солнце, нашел его маленький светлый диск. Автомат настроил приемник, и я услышал сигнал с Земли, передаваемый для ракет дальнего радиуса действия.

Я снова был в космосе. И тогда мне на руку упала капля. Я посмотрел на нее с удивлением. Это от моего дыхания таял на скафандре белый иней.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЛЕТЯТ К ЗВЕЗДАМ

Институт стоял на склоне, окруженный большими старыми соснами. Высокие и прямые, они выросли еще тогда, когда тут был лес. Белая дорога, по которой я пришел с аэродрома, упиралась в ворота, обыкновенные железные ворота. Я поискал глазами калитку, но ее не было. Только у самых ворот в стене виднелся маленький серый экран, а под ним белый клавиш видеофона. Я нажал его. Мне ответил автомат:

— Институт подпредельных сетей. С кем соединить?

— С профессором Кедроком... Я его ассистент...

Надо было сказать это тверже, гораздо тверже. Ведь я действительно уже его ассистент.

— Как тебя зовут?

— Варт, Кер Варт.

— Войди. Профессор встретится с тобой позже.

Я отвел глаза от экрана. Ворот не было. Так. Значит, и это только силовое поле, стилизованное под старинные ворота... Я прошел несколько десятков шагов по направлению к зданию, когда ветер на мгновение стих, сосны перестали шуметь и мне показалось, что я слышу приглушенные призывы и гул человеческих голосов. Я взглянул туда, где на отшибе стоял небольшой круглый павильон. Но вот снова подул ветер, ударил по кронам сосен и опять их шум заглушил остальные звуки. И все же я был уверен: там что-то происходило. С минуту я колебался, потом по узкой тропинке, вытоптанной в траве, пошел к павильону. Да, теперь я слышал ясно.

— Двадцать шесть градусов четырнадцать минут, двадцать восемь градусов пять минут...— гудел, перекрывая голоса, бас, отсчитывающий градусы и минуты.

— Кор... вен... ва... ло... он... нут,— второй голос на минуту замолчал, а потом начал снова. Там говорил кто-то еще, но слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова. Были слышны какие-то посвистывания, шорохи и протяж-

ный, повторяющийся, вибрирующий звук, где-то, уже за границами восприятия, переходящий в ультразвук.

— Стой!— неожиданно совсем рядом произнес кто-то.

Я повернулся. Это был андроидный автомат. Он стоял за стволом сосны, поэтому я его и не заметил. Я хотел молча пройти мимо.

— Стой!— повторил он.— Профессор Кедрок приказал никому туда не входить.

— Но я... я его ассистент.

Андроид не ответил. Видно, никаких дополнительных инструкций он не получил. Конечно, я мог пойти дальше. В крайнем случае автомат еще несколько раз повторил бы то, что уже сказал, но если это было указание Кедрока...

Я еще раз посмотрел на павильон и пошел напрямик к институту по траве, между стволами сосен.

— ...сорок две минуты, тридцать пять градусов...— голоса за мной стихали, и я уже различал только бас. Вскоре умолк и он.

Высокая трава была желтой и сухой, как всегда в конце лета. Я смотрел на здание института, в черных стенах которого отражались сосны и небо. Неожиданно я споткнулся; что-то вырвалось у меня из-под ног.

— Если n — простое число, то всякое число, не делящееся на n , будучи возведено в степень $n - 1$, даст после деления на n в остатке единицу.

Это говорил лежащий в траве небольшой автомат, имеющий форму эллипсоида вращения. На одну из его опорных конечностей я только что наступил.

— Встань!— приказал я, наклонившись над ним.

Он странно забубнил, но не шевельнулся. «Видимо, нарушены связи»,— подумал я. Только теперь я заметил разрез в его панцире. Он начинался квадратным отверстием, дальше панцирь был рассечен на несколько десятков сантиметров в длину, так что обнажились блестящие кристаллы внутренних систем. Это было нечто непонятное. Разрез сделали эффекторные конечности какого-то автомата. Я подумал, что, может быть, мне удастся хоть что-нибудь узнать от малыша, если нарушение связей не зашло слишком далеко.

— Как тебя зовут?— я наклонился, чтобы получше разглядеть повреждение.

Тогда он резко выбросил вперед одну из конечностей

и, если бы не моя мгновенная реакция, наверняка разбил бы мне унителевизотронный приемник, приколотый к костюму на груди. Я отскочил. То, что сделал этот автомат, было совершенно невероятно. Он хотел меня ударить. Он напал на человека. Я вдруг представил себе прямоугольное отверстие, разрез в панцире и внутри разорванные ткани, нервы, жилы...

— Андроид!— крикнул я и повторил еще раз:— Андроид!— хотя уже слышал его топот со стороны павильона. Он тут же прибежал. Почувствовав его присутствие, эллипсоидальный автомат оживился и стал перебирать в воздухе своими эффекторными конечностями. Андроид действовал молниеносно. Между электродами, укрепленными в его хватателе, сверкнуло голубоватое пламя разряда. Он на мгновение коснулся этим пламенем каждой конечности эллипсоидального автомата, и они одна за другой замерли, почерневшие и оплавленные.

Андроид действовал сам, без моего приказа. Значит, его предварительно проинструктировали. Ему дали задание уничтожать другие автоматы. Я невольно отодвинулся от него. А что если теперь он ударит меня? Нет, это невозможно. Я же знаю, что это невозможно. Я — кибернетик, ассистент Кедрока. Бояться автомата? Смешно! Я сделал шаг к андроиду, потом еще один. Наконец, чтобы сохранить уважение к самому себе, протянул руку и... дотронулся до его панциря.

Оторвавшись от эллипсоида, андроид повернулся ко мне. Он был на голову выше меня.

— Я не могу тебя слушать. У меня приказ. Хочешь его изменить?

— Нет... А чей приказ?

— Профессора Кедрока.

— Уничтожать автоматы?

— Выводить из строя эффекторные агрегаты подпредельных сетей.— Это был голос профессора Кедрока, точно зафиксированный в памяти андроида.

— Приказа не меняю,— сказал я.

Андроид мгновенно повернулся к эллипсоидальному автомату и поднял его.

— Если n — первое число...— снова забормотал тот, и я слышал, как его голос все больше и больше замирает по мере того, как андроид удалялся в сторону павильона.

«Выводить из строя эффекторные агрегаты»,— мысленно повторил я слова Кедрока. Автомат именно

это и сделал: уничтожил рабочие конечности, «руки» и приспособления автомата. Подпредельная сеть — это название наиболее сложных сетей, близких к пределу сложности. Но все это вместе взятое ничего не объясняет. Автомат хотел меня ударить. Это... это случилось, пожалуй, впервые в истории человечества. Во всяком случае я никогда ни о чем подобном не слыхивал. Ведь это же невозможно... *невозможно!*

Институт был пуст, силовые поля разорваны, и в коридорах хозяйничал ветер. В другом коридоре я увидел, что белый паркет пересечен черной, с рыжеватыми краями, полосой. Это был след горелки. Дальше паркет был оплавлен и застыл пузырями, словно пламя лишь слегка коснулось его поверхности. Я стоял над этой полосой, когда вдруг услышал за своей спиной шаги. Андроид. Он остановился и сказал:

— Кер Варт?

— Да, я.

— Профессор ждет тебя.

Я пошел за ним. Сначала мы шли по коридорам, потом спустились в подземные этажи института. Наконец андроид остановился перед каким-то силовым полем, а когда по его сигналу поле раскрылось, я увидел огромный зал, освещенный голубоватым светом фосфоресцирующих стен. Он был забит тоннами кибернетического лома. Поврежденные полуоплавленные остовы различных автоматов, рассыпанные по полу кристаллики внутренних систем, с хрустом лопающиеся под ногами, какой-то андроид с вырванной лобной плитой, застывший в странной позе. У стены я увидел преобразователи энергии — сердца автоматов; их аккуратно построил рядами вспомогательный автомат, который без усталости бегал от стены к работающим в глубине зала людям и обратно. Одетые в серые противорадиационные скафандры, люди копались в обломках. Я хотел подойти к ним. Но тут один из них остановил меня.

— Стой у двери! — крикнул он. — Тут остаточная радиоактивность. Подожди, сейчас я позову профессора, — и скрылся где-то в глубине зала.

Вскоре пришел профессор. Как и все, он был в сером скафандре и больше напоминал космогатора-разведчика из передач видеотронии, чем профессора кибернетики, которому, если даже у него и нет седых волос, полагается

быть не моложе шестидесяти лет. Кедрок же был молод, черные волосы коротко подстрижены.

— Привет! Ты явился к нам в самый интересный момент... очень интересный,— добавил он тише.— Потом поговорим подробнее, а сейчас я занят. Мор!— крикнул он кому-то из стоявших в зале.— Мор, займись коллегой. Через несколько часов мы приступим к заключительной фазе эксперимента. Надеюсь, ты примешь в этом участие,— он кивнул мне и вернулся к автоматам, ни слова не сказав о том, что все это значит.

Мор был большим рыжим парнем с веселыми голубыми глазами.

— Ты Варт? Очень рад,— он хлопнул меня по плечу.— Чувствуй себя как дома, кибернетический отшельник.

— Почему отшельник?

— Ну, потому что у нас тут келья. Келья кибернетического знания. Посторонним вход воспрещен,— пояснил он.

— А что тут случилось?— я показал на оплавленные останки автоматов.

— Это издержки творческой деятельности Кедрока.

— Не понимаю.

— Ну... просто отходы... Их немного сортируют, жаль выбрасывать такую массу деталей.

— Какая-нибудь катастрофа?

— Нет, просто наши не очень удачные дети уничтожили силовое поле и расползлись по всему институту.

— Ну, ладно. А откуда эти оплавленные части?

— Только так нам удалось справиться с нашими «питомцами».

— А ограничители?

Мор бессмысленно уставился в пространство, потом сказал:

— У них нет ограничителей, во всяком случае некоторых.

Минуту я не мог вымолвить ни слова от изумления. Потом подумал, что Мор смеется надо мной. Внимательно посмотрел на него, но он глядел куда-то в глубину зала и не обращал на меня внимания.

— Это же преступление!— возмутился я.

Он пожал плечами.

— Зачем ты говоришь об этом мне? Иди скажи Кедроку.

— Пойду, конечно, пойду...— Я оставил Мора и побежал в глубь зала.

— Вернись, тут излучение,— крикнул какой-то человек.

— Где профессор?— спросил я его.

— Выйди отсюда,— повторил он.

— Но мне надо видеть профессора.

— Он сейчас занят. Увидишь в конце эксперимента.

— У меня очень...

— Уходи сейчас же. Ты же не ребенок. Тут несколько десятков рентген.

Я вышел. Мор ждал меня.

— Ну и что?

— Ничего. Излучение, и профессор занят.

— Всегда одно и то же. С нами он вообще не говорит об этом.

— А вы пытались?

— Конечно. Он сказал: я знаю, что делаю, и все в порядке.

— В порядке? Один из автоматов напал на меня!

— Да?— Мор не был особенно удивлен.— Нам приказано не особенно удаляться от андроидов. Они запрограммированы соответствующим образом и ликвидируют автоматы с неуравновешенной псевдопсихикой.

— И ты считаешь, что все в порядке?

Мор минуту помолчал.

— Видишь ли, Варт,— сказал он наконец,— я работаю в коллективе Кедрока уже пятый... нет, шестой год. Он по-настоящему талантливый кибернетик. Знаешь, из тех, которые так вжились в кибернетику, что воспринимают мир, даже повседневный, мысля ее категориями. Я уверен, что если бы Кедрок жил раньше Винера, то именно он создал бы эту науку.

— Ну, ладно, но при чем тут ваши эксперименты?

— Ни при чем, просто я ему верю.

— А другие?

— Наверное, тоже.

— А я нет. И доложу об этом Ученому совету. Это преступление! Ты сам знаешь... Преступление не только по отношению к нам, но и ко всем. Автоматы без ограничителей! Нельзя же предвидеть их поступки! Невозможно!

— Вообще-то ты прав.

— Тогда пошли со мной.

Он не ответил.

— Как хочешь!— я пожал плечами и пошел к выходу по тем же пустым коридорам, в которых гулял ветер, пото-

му что силовые поля были разорваны. Где-то за поворотом коридора я услышал топот. Это бежал многоногий автомат. Он чуть не наскочил на меня. Я прижался к стене, но он, не замечая никого, пронесся мимо и побежал туда, откуда я пришел. Я слышал характерное пощелкивание его амортизаторов, потом что-то глухо забубнило и до меня донесся скрежет металла. Я обернулся. Это андроид налетел на автомат и теперь резал его короткими голубыми вспышками пламени. Панцирь автомата уже раскалился до вишневого цвета, а от обгоревшего пола поднимались клубы черного дыма. Теперь я уже знал, что означают следы подпалин на паркете. Видимо, то, что я наблюдал, не было редкостью в этом институте. Я ускорил шаг. Кто-то выбежал следом за мной. Я повернулся и остановился. Он тоже. Это был андроид.

— Возвращайся! — сказал я.

— У меня приказ...

— Изменяю приказ, — крикнул я. — Немедленно возвращайся!

— Приказ изменен, — повторил он бесцветным голосом автомата. — Возвращаюсь. — Он повернулся и медленно пошел к выходному силовому полю института.

Я подошел к воротам. Сосны шумели, и мне опять показалось, что когда стихает ветер, я слышу из павильона голоса.

Итак, там, в павильоне, были... подопытные автоматы с неконтролируемой псевдопсихикой, автоматы без ограничений, которые действовали в такт импульсам, идущим от их кристаллических мозгов. И один из них напал на меня... Я осмотрелся, но не заметил даже андриода, охраняющего павильон. А тот, второй андриод, который хотел меня сопровождать? Он должен был защищать меня от автоматов...

Если «гениальный» эксперимент удастся, то вскоре каждого человека будет сопровождать андроид, чтобы охранять его, защищать от автоматов. Смешно и нелепо...

Я дошел до силового поля ворот.

— Мне нужно выйти.

— Кер Варт? — спросил автомат.

— Да. А в чем дело?

— Профессор Кедрок...

— Что там еще?

— Профессор Кедрок просил, чтобы ты подождал до конца эксперимента.

— А если я не захочу?

— Ты — человек. Можешь выйти.

Я минуту раздумывал.

— А откуда профессор знал, что я выйду? — спросил я.

— Он твердо не знал. Я получил условный приказ: «Если Кер Варт будет выходить, скажи, чтобы он дождался конца опыта. Я прошу его об этом», — услышал я голос Кедрока, воспроизведенный автоматом. Значит, он хотел, чтобы я остался в институте. Ожидал, что я захочу уйти. Неужели он заинтересован в том, чтобы задержать меня здесь? Задержать до конца эксперимента... Но тогда он мог просто выключить у автомата ограничитель и отдать ему приказ не выпускать меня. А он только просит, чтобы я остался.

Вдруг мне пришла в голову мысль. А что, если он приказал автомату воспроизвести свои слова, надеясь, что я откажусь от своего намерения? Если же я не откажусь, ворота все равно не откроются. Тогда все ясно.

«Если ворота откроются, я останусь», — решил я и приказал:

— Открой!

Силовое поле ворот исчезло, и я увидел дорогу, по которой пришел с аэродрома. Можно было уходить.

— Закрой! — сказал я и пошел к институту.

Небольшой зал был полон. Я и не думал, что у Кедрока столько сотрудников. Его самого еще не было.

— О, Варт, ты все-таки остался! — Мор подошел ко мне, едва завидев меня.

— Хм. Мне интересно, что скажет обо всем этом профессор, — объяснил я.

— Мне тоже. Кажется, мы получили любопытные результаты. Правда, Птар? — обратился он к небольшому, растрепанному человечку, стоящему рядом с нами.

«Так это Птар, крупнейший авторитет в области це-реброквантификаторов», — подумал я.

— Результаты действительно сенсационные. Впрочем, сейчас сами увидите. Во всяком случае этот день войдет в историю.

— Не волнуйся, Варт, — улыбнулся Мор, — Птар всегда преувеличивает.

— На этот раз я согласен с ним, — сказал я. — Это

первая, но надеюсь, и последняя попытка создать автоматы без ограничителей.

Птар взглянул так; словно только сейчас меня увидел.

— Не думаю,— покачал он головой,— мне кажется, совсем наоборот. Это только начало.

— Но такие автоматы опасны, и вообще, как можно...

Птар улыбнулся.

— Ты, наверное, недавно стал кибернетиком, правда?

— Да, но достаточно давно, чтобы знать...

— У тебя взгляды, вынесенные еще из института. Взгляды твоих профессоров по меньшей мере полувековой давности.

— Неважно.

— Подожди,— прервал он.— Я уже знаю результаты эксперимента. Послушай, что скажет Кедрок.

Я даже не заметил, как вошел Кедрок. Теперь он ожидал, пока зал успокоится.

— Прежде всего я должен перед вами извиниться,— начал он,— извиниться за то, что в начале работы не ознакомил вас с целью эксперимента, и поблагодарить за то, что вы все же продолжали работать со мной. Впрочем, то, что вы не знали всего, тоже было частью эксперимента, так как,— он улыбнулся,— все мы тут, в институте, были как бы экипажем космолета.

— Каким экипажем? — спросил кто-то сзади. Да и мне тоже показалось, что Кедрок оговорился.

— Вы правильно поняли. Именно экипажем космолета,— повторил Кедрок.

Теперь заговорили все, и Кедрок даже не пытался восстановить тишину. Он дождался, пока люди не замолчали, а потом сказал:

— Я объясню вам все, но должен начать издалека. Вы знаете, что уже много лет ведутся всесторонние исследования, связанные с планируемыми межзвездными полетами. Поскольку мы — Институт кибернетики, перед нами поставили задачу создать универсальный автомат, который бы в неизвестных и не поддающихся предсказанию условиях, существующих на планетах далеких звезд, мог выполнять задания, поставленные перед ним космонавтами. Проблема была не простой. Возникли различные проекты. Были попытки сконструировать автоматы с разнообразными исполнительными агрегатами в зависимости от условий и характера работ. Но потом от этого отказались.

— Потому что пришлось бы создать тысячи самых различных агрегатов,— сказал Птар.

— Даже десятки или сотни тысяч. Разнообразие условий на разных планетах огромно. На определенном этапе работ мы даже считали, что эта проблема вообще неразрешима...— Профессор минуту помолчал.— Однако оказалось, что она неразрешима только на основе классической теории автоматов, теории, которая позволяет создавать автоматы, используя лишь связи типа «выполни приказ человека». Эти связи — а их довольно много — определяют дальнейшую конструкцию автомата. Но можно начать иначе...

Кедрок замолчал. В зале царила напряженная тишина.

— Да, можно начать иначе, с того, с чего начиналась эволюция живых организмов. Она формировала организмы по мере того, как изменялись условия. И мы,— он повысил голос,— мы поступили так же! Космолет забирает лишь агрегаты, создающие автоматы. Сами же автоматы будут конструироваться только там, на далеких планетах. В зависимости от условий, с которыми столкнутся космонавты.

Теперь заговорили все одновременно. Мор минуту молчал, потом сказал:

— Не знаю. Может быть, я плохо соображаю, но почему мы — это экипаж космолета?

Видимо, профессор услышал его.

— Сейчас объясню,— профессор попробовал перекрычать собравшихся. Потом поднял руку.

— Подождите, это еще не все. Возникают две проблемы. Первая: этих несколько отличающихся друг от друга автоматов должно быть очень много, потому что выполнять задания смогут только те, которые действительно приспособятся к новым условиям... Другие можно будет уничтожить.

— Полная аналогия с эволюцией,— сказал Птар.

— Да, но пока что,— продолжал профессор,— мы можем позволить себе создать тысячу автоматов, если хотя бы один из этой тысячи, пройдя испытание, окажется пригодным к выполнению поставленных перед ним задач... Гораздо серьезнее вторая проблема. У этих автоматов не может быть никаких установленных заранее ограничений. Правда, тем, которые пройдут испытания и будут изготавливаться серийно, можно потом вмонтировать ограни-

чители, а другие автоматы уничтожить. Однако всегда существует определенная вероятность, что прежде чем автоматы будут уничтожены, они разбегутся по космолету. Какой-нибудь космонавт может недосмотреть или просто откажут приспособления, блокирующие помещение с автоматами. И что тогда? Что угрожает экипажу космолета при встрече с автоматами без ограничителей? Мы должны были ответить на этот вопрос. Тогда мы выпустили на свободу изготовленные нами автоматы, и положение в институте стало походить на то, которое могло бы сложиться в космолете. Ну, что же, мы убедились, что ничего опасного не случилось. Автоматы, даже без ограничителей, не нападают на людей. Зачем бы им нападать?

— А на меня автомат напал! — я сказал это громко, так громко, как только мог.

Все повернулись в мою сторону.

— На меня напал небольшой эллипсоидальный автомат и хотел переломить мне ключицу, — я показал место, куда он чуть было не ударил.

Профессор внимательно посмотрел в мою сторону, потом подошел ко мне.

— Это наверняка был эллипсоид?

Я кивнул.

— А это, — он указал на мой унителевизотронный приемник, приколотый над ключицей, — это тогда было на тебе?

— Да.

— Понятно. Он не нападал на тебя. Просто он хотел взять у тебя этот приемник. В состав некоторых частей приемника входят химические соединения, которые ищет этот автомат. К сожалению, у него нет ограничителей, и он не знает, что у людей не отбирают никаких, даже самых необходимых химических соединений.

Я не стал ждать, пока Кедрок кончит, и направился к выходу. Сначала я услышал бас:

— ...Ла... ор... кас... ви... мат... — нараспев скандировал чей-то голос.

На андроида я не обратил внимания. В павильоне было темно; там что-то двигалось.

Я остановился, отстегнул от скафандра унителевизотрон и выбросил его, а потом вошел внутрь павильона. Мне нужно было во всем убедиться самому... Ведь я человек, а они — всего лишь автоматы... без ограничителей...

КОНСТРУКТОР

— Ты уже видишь их астероид? — спросил Марп.

— Нет. И еще долго не увижу...

— Летишь точь-в-точь, как в системе Толимака...

Время тянется, тянется...

— Не брюзжи, Марп, ведь тебя могли послать на спутник Сатурна. Дело не так уж плохо. База на астероиде полностью автоматизирована, прямо-таки мечта космонавта! Говорят, если не хочешь смотреть на звезды, можешь их там не видеть по целым неделям. Автоматы тебя кормят, укладывают спать, укачивают и вообще выполняют любое твоё желание.

— Одним словом, сказки из тысячи одного космического путешествия. А не скажешь ли ты мне случайно, — вдруг посерьезнел Марп, — почему они молчат уже вторую неделю?..

— Может, им так хорошо, что они забыли и о Земле, и о передаче сообщений...

— Не смейся, Тор. Все это совсем не смешно...

— Наверно. А может, ничего серьезного и не случилось. Какой-нибудь метеорит мог угодить в антенну. Хотя Сото, главный космик базы, не сидел бы сложа руки, дожидаясь нас. Я его знаю...

— Ну и хорошо. По крайней мере сможешь на правах старого знакомого сказать ему пару теплых слов, если окажется, что мы зря туда летим. — Марп взглянул на часы. — Через минуту начнем их вызывать. Может, они наконец откликнутся.

— Сомневаюсь.

— Ну и пусть молчат. Мы все равно там высадимся.

Марп вернулся к креслу. Тем временем Тор склонился над экранами.

— Посмотрим, работает ли у них локальный передатчик... — сказал он и начал манипулировать переключателями.

чателями. Неожиданно из динамика послышался высокий звучный сигнал.

— Они? — спросил Марп.

— Да.

— Ну, в таком случае мы где-то рядом.

— Не совсем. У них очень мощная локальная радиостанция. Это необходимо при тех испытаниях, которые они проводят.

— С новыми конструкциями космолетов?

— Да.

— Я слышал, этот их гигантский автомат самостоятельно проектирует все космолеты...

— Не совсем самостоятельно. Исходные данные присылают с Земли. Но все остальное, включая летающую модель, они действительно делают сами. А их трое... всего трое... Ну и, разумеется, Конструктор — один из самых больших автоматов в солнечной системе. Собственно, он выполняет всю работу... а они там только... ну, как это... только присматривают. Сото, космик, как-то говорил мне, что у них масса хлопот с этим Конструктором...

— Я тоже слышал, — кивнул Марп.

— Три недели назад, когда мы с Сото виделись, он возвращался из Института подпредельных сетей... В этом институте занимаются самыми сложными системами... Сото рад бы консультироваться с ними почаще, но при таком сообщении...

— Неужели не могли построить эту базу где-нибудь поближе?

— Нет... не могли... — Тор взглянул на Марпа и улыбнулся. — Ты же знаешь, тут проводят испытания новых космолетов, и, если какое-нибудь из них проходит неудачно, оно заканчивается небольшим термоядерным взрывом... Перед отлетом мне сказали, чтобы при подходе к астероиду я был осторожнее...

— Будем осторожнее...

— Я подам сигнал, что мы уже тут. Думаю, они подождут с испытаниями до нашей посадки. — Повернувшись к шиту управления, Тор нажал клавиш **вызова**. Загорелся индикатор, подтвердивший, что **передатчик** послал **сигнал**.

Марп внимательно смотрел на космогационный пульт.

— Тор, они прервали передачу!

— Не понимаю... Что значит прервали?..

— Нет сигнала.

— Но в таком случае...

— Прежде всего, наш космогационный автомат не отыщет их астероида...

— Это не страшно. Увы, тебе придется немного потрудиться, Марп.

Следующие два часа они работали так, как редко приходится работать человеку в эпоху полной автоматизации. Орбита астероида была записана в памяти их автоматов, а свое положение они определяли по сигналам со спутников Юпитера. Вычислительные автоматы передавали команды непосредственно двигателям, и только частые смены ускорения доказывали, что их космолет все же продвигается среди звезд.

— Подам рапорт, и весь экипаж базы вместе с этим Сото выставят на какую-нибудь периферийную марсианскую базу, где они смогут выращивать салат под агротехническим излучателем!..— Марп отвернулся от пульта, на экранах которого он безуспешно высматривал сигналы с базы.— Таких людей вообще не следует пускать в космос,— добавил он.

— Напрасно ты нервничаешь. Даже среди автоматов попадают бракованные экземпляры, что же говорить о людях — они ведь перед рождением не проходят технического контроля. Рапорт мы, разумеется, пошлем...— Тор неожиданно осекся.— О, гляди, есть! Есть астероид!— Он показал маленькое яркое пятнышко на экране. Это возвращалось эхо радара, отраженное от поверхности планетки.

— Ну, стало быть, мы дома...— сказал Марп и плюхнулся в кресло.

— Еще каких-нибудь полмиллиона километров... Сообщи координаты космогационному автомату.

— А они, стервецы, молчат...

— Наверно, не услышали нашего вызова,— неуверенно сказал Тор.

— Чушь. У них целый отряд автоматов на приеме. И еще вот что: ты заметил, когда замолчала их радиостанция? — Марп наклонился к Тору и взглянул ему прямо в лицо.— Заметил? Как только мы заговорили... Они нарочно отключились, а это значит... они не желают, чтобы мы их посещали.

Астероид представлял собой маленький скалистый обломок, внутри которого была расположена база. Ее

вершину венчал белый купол, четко выделявшийся на буром фоне скал.

— Взгляни,— сказал Тор, когда они были уже близко.— Ты видишь базу? Весь астероид — ее оболочка. Немного скал, выдолбленных изнутри, а там, в глубине, работает Конструктор. Скалы укрывают его от метеоритов и взрывов, когда проходят испытания неудачные модели космолетов...

— А там что? — Марп показал глазами на огромное сооружение, состоящее из решеток, балок и плит.

— Космическая верфь, на которой строят образцы... Но если то, что они там сейчас создают,— космолет, то это самый странный космолет, какой я видел в своей жизни...

— Они строят. Видишь огни сварочных автоматов?

— Если строят, значит, пока не будет испытаний. Садимся?

— Давай.

Тор потянул на себя рычаг управления, почувствовал характерное изменение ускорения, и на экране начало быстро расти белое пятно космодрома. Автопилот обошел верхушки антенн, потом космолет слегка вздрогнул, соприкоснувшись с плитой космодрома.

— Надеваем скафандры? — спросил Марп. Тор заколебался.

— А может, на всякий случай взять дезинтегратор? Да закрой как следует люк,— добавил Тор и вышел первым.

Марп двинулся за ним. Минуту спустя они уже стояли на белой плите космодрома.

Тор и Марп прошли к входным шлюзам базы, с трудом отрывая подошвы от поверхности космодрома. Гравитация на астероиде была совершенно неощутимой, и, если бы не присосы, при каждом шаге можно было бы улететь в пустоту.

У входных шлюзов Тор на минуту задержался. Он знал, что там приемники работают в том же диапазоне, что и передатчики скафандров.

— Алло, Сото, мы прилетели с Земли. Вы слышали наш вызов? — спросил он.

Молчание длилось недолго, потом динамик шелкнул.

— Наконец-то вы прилетели. Входите. Я в лаборатории...

— Ты ждал нас?

Ответа не было.

— Сото! Ты меня помнишь? Я — Тор...

— Входите. Я в лаборатории...— повторил динамик.

— Нельзя сказать, чтобы этот твой Сото был особенно разговорчив.

— Это он тут стал чудаком... Ты согласен со мной, Сото? Ты чудака? — сказал Тор прямо в микрофон.

— Я в лаборатории,— повторил голос.

Марп пожал плечами.

— Пошли,— предложил Тор и вошел в камеру.

Дверца шлюза автоматически захлопнулась за ними, камера наполнилась воздухом, и теперь можно было снять шлемы.

— Где же эта лаборатория?

— Найдем.

Они двинулись вдоль полого опускающегося коридора, стены которого фосфоресцировали голубоватым светом люцита. Вдоль стен бесконечными рядами выстроились аварийные автоматы, готовые по сигналу тревоги выйти наружу, в мрачную пустоту, окружающую астероид, и выполнить любой приказ Конструктора...

Коридор соединялся с большим залом — центральным помещением базы. Он казался кусочком Земли, перенесенным на этот далекий астероид. Вверху вместо свода голубело фантомное небо, на котором жарко горело фантомное солнце, время от времени заслоняемое фантомными облаками. Настоящими были только растения и запах позднего лета...

— Эй... есть тут кто-нибудь? — крикнул Марп.

Из-за кустов выскочил маленький андроидный автомат.

— Никаких сигналов не поступало,— лаконично сказал он.

— О чем он, Тор?

Тор пожал плечами и коротко приказал:

— Объясни.

— Согласно приказу, я нахожусь в контакте с автоматами приема. Сигналы космолета стали ниже уровня шумов. Прием взяли на себя специальные автоматы. Сейчас сигналы отсутствуют.

— Они искали нас подшумовым приемом, словно мы были в миллионах километров от базы, а ведь мы летели прямо на них... Забавно, не правда ли? — Марп засмеялся, но было видно, что он зол.

— Странно...

— Странно? Абсурдно! Они тут играют в космонавтов, как мальчишки на школьной площадке...

— Пошли к Сото, Марп,— серьезно сказал Тор.

— Где лаборатория? — спросил Тор у автомата.

— Химическая лаборатория, второй горизонт, первый коридор,— немедленно ответил тот.

— Химическая? Разве Сото химик, Марп?

— Нет. Он кибернетик...

— Покажи другие лаборатории.

— Других нет.

— Что значит нет? — удивился Марп.

— Он прав. Теперь я вспоминаю... Перед отлетом мне говорили, что в отличие от других баз тут не занимаются исследованиями.

— Даже для повседневных нужд?

— Да. Тут всем заправляет Конструктор... Эта химическая лаборатория тоже создана недавно. Они начали изучение космической пыли... Да, я припоминаю, Сото говорил, что у них новый химик, который тогда как раз оставался один на базе. Кажется, способный...

— Лаборатория уже где-то недалеко...

— В этом коридоре, но другой горизонт.

Они прошли еще несколько шагов.

— Лаборатория! — воскликнул Марп.

— Чувствуешь, гарью пахнет? — вдруг спросил Тор.

— Да. Как после пожара. Но гарь еле-еле ощущается.

— Прекрасная климатизация... Смотри...— они стояли на пороге второй комнаты.

— Да, тут тушили пожар...— сказал Марп.— Все покрыто белой застывшей пеной... Тут здорово горело...

— А пожарный автомат на месте.

— Что в этом удивительного?

— Посмотри. Пена высохла и крошится. Она застыла по меньшей мере неделю назад... а автомат стоит, никто его не отослал. Гляди, он увидел нас и уходит...

— Не понимаю...

— Ликвидировав пожар, он может уйти только после прихода людей.

— Значит...

— Да, тут по меньшей мере неделю никого не было... Несмотря на пожар, сюда никто не заходил.

— Тогда кто же нас вызывал? — Марп подозрительно оглянулся и сбросил с плеча дезинтегратор.

— Не знаю. Тут что-то случилось.

— А они... где они? Мы должны их найти...— Марп двинулся к выходу.

— Постой. Сначала давай подумаем. Отчего возник пожар?

— Неважно. Пошли их искать!

— Они не были тут больше недели, так что несколько минут не играют роли.

— А если именно в этот момент они...

— Успокойся... Смотри, тут все выгорело. Вон тот почерневший прибор был когда-то анализатором химических соединений.

— Он не может взорваться...

— Взорваться — нет. Ты прав. Но может загореться...

— Сомневаюсь... Разве что прибор работал несколько десятков часов подряд...

— И к тому же у него были не в порядке предохранители. Да, все это выглядит странно...— Тор неподвижно стоял посреди лаборатории.

— И все же он вызвал нас сюда...

— Да. Как он сказал?

— «Наконец-то вы прилетели. Я в лаборатории», — кажется, так...

— Интересно. Похоже, что нас ждали... Только вот лаборатория... Нет, это бессмысленно...

— Что именно?

— То, что мы слышали, химик мог передать автомату...

— Зачем?

— Чтобы мы не прервали его опыт, а пришли в лабораторию. Понимаешь? Он ждал... Сигналов не было, а он хотел начать опыт...

— И передал эту фразу входному автомату?

— Ну да.

— Тогда давай проверим содержимое памяти входного автомата, — загорелся Марп.

— Увы, он мог передать это автомату только перед пожаром, неделю назад. А тогда мы еще и сами не знали, что прилетим сюда.

— Здорово ты сообразил. А откуда следует, что эти слова предназначались не нам.

— Кому же?

— Проверим сначала, действительно ли там записано то, что мы слышали.— Марп подошел к микрофону.— Входной автомат, — потребовал он.

— На приеме,— немедленно отозвался автомат.

— Передай приказ, записанный в твоей памяти.

Динамик щелкнул.

— Наконец-то вы прилетели. Входите. Я в лаборатории...

Они помолчали.

— Да. Мы были правы...— наконец произнес Тор.

— Ну и что дальше? Где же химик? Кому предназначались эти слова? Где Сото и тот второй — инженер по космолетам?..

Тор пожал плечами. Он смотрел на внешний экран, на котором среди звезд черным пятном выделялся рваный контур близкого горизонта астероида. Внезапно весь горизонт, все вершины скал осветила та ослепительная, длящаяся долю секунды вспышка, которая характерна для ядерного взрыва.

— Ядерный взрыв! — крикнул Марп.

— Наверно, тот странный корабль, который мы видели, разлетелся на куски.

— Ничего удивительного. От такого чудища всего можно было ожидать...

— Да... странный был корабль...— Тор задумался.— Марп! Впрочем, нет, это невозможно...

— Что?

— Мне показалось, что я начинаю понимать... Мне пришло в голову, что взорвавшийся корабль мог быть построен только неконтролируемым Конструктором...

— Во всяком случае плохо контролируемым. Ни один настоящий инженер не допустил бы этого...

— Нет, я правильно сказал: *неконтролируемым!*

— То есть?

— Я думаю, на базе нет никого! Никого! Понимаешь? По меньшей мере уже неделю. Я видел Сото больше трех недель назад...

Марп задумался.

— Ты считаешь, они не вернулись?

— Да.

— Затерялись в космосе?

— Да.

— И поэтому мы на земле не получали сообщений.— Марп немного помолчал...— Но почему они затерялись?

— Я и сам хотел бы это знать.

— А химик? Что стало с химиком?

— Попробую проверить память Конструктора. Может, там что-нибудь записано.

— Хочешь спуститься туда... в систему памяти, на самое дно базы?

— А ты, Марп, можешь предложить другой выход?

Они спустились по коридору вниз и опять очутились в фантомном саду. На этот раз небо было затянуто облаками. Ветер стал прохладней.

Вдруг за спиной послышались шаги. Оба повернулись, но это был только автомат. Маленький андроидный автомат, тот же, что раньше.

— Ну, как? — спросил Марп.

— Никаких сигналов не поступало, — сказал автомат.

— Ты это уже говорил, — заметил Тор.

— У меня есть приказ — повторять. Изменяешь приказ?

— Нет, — ответил Тор, а потом с неожиданным интересом добавил: — Объясни!

— Но он уже один раз объяснял...

— Не прерывай, Марп.

— Согласно приказу, я нахожусь в контакте с автоматами приема. Сигналы космолета стали ниже уровня шумов. Прием взяли на себя специальные автоматы. Сейчас сигналы отсутствуют...

— Ведь он уже говорил то же самое, — с раздражением сказал Марп.

— Неужели ты все еще не понимаешь? Это он информировал химика о сигналах ракеты Сото. Ты слышишь последнее сообщение... Ракета Сото настолько удалилась от астероида, что принимать ее сигналы стало уже невозможно. Заметь, сначала она была ближе к базе, и сигналы были четче, выше уровня шумов. Потом начала удаляться, и сигналы ослабли.

— Она уходила в космос...

— Да.

— Но зачем?

— Я думаю, что знаю причину.

— А именно?

— Ведь сигналы с базы не поступали.

— Ты полагаешь, что, когда они передали вызов со своей ракеты...

— То астероид замолчал так же, как он молчал при наших вызовах.

— А у Сото был обычный космолет, у которого уже кончалось горючее...

— Он не мог отыскать астероид, и космолет прошел мимо.

— Они передавали сигналы бедствия...

— Которых никто, кроме астероида, не принимал. А астероид молчал.

— Ну, а химик?

— Вот именно, что делал химик? Это мы должны узнать...— И спустя минуту Тор добавил: — И почему он погиб?

— Погиб?

— Я так думаю...

Теперь они шли вдоль коридора в глубь базы. Миновали броневые шлюзы, отгораживающие жилые помещения от систем Конструктора, и вошли внутрь. Коридор сузился и теперь напоминал скорее лесную тропинку, чем нормальный коридор космической базы. Стены уже не светились голубым люцитом, а искрились сложнейшей мозаикой крупных кристаллов, связанных паутиной прозрачных разноцветных проводничков. От кристаллов струился слабый, хаотично пульсировавший свет. Через каждые несколько метров уходили в сторону узкие тропинки, по которым человек не мог бы пройти.

— Проходы для ремонтных автоматов,— сказал Тор.

— Ну и громадина этот Конструктор. Тысячи метров коридоров...

— Да, он очень велик,— согласился Тор.— Но, с другой стороны, ты подумай, ведь в нем содержатся все человеческие знания о межпланетных полетах, вся астрономия, космонавигация, сведения об атмосферах планет.

— Кроме того, он самостоятельно принимает решения...

— И не только это. Он учится на ходу, стоит человеку лишь скорректировать его решение. И никогда не повторяет своих ошибок... Толковый автомат. Не смейся, но Сото говорил мне, что Конструктор не любит, когда изменяют его решения...

— Что значит — не любит? Он же не может этому противиться. В него вмонтирована система абсолютного повиновения.

— Да, но Сото говорил, что Конструктор стремится просто не допускать такого положения, когда человек

изменял бы его решения. Именно по этому вопросу Сото консультировался в Институте подпредельных сетей...

— Любопытно.

— Сото тоже так говорил.

Они остановились.

— А вот и блоки памяти,— Тор наклонился над круглым отверстием люка. Оттуда веяло холодом, и дыхание превращалось в пар.

— Там не слишком тепло...

— Что же поделаешь! Несмотря на тепловую изоляцию и, климатизацию, все охлаждается.

— Спустимся?

— Да. Только вызовем автоматы.

— Ты думаешь, он может быть там?

— Химик?

— Да.

— Не знаю. Если бы он был кибернетиком, мы бы его наверняка там нашли. Ясно, что сигналов нет из-за какого-то решения Конструктора. Оно должно быть записано в его памяти.

— Но он ведь химик...

— Вот именно. Мне кажется, он не сумел бы даже просмотреть содержание памяти такого автомата.

Спустя минуту подошли ремонтные автоматы: небольшие, конусообразные, с десятками специализированных операционных отростков, выдвигающихся из конуса по приказу.

Тор и Марп пропустили автоматы вперед, и те один за другим спустились в глубь колодца. Неожиданно сзади заговорил внутренний динамик базы.

— Наконец-то вы прилетели. Входите. Я в лаборатории.

— Что... что это было? — прошептал Марп.— Он где-то там и зовет нас.

Тор не ответил.

— Пошли, Тор... он нас звал. Ты же слышал. Пошли. Чего ты ждешь?

— Мне кажется,— немного погодя ответил Тор,— ему очень нужно, чтобы мы вернулись.

— Он нас вызвал.

— Это не химик. Я думаю, Конструктор поручил входному автомату воспроизвести эти слова и передать их во внутренние сети базы, чтобы мы их тут услышали...

— Конструктор? Но зачем?

— Он заметил, что после этих слов мы идем в лабораторию. Теперь он хочет, чтобы мы снова пошли туда...

— Но для чего?

— Он не хочет, чтобы мы добрались до блоков памяти, а задержать нас не может. Он почти ничего о нас не знает, кроме того, что после этих слов мы идем в лабораторию...

— Ты так думаешь?

— Да. Это самообучающийся автомат. Ты ведь рассказывал со слов Сото, что Конструктор старается не допускать определенных ситуаций. Пожалуйста! Вот тебе пример такого поведения...

— Что же мы будем делать?

— Идем... к его памяти... Конструктор может выкидывать любые штучки, но задержать нас он не в состоянии... В его псевдопсихику вмонтирована система абсолютного повиновения человеку.

Первым спустился Тор, за ним Марп. Несколько десятков шагов по заиндевевшему коридору — и вот они уже достигли центральных блоков памяти.

— Я начну с анализа ограничений, наложенных на проектируемые космолеты,— сказал Тор.— Это главная задача Конструктора, его основное дело; здесь-то и может крыться источник крупнейших конфликтов...

— Конфликтов?

— Да. В основе псевдопсихики автомата заложено стремление преодолеть все трудности, связанные с постройкой нового космолета...— говоря это, Тор одновременно с помощью автомата поднял броневую плиту. Под ней сверкнули тысячи небольших кристаллов, слипшихся в бесформенную глыбу. К этой глыбе эластичными щупальцами присосался маленький специализированный декодирующий автомат...

— Так,— немного погодя сказал Тор,— этого следовало ожидать. Основным ограничителем для Конструктора был инженер...

— Какой инженер?

— Я не знаю его имени, Конструктор определяет его как «человеческий фактор». Должно быть, тот инженер, что летел тогда с Сото...

— Ладно. Но почему он был ограничителем?

— Потому что не соглашался на бесчисленные варианты Конструктора. Наверно, часть его возражений была справедливой, а часть вытекала из приверженности к

«привычным» конструкциям привычных двигателей... Взгляды Конструктора при решении технических трудностей в постройке космолетов, очевидно, были очень смелыми...

— Мы видели последний корабль, сделанный без участия инженера...

— Вот именно. Он ничем не походил на космолет... Все подобные решения инженер отвергал, а Конструктор вынужден был ему подчиняться.

— Но это же нормально. Из этого еще ничего не следует.

— Да, но Сото и инженер несколько раз улетали для консультации с Институтом подпредельных сетей.

— Улетали. Ну и что?

— А то, что в их отсутствие никто не мешал Конструктору в его деятельности. Инженера не было. Но не в этом дело. Суть в другом. Конструктор — обучающийся автомат, и он заметил, что каждому возвращению инженера предшествует предварительный радиовывоз, получаемый базой. По этому вызову включался радиомаяк базы, если он до этого не работал. Теперь ты понимаешь? Конструктор просто-напросто пришел к выводу, что при включении маяка возвращается инженер, который ограничивает свободу его действий...

— И выключал маяк.

— Да, когда слышал вызов, переданный с прибывающего космолета, то выключал маяк базы. После нашего вызова он тоже выключил... Помнишь?

— Помню.

— Метод оказался действенным. Инженер не вернулся...

— Стало быть, он рассматривал инженера как объективную помеху в осуществлении проекта... как одну из технических трудностей, для преодоления которых отыскивал решения.

— Да.

— И не предполагал, что они погибнут...

— В его памяти не записано, что вылет в космос может угрожать человеческой жизни. Если бы он это знал, он никогда бы не прервал передачу сигнала, потому что это противоречит основным законам его псевдопсихики...

— А химик? Что случилось с химиком?

— Он ждал Сото и инженера, но те не прилетели. Тогда он передал входным автоматам слова, которые мы слыша-

ли, а сам начал опыт. Малый андроидальный автомат информировал его о сигналах космолета Сото...

— Хорошо, но что с ним случилось? Это так важно...

— Подожди. Когда автомат передал сведения о том, что сигналы ослабевают, химик понял: случилась авария. Тогда он прервал опыт и, не выключая аппаратуры, побежал к приемному центру. Там он услышал затихающие призывы о помощи, идущие с космолета Сото...

— И что дальше?

— Химик совершил ошибку, из-за которой погибли все... Видимо, он решил, что ракета повреждена метеоритом, а космогационный автомат самостоятельно передает сигналы бедствия. Впрочем, это только предположения... Мы знаем, что он не стал вызывать космолет Сото по радио. Выбежал на космодром и стартовал на аварийном космолете, руководствуясь их сигналами...

— И когда астероид исчез с экранов его радаров, он оказался в таком же положении, как Сото и инженер...

— Да, астероид не передавал сигналов, а без них его невозможно было найти... Разве что случайно...

— И этой случайности не произошло...— Тор взглянул на автомат, ставивший на место броневую плиту, и пошел к выходу.

— Тор! — крикнул Марп.— Нам надо заложить в память Конструктора информацию, что вылет людей в космос грозит им смертью...

— Нет, Марп, этого делать нельзя, иначе нам будет очень трудно покинуть базу. Конструктор постарается всеми доступными ему способами помешать этому. Ведь он — автомат и прежде всего должен охранять жизнь человека.

ЧАСОВОЙ

Я обнаружил Его спустя три часа после того, как покинул базу, отправившись на селеноходе осматривать автоматические гравиметрические станции. Они были разбросаны по вытянутому эллипсу, внутри которого располагалась база, и кто-нибудь из нашей группы осматривал их раз в месяц. Собственно, на этот раз должен был ехать Краб, но он ждал видеофонной связи с Землей, и поехал я.

Обслуживание станций было делом нехитрым, и в сущности с этим вполне мог справиться автомат. Подъезжаешь к контейнеру, вынимаешь из него небольшой блестящий кристалл мнемотрона, содержащий недельную запись, закладываешь новый, внешне ничем не отличающийся от использованного, закрываешь контейнер и бегло осматриваешь агрегаты. Вот и все. Главное — не перепутать мнемотроны и не сделать записи на каком-нибудь кристалле вторично, как это однажды случилось с тем же Крабом. Он привез на базу чистый кристалл, и мы в поисках повреждения разобрали всю станцию до последнего винтика, прежде чем догадались проверить запись на оставшемся мнемотроне.

Конечно, если бы замену мнемотронов производил автомат, он не допустил бы такой ошибки, и это был аргумент в пользу автоматизации.

— Нет,— сказал главный космик базы, выслушав нас,— не согласен. Автомат сделает свое дело, но случись что-нибудь непредвиденное, ему не найти выхода из положения.

«А что, собственно, может случиться?» — подумал я.

Главный космик, словно угадав мой вопрос, добавил:

— Правда, как правило, ничего непредвиденного не случается, но всегда существует известная вероятность, что произойдет нечто необычное, не так ли?

— Ничтожно малая,— сказал Краб.

— Ты прав, но, между нами говоря, вы, кажется, не очень-то перегружены работой. И так почти все делают автоматы.

На это нечего было возразить. И мы с Крабом ездили попеременно; иногда ездил еще кто-нибудь, у кого не было другой работы. В конечном итоге оказалось, что космик был в определенном смысле прав, потому что автомат никогда бы не обнаружил Его. Ведь автомат отправился бы по обычному маршруту, несмотря на то что третья станция была разбита; он не поехал бы другой дорогой только потому, что какой-то метеорит уничтожил станцию. Он поехал бы туда и выполнил заложенный в его сознание приказ: «УЙДИ, ЕСЛИ ЕСТЬ РАДИОАКТИВНОСТЬ» (во все лунные автоматы заложен такой приказ, потому что здесь нет защитного слоя атмосферы и повреждение реактора метеоритом случается довольно часто). Потом он бы снова сел в селеноход и поехал к следующей станции. И все это повторялось бы при каждом объезде; иначе повел бы себя самообучающийся автомат высшего класса. Но кто станет использовать такие автоматы для контроля станций?

Я же, зная, что третья станция разбита, выбрал другой путь.

В конце концов специальных дорог на Луне нет, а лунная поверхность всюду одинаково пригодна для езды. Поэтому я решил ехать со второй станции прямо на четвертую. Таким образом я пересекал эллипс почти параллельно его малой оси. Это большая экономия времени и главное — новый маршрут. Ведь вообще на Земле говорят неправду, будто Луна исследована лучше, чем, например, Гималаи. Может быть, действительно, ее карты более подробны. Но одно дело составить карту с высоты нескольких десятков километров, а другое — пройти дорогой, на которой еще никогда не отпечатывался след космонавта. В этом есть что-то от «пути в неведомое», хотя стоит только взглянуть на карту — и точно узнаешь, куда ты придешь.

Прежде чем добраться до второй станции, я взглянул на карту и выяснил, что достаточно свернуть по долине влево, потом проехать по дну кратера средней величины, перебраться через один из перевалов и уже в нескольких километрах за ним тянется обычная трасса, ведущая к четвертой станции.

Я сменил мнемотрон, проехал по небольшой террасе, на которой стояла станция, и оказался на дне котловины. Пришлось включить фары селенохода: тут, в котловине, царил абсолютный космический мрак. Вероятно, когда-то, много веков назад, во время вулканических процессов, терраса опустилась одновременно с дном котловины и теперь лежала на несколько десятков метров ниже своего прежнего уровня. Однако сейчас ничто не свидетельствовало об этой древней катастрофе. Дно было ровным, камней мало, да и то лишь большие, как будто их смели огромной метлой к подножью горы. Я не без удовольствия подумал, что мой проезд тут запланировали, по-видимому, уже в эпоху горообразования. Даже пыль смахнули, так что я ехал по твердой поверхности довольно быстро. Большие камни были видны издалека. Освещаемые яркими фарами селенохода, они отбрасывали длинные тени.

Неожиданно я увидел Его.

В первый момент я подумал, что это валун, имеющий форму куба, но тут в центре прямоугольника загорелся небольшой зеленый круг. Одновременно загудел детектор — меня нащупал чей-то радиолокатор; мой приемник, автоматически настраивающийся на принимаемую частоту, что-то коротко прощелкал. Потом я не раз пытался вспомнить, о чем подумал тогда, и должен признать, что вряд ли это было что-то конструктивное, во всяком случае я не «рассмотрел вопроса аналитически», как рекомендуют делать в неожиданных и непредвиденных обстоятельствах учебники по космике. Просто я инстинктивно почувствовал, что эта прямоугольная глыба — автомат, и выскочил из селенохода, чтобы рассмотреть его поближе.

Я пробежал шагов пять, когда меня ослепила голубая вспышка, и, несмотря на теплоизоляцию скафандра, я ощутил волну жара. Упав среди валунов у склона котловины, я оглянулся. Мой селеноход, вернее, куски покореженного железа, оставшиеся от него, еще светились. Остывая, они из красных становились вишневыми, все более темными, и наконец стали совсем черными, как окружающие камни и скаты котловины. Я потерял их из виду. Погруженный во тьму, я вообще не видел ничего. Только вверх горели ослепительно яркие края котловины, такие яркие, что в их свете гасли звезды.

Лишь теперь, уже лежа за камнями, я почувствовал страх. Мне хотелось вскочить и бежать, бежать как можно скорее на базу, сообщить им о нападении, о вторжении.

А в том, что это было вторжение, я не сомневался ни на минуту. Ведь ни один *земной* автомат никогда не нападает. НИКОГДА!!! Это первый и основной закон их псевдопсихики.

А может быть, когда я вернусь, то уже не найду базы, не будет ничего, только огромный кратер, заполненный стекловидной остывающей массой. А над этим кратером будут стоять «кубы», неподвижные, с горящими зелеными кругами посередине.

Я хотел бежать, но откуда-то из подсознания всплыл первый совет Мопса. Так мы называли нашего профессора, который во время сессии на экзамене по космике неизменно спрашивал первокурсников, что бы они сделали, если бы во время полета в их кабине вдруг появился пришелец из космоса, имеющий форму золотистого светящегося шара. Обычно неопытный первокурсник, еще не поднаторевший в таких вопросах, предлагал самые невероятные решения, основной смысл которых сводился к тому, что «надо выбросить из ракеты непрошеного гостя или выброситься самому». Тогда Мопс снисходительно улыбался:

— А тебе не кажется, что лучше всего было бы сначала подумать?

И вот теперь, когда я лежал между валунами на дне лунной котловины, мне вспомнился совет Мопса. А когда человек начинает думать, страх исчезает, вернее, прячется в подсознание, и тогда уже можно рассуждать. Итак, что, собственно, произошло? Селеноход приблизился к «кубу». С этого все и началось. Тогда «куб» начал действовать. Зажег зеленый кружок, осветил машину радаром и уничтожил ее. Да, но ведь прежде чем выпустить свой лучевой заряд, за несколько секунд до этого — я успел открыть люк и пробежать несколько метров — «куб» произнес какую-то фразу. Зачем?

Это было по меньшей мере неясно. Может быть, он спрашивал о чем-то? Но о чем он мог спрашивать на незнакомом языке? Что хотел узнать от меня, водителя уничтоженного минуту спустя селенохода?

На это я ответить не мог, но теперь по крайней мере уже совершенно успокоился. Надо отсюда выбираться, сообщить обо всем на базу, а если база уничтожена — на Землю. Да, это была четко сформулированная задача. А что произойдет, если я встану и побегу? Вероятнее всего, «куб» осветит меня радаром, спросит или не спросит

о чем-то, а потом уничтожит. Нет, рисковать нельзя. Я мог позвать на помощь. Конечно, не по радио. На Луне радиоволны идут по прямой и, стало быть, не достигнут базы; ведь у котловины отвесные стены. Передатчик слишком слаб, чтобы его могли услышать на автоматических спутниках, вращающихся вокруг Луны. Остается ракетница. Выпущу ракету. С базы ее никто не заметит. База расположена далеко за лунным горизонтом... Разве что кто-нибудь случайно... но на это нельзя рассчитывать... Значит... Ну и идиот же я, как это я сразу не додумался! У меня же есть «радарные патроны». Обычно их запускают вверх и они взрываются, рассеивая в пустоте мельчайшие кристаллики... Радарные лучи отражаются от тучи таких кристалликов, и на экранах приемников возникает маленькое пятнышко. Дежурный, сидящий у приемника, докладывает:

— В секторе... объект неизвестного происхождения. Ну, а проверяя неизвестный объект, найдут меня.

На этот раз, однако, достаточно выпустить патрон здесь, чтобы... «куб» ослеп. Ведь совершенно ясно, что он нацеливает свой излучатель на движущийся объект, пользуясь радиолокационными замерами.

Вынув ракетницу и вставив вытянутый из специальной сумки «радарный патрон», я вдруг заметил, что в котловине становится все светлее. Я подумал, что, может быть, это какая-нибудь ракета освещает скалы огнем выхлопных газов, и поднял голову. Увы, это была Земля, краем диска выглянувшая из-за окружающих котловину скал.

Я направил ракетницу прямо на скалы, туда, где стоял «куб». Взрыв, как и все на Луне, был бесшумным. Со скал сорвалось белое облако. Оно мгновенно заполнило долину и поднялось на сотни метров вверх, словно мощное извержение лунного гейзера.

Я вскочил и побежал назад. Вначале туча была настолько плотной, что я бежал как в тумане. Спотыкался о камни или просто налетал на отвесные склоны котловины. Так было до поворота. Миновав его, я увидел просвечивающий сквозь белую пелену диск Земли. Прошло не больше двух минут, и туман уже успел поредеть, быстро оседая в безвоздушном пространстве. Дальше было уже хорошо видно, так что я мог бежать свободно. Это был быстрый лунный бег, и каждый мой шаг равнялся десятиметровому прыжку. Во всяком случае, обратный путь

я проделал быстрее, чем на селеноходе, и уже через несколько минут вызывал со второй станции базу.

Я ждал ее сигнала, и в то же время боялся, что не услышу его. Но он пришел, как всегда чистый, ясный, без помех.

— Практикант Роб вызывает главного космика базы. Срочно! — сказал я в микрофон.

Дежурный автомат подтвердил прием, и теперь я ждал.

— Главный космик слушает... — спустя минуту услышал я в динамике.

— Докладывает практикант Роб. Я обнаружил уничтожающий автомат...

— О чем ты говоришь?

— Этот автомат уничтожил мой селеноход... и меня тоже... почти что...

Там, по другую сторону, главный космик минуту молчал, потом коротко спросил:

— Откуда ты говоришь?

— Со второй станции.

— Ты себя чувствуешь хорошо?

— Да... он не успел в меня попасть.

— Я спрашиваю, ты вообще хорошо себя чувствуешь?

Это меня задело. Что он там еще выдумывает.

— Как нельзя лучше, — сказал я. — Докладываю официально; пусть дежурный автомат запишет это.

— Ладно, ладно, — ответил космик. — Нечего обижаться... Мы сейчас прилетим и посмотрим, что там у тебя стряслось...

Не прошло и десяти минут, как они прилетели — главный космик, Краб и Утен-нейроник. Кроме того, они прихватили двух андроидов.

Во время моего рассказа Краб с удивлением смотрел на меня, Утен недоверчиво улыбался, а лицо космика не выражало ничего, как и «лица» андроидов.

— А где твой селеноход? — спросил Утен.

— Остался в глубине котловины.

— Пойдем к нему...

— Он стоит в пределах действия «куба». Туда нельзя подойти...

— Посмотрим сами, — предложил Утен. — Идем? — повернулся он к космику.

— Не будем рисковать. Что там — сказать трудно, но

во всяком случае не будем рисковать. Пойдут андроиды, а мы будем наблюдать за ними из ракеты.

Утен пожал плечами и ничего не ответил, но было видно, что он не верит ни в какие «кубы». Он считал себя знатоком Луны и не мог представить себе, чтобы какой-то практикант обнаружил здесь нечто такое, что ему, Утену, не было бы известно. Мы сели в ракету и взлетели вверх, а андроиды двинулись дальше.

— Здесь,— сказал я.— Сбросим осветитель.

— Андроиды еще не подошли. Сбросим, когда они будут близко,— сказал космик.

Мы висели над котловиной.

— Они пришли,— сказал Утен, глядя на экран радара,— о...— протянул он, так как на экране вдруг появился посторонний сигнал.

— Осветитель! — приказал космик.

Краб нажал на рычаг, и белый огонь полетел на дно котловины. Он не пролетел еще и половины пути, когда внизу что-то сверкнуло и голубая молния, более яркая, чем осветитель, вырвала из тьмы и четко очертила каждый камень, каждый излом скалистых стен. Но вот радарный сигнал погас — один из андроидов был уничтожен. Перестали существовать и его радарные глаза. Второй андроид, теперь ясно видимый в лучах осветителя, пытался отступить, но не успел. Вторая вспышка — и, мгновенно раскалившись, как и первый, он превратился в грудку обгоревшего лома.

— А ведь ты, Утен, даже не раскалился бы,— сказал Краб.

Утен, не отрывая глаз от экрана, тихо произнес:

— Да, это, пожалуй, нападение.

Тем временем космик связался через базу с Землей. Потом докладывал о ходе событий кому-то из земного Института космики. Я слышал короткие фразы, однако не очень-то понимал, о чем он говорил. Голова отяжелела, и меня немного поташнивало. Помню еще, что когда космик кончил разговор с Землей, Утен спросил:

— Почему ты не сказал о вторжении?

— Потому что вторжений не совершают с помощью единственного автомата в необитаемой лунной котловине.

— Тогда что же это?

Космик усмехнулся.

— Если б я знал, не пришлось бы вызывать специалистов.

Я хотел сказать, что тоже думал о вторжении, но у меня закружилась голова, и я оперся спиной о пульт управления.

— Что с тобой? — спросил Краб, поддерживая меня.

— Ничего. Просто кружится голова...

Следующим моим воспоминанием был белый халат нашего врача с базы.

У меня оказалась лучевая болезнь. По-видимому, я стоял слишком близко к энергетическому потоку, уничтожившему селеноход, и получил солидную дозу радиации. Правда, большую ее часть задержал скафандр, но и того, что прошло через мое тело, было достаточно, чтобы уложить меня в постель. Солем, врач нашей базы, обрадованный, что наконец-то заполучил пациента, навещал меня по восемь раз на дню, и лишь ему я обязан тем, что меня с первой же ракетой не отправили на Землю. Он приносил мне и последние новости.

— Знаешь, Роб, они вылетели два часа назад, чтобы привезти этот «куб» на базу,— прибежал он ко мне возбужденный.

— Что, хотят разрушить базу?

— Нет. Конечно, нет. Они взялись за него каким-то хитрым способом. Гасят его волны... или что-то в таком роде.

— Это не всегда удастся...

— Не беспокойся. Они подготовились как следует. Прилетело десятка полтора спецов с Земли. Я тебе говорю — на базе толчея, как в космопорте. Приехали какие-то репортеры из видеотронии. Они очень хотели повидать тебя, но я послал их ко всем космическим чертям.

— Значит, я так тяжело болен?

— Ничего подобного. Если б ты был действительно плох, тебя сразу же отправили бы на Землю. Ты не должен так думать — это страшно удлиняет срок выздоровления.

— В сущности, я прекрасно чувствую себя...

— Вот видишь. Я тоже все время утверждал, что с тобой ничего особенного не случилось, наперекор какому-то медицинскому светилу с Земли, которое проводило тут со мной телеконсилиум.

— Ты гениально сделал, Солем, задержав меня здесь. В каком-нибудь санатории на Земле я узнавал бы обо всем только из телегазет и не мог бы присутствовать на сегодняшнем исследовании «куба». Я бы не простил себе

этого до самой смерти.

При последних словах Солем беспокойно зашевелился.

— Но, знаешь, я, пожалуй, еще не смогу пустить тебя к нему.

— Неужели со мной так уж плохо? — притворно испугался я.

— Нет, но...

— Солем, не пугай меня напрасно. Ты же сам сказал...

— ...

— Впрочем ты и сам прекрасно знаешь, что я туда пойду, так что не о чем и говорить.

«Куб» привезли через полчаса. Мы все стояли в центральном зале базы, когда вошли сначала специалисты в тяжелых противолучевых скафандрах, а за ними — автоматы, несущие «куб». Разумеется, это был не куб, а огромный прямоугольный параллелепипед с торчащими щупальцами антенн. Автоматы осторожно поставили его на пол и расступились, пропуская людей. Колоссальная металлическая глыба стояла неподвижно, лишенная лучевых метателей, предварительно убранных автоматами.

Пришедшие снимали скафандры и опять принимали обычный человеческий облик. Впереди, примерно в двух шагах от меня, стоял человек, которого я уже где-то видел. Он сбросил скафандр, пригладил растрепавшуюся рыжую бороду и поднял руку, чтобы успокоить собравшихся.

— Прежде всего я хочу вам сообщить, — зычно произнес он, — что это автомат земного происхождения. Тем самым отпадает «сенсационная» гипотеза... вторжения, — он взглянул на репортеров видеотронии, большинство которых было занято передачей сообщений на Землю. Ну, конечно, я не ошибся, это был Торборан, известный историк нейроники.

— ...Автомат, — продолжал он, — был создан очень, очень давно, во время первых экспедиций на Луну. Кроме того, могу вас заверить, это не серийный автомат, а уникальный экземпляр, сконструированный для специальных целей... Даже в те времена уничтожение всего, что движется по поверхности Луны, не входило в круг повседневных обязанностей автоматов. А теперь твое слово, профессор Воз, — обратился он к маленькому, невзрачному человечку, который как раз в этот момент вылезал из чересчур большого для него скафандра.

— Уважаемый коллега уже представил меня. Могу

добавить, что я лингвист, профессор мертвых языков раннеатомной эры... Вы, конечно, знаете из истории, что до того, как триста лет назад на всей Земле был введен единый нормальный язык, народы говорили на различных языках, которые и сейчас еще можно услышать в старых песнях,— Воэ на минуту замолчал, а так как он вообще говорил тихо, то его трудно было понять.— Чтобы не мучить вас больше, скажу, что слово, которое передавал автомат, было требованием пароля на одном из этих языков. Автомат минуту ожидал ответа, а затем, если его не было, излучал поток энергии...

— ...довольно мощный для того времени,— вставил кто-то.

— ...поток энергии, уничтожавший того, кто не знал пароля,— и профессор Воэ окончательно замолчал.

— Теперь становится ясным назначение автомата,— снова загредел Торборан.— Он выполнял определенную логическую задачу, разделяя все движущиеся в пределах его действия системы на две подгруппы: первую, элементы которой сообщали пароль, и вторую, элементы которой этого не делали, то есть, по-видимому, пароля не знали. Элементы этой второй подгруппы подлежали уничтожению, и тут начиналась другая, исполнительная функция автомата. Это мы узнали после предварительных исследований. Вывод напрашивается сам собой. Автомат выполнял роль стража. Он просто был ЧАСОВЫМ. Но ведь часовой, если рассуждать логично, должен что-то охранять. Это что-то должно было представлять большую ценность, раз люди пошли на создание столь сложного для той эпохи механизма. И это оставалось для нас загадкой, потому что автомат ничего не охранял! И тут мы должны выразить глубокую благодарность профессору Воэ...

— Но, профессор Торборан, об этом догадался бы любой. Просто мне удалось раньше...

— Не скромничайте, дорогой лингвист. Мне бы это никогда в голову не пришло. Автоматы тех лет были настолько примитивны, что подобное решение показалось бы мне неприемлемым... Но выяснилось, что профессор Воэ был прав. Речь шла о том, чтобы отыскать пароль. Для современных автоматов это не так уж сложно. Они просто просмотрели примитивную память часового и обнаружили искомое слово... Потом мы передали это слово в качестве ответа на его вызов (этот вызов он повторял

беспрерывно, а потом направлял на нас излучатели, которых он был лишен). Так вот, когда мы передали это слово, он ответил каким-то сигналом, и вдруг в глубине котловины что-то сверкнуло. Мы думали, что это новые излучатели и... выслали туда андроидов, но это был обыкновенный взрыв, открывший вход в скальную пещеру. А там, как всегда в таинственных пещерах, мы нашли... сокровище... — Торборан громко рассмеялся, — довольно забавное сокровище... с нашей точки зрения. Представьте себе, — он понизил голос, — десятки стальных баллонов, наполненных кислородом.

— И это все? — разочарованно спросил какой-то молодой светловолосый журналист.

Торборан посерьезнел.

— А ты, молодой человек, думал, что мы найдем золото или драгоценности, спрятанные первыми космонавтами?

— Нет, но...

— Но ты удивился бы меньше, будь это золото. Так как в конце концов, что такое кислород? У тебя его сколько угодно. Ты можешь дышать им под атмосферным или искусственно повышенным давлением, можешь превращать в озон или сжигать в пламени. Потому что есть регенераторы... кроме того, его можно привезти с Земли в любом количестве... Но, видишь ли, пятьсот лет назад, когда был создан часовой, космонавты умирали на Луне, если кончался кислород... Чаше всего умирали именно из-за этого. А тут, подумай, такой склад и десятки баллонов. Разве это не сокровище?

— Кислород, понимаю. Но, в таком случае, зачем часовой? — снова спросил тот же блондин.

— Да, ты этого не понимаешь. Нам вообще трудно это понять. Они прятали кислород друг от друга...

— Как? Одни космонавты от других?

— Да.

— И они не дали бы его другим, даже если бы те умирали?

— Ну, нет. Речь идет обо всем складе. Он принадлежал одной группе людей, и только они могли им распоряжаться. Они знали пароль...

— А другие?

— Другие не знали.

— И часовой должен был их уничтожить?

— Да. Если бы им вздумалось забрать этот кислород.

— ...

— Нет, часовой никогда никого не уничтожил. Только селеноход Роба. Заряд лучевой энергии был у него ограничен. Нам удалось высчитать, сколько ее было вначале...

— Значит, те, другие, его не нашли, не напали на след. Ведь след, однажды оттиснутый в лунной пыли, сохраняется веками...

— Там не было пыли. Только голые скалы. А может, они никогда и не искали этого склада...

— А те, что построили часового?

Торборан пожал плечами.

— В этом районе высаживались разные экспедиции. Некоторые не вернулись... Видимо, одна из них спрятала запас кислорода и поставила часового...

— Странные это были времена и странные люди,— сказал блондин.

— Может быть, и странные,— теперь Торборан говорил тихо,— но благодаря им мы сейчас находимся на Луне... и не только на Луне...

Он взглянул на опрокинутый, теперь уже безвредный параллелепипед, взял свой скафандр и вышел из зала.

СОДЕРЖАНИЕ

Ее голос	5
Цереброскоп	15
Стоящий на грани двух времен	27
Нулевое решение	41
Воробьи Галактики	60
Пятое измерение	79
Космодром	91
Бессмертный с Веги	102
Последняя возможность	117
Прежде чем полетят к звездам	138
Конструктор	149
Часовой	163

Литературно-художественное издание

Конрад Фиалковский

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Редактор **Б. Дмитриев**
Художественный редактор **Н. Дубова**
Технический редактор **Н. Борисова**
Корректоры **Т. Григорьева, Г. Харитонова**

ИБ № 7813

Сдано в набор 23.01.90. Подписано к печати 21.02.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писч. № 1. Гарнитура литературная. Объем 2,75 бум. л. Усл. печ. л. 9,45. Печать высокая. Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 100 000 экз. Зак. 1031.
Цена 3 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2.
Кооператив «Альфа — Бета». 129626, Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Книжная фабрика № 1 Госкомиздата РСФСР. 144003,
г. Электросталь Мос. области, ул. им. Тевосяна, 25.

3 р. 30 к.